

**РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
БРЯНСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО
ПОЗНАНИЯ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Выпуск 4

Под общей редакцией доктора философских наук
Э.С. Демиденко

**Брянск
ИЗДАТЕЛЬСТВО БГТУ
2006**

ББК 87.6

П 78

Проблемы современного антропосоциального познания:
сб. ст. / под общей ред. Э.С. Демиденко. – Брянск: БГТУ,
2006. – Вып. 4. – 172 с.

ISBN 5-89838-212-7

Рассматриваются актуальные темы и проблемы современной социальной философии, философской антропологии и философии истории. Авторы – ученые и аспиранты вузов г. Брянска и Брянской области.

Предназначен для преподавателей философских дисциплин, аспирантов и студентов.

Редколлегия:

В.Г. Горбачев – кандидат философских наук, доцент

Д.Г. Горин – доктор философских наук

Э.С. Демиденко – доктор философских наук, профессор

А.Ф. Шустов – доктор философских наук, профессор

Рекомендован к печати кафедрой философии,
истории и политологии Брянской государственной
сельскохозяйственной академии

ISBN 5-89838-212-7

©Брянский государственный
технический университет, 2006
©Коллектив авторов, 2006

РЕАЛЬНОЕ, ВООБРАЖАЕМОЕ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ В ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВ: К МЕТОДОЛОГИИ ХРОНОТОПИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Современный анализ институционализации и развития различных обществ невозможен без учета сложившегося в гуманитарном знании различения реального, воображаемого и символического. «Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней, так сказать, лицом к лицу, – отмечал Э. Кассирер. – Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая деятельность человека... Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника» [8, с.471]. Вопрос о соотношении реального, воображаемого и символического становится центральным в открытых по сей день философских дискуссиях.

У структуралистов «чистая» реальность выводится за рамки культуры, а следовательно, непосредственной эмпирической данности, воображаемое представляет собой игру субъективных иллюзий, а символическое остается той единственной структурой, которая определяет человека, его деятельность и господствует над ним. Символическое проявляет себя в структурах языка и мышления, за пределы которых, как считают структуралисты, человек выйти не в состоянии. Основа этих структур укореняется в бессознательном, которое, как показал Ж. Лакан, также структурировано как язык и представляет собой «дискурс Другого» [10, с.11-13]. Размышляя о соотношении реального, воображаемого и символического, Ж.Лакан отличал реальное от реальности. Понятие «реальность» включает действительно существующий мир, который, однако, воспринимается людьми через призму порядков символического и игры воображаемого. Реальное у Лакана представляет собой абсолютно исходный (или утраченный) и потому невозможный для субъекта опыт, т.е. своего рода несимволизируемый «остаток», невообразимое и остающееся невысказанным. Развивая идеи З.Фрейда в структуралистском духе, Ж.Лакан помещал во внутренний психический мир человека не только воображаемое и символическое, но и реальное. При этом реальное он определял как отголоски сферы телесности и физиологических потребностей, воображаемое – как иллюзорную и самоослепленную игру личностного сознания, а символическое – как культуру, переинтерпретируя и переворачивая известную схему З.Фрейда: «Оно» как реальное – «Я» как воображаемое – «СверхЯ» как символическое. Причем в качестве первичного элемента Ж.Лакан определял именно символическое, полагая что человеческие желания и воображение вписываются в уже существующие символические структуры. Продолжатель лакановской традиции люблянский интеллектуал С.Жижек пытается применить схему Ж. Лакана к анализу современных социально-политических

и идеологических явлений и реабилитировать реальное, отмечая его избыточность по отношению к любой символизации [6; 7, с. 42, 117-122; 11, с. 167-169].

В постструктурализме и постмодернизме ставится задача освобождения человека и социальных практик от господства «дискурса Другого», т.е. неких трансцендентных символических структур: наследия истории, груза традиций, рациональных построений, религиозных доминант, бессознательных структур или различных проявлений «дискурса власти», и прорыва к «чистой» реальности через деконструкцию смысла и разрушение символических структур. Однако в философии постмодерна речь идет также и об «исчезновении» реальности, которая подменяется виртуальностью и разного рода симулякрами (Ж. Бодрийяр). Характерно высказывание Ж.Делёза: «Скорее чем о процессах субъективации, можно было бы говорить также и о новых типах событий: событий, не объясняемых через состояния вещей, которые их вызывают или в которые они проваливаются... Веры в существование мира, - вот чего нам не хватает больше всего; мы полностью потеряли мир, нас лишили его. Верить в мир – значит также вызывать к жизни даже незначительные события, которые ускользают от контроля, или же порождать новое пространство-время, даже с сокращенной поверхностью или объемом» [5, с.225]. Эти слова Ж. Делёза вполне согласуются с замечаниями многих экспертов о том, что главная проблема современной России – отсутствие субъектности, способной повлиять на положение дел (прежде всего в социально-политическом смысле).

Одним из аспектов дискуссии о соотношении реального, воображаемого и символического является обсуждение возможности самоинституирования общества, без отсылки процесса институционализации к «дискурсу Другого». Такую возможность в постструктуралистском духе обосновывал французский философ К. Касториадис. Вслед за структуралистами он полагал, что общественные институты берут начало «в социальном воображаемом», превращаясь в символическую структуру и превосходя свои рациональные функции, подменяя реальность воображаемым и порождая характерное для современного общества чувство отчуждения. Отчуждение, по Касториадису, это и есть следствие «приобретшего самостоятельность воображения, присвоившего себе право определять для субъекта как реальность, так и его желания» [9, с.118]. Причем пика своего господства власть воображаемого достигает в век господства рационализма. «Псевдорациональность современного мира – одна из исторических форм воображаемого», - пишет К. Касториадис [9, с.175]. Выходя за рамки структуралистского стиля мышления, К. Касториадис ищет возможность преодоления этого отчуждения путем установления «автономных практик», т.е. практик, свободных от «дискурса Другого». Цель таких «автономных практик» состоит в освобождении известных общественных институтов от влияния символических структур и творении не столько новых институтов, сколько принципиально нового («автономного») способа установления общества.

Однако если общество конституирует некий горизонт символического, то вряд ли возможно «автономное» существование общества вне этого горизонта. Полемизуя с К. Касториадисом, Ю. Хабермас отмечает, что «автономная практика» невозможна: если практика автономна от символических контекстов и при этом осуществляется локально и конечно, то она «теряет все признаки человеческого поступка» [12, с.341-342]. Постструктуралистская и постмодернистская концепция К. Касториадиса выглядит заманчиво, но даже если подобный путь в некую «пустыню реального» окажется возможным, то он неизбежно будет связан с выстраиванием новых символических порядков. Симптоматично, что на теракты 11 сентября в США С. Жижек отреагировал нашумевшим эссе под характерным названием «Добро пожаловать в пустыню реального», в котором предложил «обратное» прочтение событий. По его мнению, в момент теракта в Нью-Йорке не реальность вошла в символический образ, а растиражированный ранее голливудский образ вошел в реальность и сотряс ее. Кстати, само название эссе дословно повторяет слова Морфеуса – одного из героев известной кинотрилогии «Матрица», которая в значительной степени является метафорической иллюстрацией к философской дискуссии о соотношении реального, воображаемого и символического.

В любом случае, перенося эту дискуссию в поле анализа институционализации общества, мы должны четко представлять роль символических структур, т.е. структур идеальных по своей природе, но означающих и кодирующих любую социальную практику. Практика всегда ориентируется на смысл, который невозможен вне сложившихся в культуре символических структур. Символическое укореняется в различных подсистемах общества: политических, социальных, религиозных, экономических, правовых, поскольку в каждой из таких подсистем можно выделить как символические, так и социально-прагматические элементы.

Поэтому возникает проблема определения взаимосвязи между символическими структурами и социально-практическими аспектами институционализации общества. С определенными оговорками эту взаимосвязь можно определить как отношения между созидющим и созидаемым, институтирующим и институтируемым (имея в виду не только прямые, но и обратные влияния одного на другое). В самом общем виде можно выделить следующие основные проблемные узлы, в которых влияние символических порядков на процесс институционализации современных обществ приобретает решающее значение:

- определение критериев идентичности сообществ (в том числе этнических, национальных, цивилизационно-культурных);
- реализация функции целеполагания и определение высших смыслов социальной деятельности и соответствующих дискурсов;
- легитимация власти, которая, как показал П. Бурдьё [3, с.117-132, 181-207], обретается путем реализации символических структур и кодирования

социальных практик на основе «принципов видения» (деления, классификации, иерархизации);

- определение символических критериев доступа к власти и системам распределения;

- реализация контроля над идейно-политическими ресурсами и регуляция политической борьбы;

- влияние на процессы социальной стратификации и реализации определенной системы видения социальной иерархии на основе кодирования и символизации сущностных статусообразующих признаков;

- выделение и символизация некоторых специфических видов деятельности и ограничение доступа к ним;

- обоснование прав на экономические ресурсы и ценности и закрепление этих прав в символической структуре;

- определение критериев и рамок основных разновидностей знания, изучение которых признается в данном обществе наиболее ценным и легитимным (или нелегитимным);

- духовное обоснование экономических практик (аналогичное тому, которое было описано М. Вебером применительно к протестантской этике и духу капитализма);

- определение приоритетного значения какого-либо типа экономической политики.

Любые сложные общества, как известно, обладают свойством централизованности, отражающим способ связи между их элементами и подсистемами. В социальных системах макроуровня централизованность задает способ взаимосвязи между символическими структурами и социальными практиками. Социокультурная регуляция в таких системах осуществляется путем вычленения центра и периферии, напряженность между которыми отражает противоречие между ценностно-смысловыми ориентациями и практиками. Этот вывод на основе богатого исторического материала был подтвержден Ш. Эйзенштадтом в сравнительном исследовании социальных преобразований и революционных практик в различных типах общества. «Построение центров, - пишет он, - означает на макросоциальном уровне создание фокуса институционализации в символических и организационных аспектах социальной жизни, формирование места, где организационные характеристики и проблемы соединяются с макрообразцами смысловых значений; иначе говоря, где происходит преобразование специфических организационных проблем в символические формы с нормативно запрограммированными характеристиками» [13, с.80].

Механизм взаимовлияния символических структур и институционализации социальных практик может быть описан через выявление социокультурных кодов, которые задают способы переживания времени, телесности, принципы означивания пространственных локусов тех или иных социальных практик, значимых для данных практик предметов, а также стилей и форм коммуникации. Соответственно в социально-антропологических

исследованиях выделяются временной, пространственный, телесный, предметный, идеографический, запаховый, вербальный коды, а также коды поддержания границ различных социальных систем, коды консолидации сообществ, коды управления и т.д.

В ряду названных кодов фундаментальное значение имеют временные и пространственные коды. Время и пространство в кантианской традиции рассматриваются как «субъективные условия всякого нашего созерцания» и необходимые способы различения предметов и явлений в потоке человеческого восприятия. В этом потоке предметы предстают не как вещи сами по себе, а как явления феноменального мира. Время и пространство, по И. Канту, даны нам в нашей субъективности (интерсубъективности) не как объекты, а как способы представлять мир как объект. Иначе говоря, время и пространство, как «чистые формы» созерцания, заключают в себе априорное условие всякой возможности восприятия, они позволяют нам воспринимать данность, упорядочивая её. Философия И. Канта оказала существенное влияние на решение проблемы пространства и времени в более поздней философии. Развивая свою философию жизни, А. Бергсон рассматривал время не механически, а как характеристику жизненного потока, сохраняющую свою преемственность во внутреннем для человека переживании длительности [2, с.46]. Простое переживание присутствия того или иного предмета, как показал Э. Гуссерль, распадается под влиянием предвосхищений и запоминаний, которые каждое актуальное переживание обращают в прошлое или будущее. В любом переживании настоящего содержится момент другого, элемент инаковости. Поэтому такое переживание не является «чистым» и не может быть описано без выявления временного кода, характерного для данной культурной традиции. Любые актуальные практики невозможны и вне пространственной локализации социальных субъектов, которые всегда различаются по местонахождению в пространстве (как физическом, так и социальном, или культурно-смысловом). Означивание этого местонахождения (как и пространственная дифференциация вообще) определяется пространственным кодом.

Рассматривая временные и пространственные факторы смыслообразования, М.М. Бахтин использовал понятие «хронотоп» (от *chronos* – время и *topos* – место). Время и пространство в данном случае понимаются как фундаментальные условия переживания и наделения смыслом любых событий и явлений. Сами хронотопы не всегда осознаются и рефлексированы носителями определенной культуры. Но они всегда задают определенность осмыслению социальных практик в рамках соответствующей символической структуры. По образному замечанию самого М.М. Бахтина, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов», поскольку живое созерцание «схватывает хронотоп во всей его целостности и полноте», а любые смыслы «пронизаны хронотопическими представлениями разных степеней и объемов» [1, с. 9-10, 177]. Это и создает возможность хронотопического анализа текстов на основании выявления временных и

пространственных параметров означивания и смысловой конкретизации тех или иных событий. Учение М.М. Бахтина о хронотопе возможно применять к моделированию не только литературно-художественных текстов, как это делал он сам, но и «текстов», отражающих символические структуры. А если иметь в виду описанную взаимосвязь между символическими структурами и социально-практическими аспектами институционализации общества, то можно говорить о хронотопическом моделировании различных социальных процессов и систем.

С целью построения хронотопических моделей динамики социальных систем необходимо выявить и описать временные и пространственные коды, характерные для различных уровней культуры, проявляющейся в данной системе. Хорошо известно, что отношение ко времени и восприятие пространства в различных культурах существенно различаются. Эти различия можно классифицировать по следующим основным критериям:

- фиксация культуры на прошлом, настоящем или будущем;
- формы влияния сакральных смыслов на пространственно-временные архетипы и способы взаимосвязи между сферой священного и пространством-временем повседневной жизни;
- стремление к разнообразию временных ритмов и дифференциации пространственных локусов или к их синхронизации и универсализации;
- восприятие времени-пространства как разорванного, дискретного или единого и непрерывного;
- ориентация на открытость или закрытость отдельных пространственных локусов;
- принципы дифференциации пространства на «свое»-«чужое», «приватное»-«публичное», «центральное»-«периферийное» и т.п.;
- осмысление переживания времени как циклического или линейного;
- доминирование в культуре вертикальных или горизонтальных смыслов;
- ориентация на активную деятельность или на переживание некой временной длительности;
- предпочтение стабильности или преобразований;
- формы проявления и чередования мобилизационного и застойного времени.

При анализе больших социальных систем, функционирующих в крупных геополитических ареалах, на первый план выходит пространственное мышление, поскольку внимание акцентируется на разнообразии пространства культуры и уникальности различных цивилизационных регионов. Сформировавшаяся в том или ином пространственном локусе культурная уникальность является определяющей по отношению к стадийным изменениям, которые задают временной вектор развития. Сложное взаимодействие любой культуры со своей пространственной средой определяет специфику означивания пространства и протекания культурного времени.

Учитывая сложность и многоуровневость социальных систем, необходимо ввести еще один параметр построения хронотопических моделей, связанный с различием уровней функционирования символических структур и социальных практик. Так, временные и пространственные коды на разных уровнях могут функционировать применительно: к фенологической системе означивания времени, необходимой для приспособления сообщества к природным ритмам; цикличной фиксации событий на уровне структур повседневности; «живой хронологии», обозначающей события в пределах жизни одного поколения; линейному отсчету событий политической истории; означиванию отдельных исторических эпох. На макроуровне культуры и общества вводятся длительные масштабы времени, выходящие за рамки не только «естественных» человеческих измерений и политических процессов, но и всех зрительных изменений, доступных органам чувств и памяти.

Особое значение имеет выявление хронотопов, относящихся к сфере сакрального, которая так или иначе проявляется в любой (даже секуляризованной) культуре. Основания современных символических структур следует искать в «осевом времени», когда, согласно К. Ясперсу, возникли духовные основы мировых религий. Ш. Эйзенштадт обращает внимание на порожденную «осевым временем» напряженность между трансцендентными сакральными порядками и повседневной жизнью. Эта напряженность выражается в сложном взаимодействии символических и институциональных порядков и разрешается путем формирования новых принципов макрорегуляции общества. Сакральные хронотопы в различных культурах создают возможность радикального снятия пространственно-временной конечности человеческой жизни. Осознание напряженности между повседневной жизнью и сакральными порядками имеет решающее значение в развитии представлений об альтернативных (в том числе утопических) принципах общественного устройства, которые в значительной степени определяют динамику социальных систем.

Таким образом, основные параметры хронотопических моделей динамики социальных систем разного уровня¹ [4] задаются на основании выявления:

- 1) специфики взаимосвязи между символическими структурами и институционализацией социальных практик;
- 2) особенностей проявления пространственных и временных кодов в рамках соответствующих символических структур;
- 3) уровней функционирования данной социальной системы и соответственно уровней проявления хронотопических контекстов различных процессов и явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М.М. Эпос и роман / М. М. Бахтин. – СПб., 2000.
2. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – Минск, 1999.
3. Бурдье, П. Начала / П. Бурдье. – М., 1994.

¹ Опыт хронотопического моделирования был предпринят автором применительно к динамике российских цивилизационных структур.

4. Горин, Д.Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации / Д.Г. Горин. – М., 2003.
5. Делёз, Ж. Переговоры / Ж. Делёз. – СПб., 2004.
6. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек. – М., 2002.
7. Жижек, С. Хрупкий абсолютизм, или Почему нам стоит бороться за христианское наследие / С. Жижек. – М., 2003.
8. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М., 1998.
9. Касториadis, К. Воображаемое установление общества / К. Касториadis. – М., 2003.
10. Лакан, Ж. Телевидение / Ж. Лакан. – М., 2000.
11. Рыклин, М. Непристойное предложение. Беседа с Славоем Жижекком / М. Рыклин // Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. – М., 2002.
12. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М., 2003.
13. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ / Ш. Эйзенштадт. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999.

Н.В. ПОПКОВА

ТЕХНОСФЕРНЫЕ ФАКТОРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

Констатация перехода наиболее развитых технологически обществ к новому социальному типу организации – постиндустриальному – делает неизбежной постановку вопроса о происходящих при этом трансформациях, изменяющих социальную структуру, политические институты, жизнь людей. Современные исследователи неоднократно формулировали, обосновывали и анализировали социально-политические закономерности наступающего типа общественного развития. В данной статье ставится целью не повторение уже известных исследований, а интерпретация их результатов для выявления объективных техногенных тенденций социального развития. Как известно, многие характеристики, отмеченные исследователями среди присущих новому обществу, вызывают негативную оценку. Возможно, именно безличные механизмы техногенного развития, действующие на постиндустриальный социум, уменьшают способность человека формировать общественное бытие по собственной воле.

Автор считает, что основные социально-политические изменения, отмечаемые в XX веке, связаны в том числе с адаптацией общественных отношений к техносферному росту. Они отражают как формирование в ряде государств переходной ступени к новому типу общественного развития – постиндустриальному, так и попытки индустриальной модернизации в других регионах мира. Социально-политические конфликты, связанные с этими процессами, выдвигаются на первый план, а уровень технологического развития государств становится сознательной целью политических трансформаций. В результате характерная для постиндустриального общества техносферизация социально-политических отношений затрудняет традиционные методы их регулирования.

Рассмотрим новые социальные тенденции и их техногенные причины.

Традиционное понимание изменяющейся социальной стратификации уже связало наблюдаемые трансформации с технологическим развитием. Сначала (поскольку наука стала главным источником технологий, а технологии – главным фактором экономического успеха) происходящие при постиндустриальной модернизации изменения социальной структуры сводились к повышению роли интеллигенции в современном наукоемком производстве, влекущему за собой увеличение ее значения и в других сферах жизни. Однако реальность оказалась гораздо жестче. Так, Д.Белл предсказывал, что в постиндустриальном обществе будут три социальных слоя (творческая элита ученых, средний класс инженеров и низший класс техников и ассистентов), а основным социальным противоречием нового мира будет конфликт между элитой специалистов и «простонародьем», не способным войти в среду научно-технической интеллигенции [2, с. CLV-CLVI]. Сейчас отмечается, что социальное деление постиндустриального общества не приближается к гармонии. Напротив, новая система характеризуется ростом социальной поляризации. Как показывает анализ современной ситуации, техносферный рост сопровождается (при общем росте производимых материальных благ) все увеличивающимся разрывом по экономическому уровню жизни между двумя группами: малоквалифицированными работниками, занятыми физическим трудом, и высококвалифицированными, способными посвятить долгое время получению образования (что придает особое значение стартовому уровню жизни в родительской семье) и затем постоянно повышать свою квалификацию, осваивая все новые инновации. Поток внедряемых в производство технологических новшеств заставляет человека непрерывно отстаивать свое место на рынке труда. Безработные более не могут считаться «резервной армией труда», которая является лишней на сегодняшний день, но может быть возвращена в промышленность при благоприятном повороте дел. З.Бауман приходит к неутешительному выводу: «Даже если новые правила рыночной игры обещают рост общего богатства нации, они в то же время неизбежно ведут к расширению пропасти между теми, кто участвует в игре, и теми остальными, кто выбыл из нее... Люди, оказавшиеся за пределами игры... не требуются даже в качестве потенциальных производителей благ» [1, с.93]. Средний слой постиндустриального общества «сжимается», из него выпадают люди, которые не в состоянии постоянно адаптироваться к новым технологиям и повышать свою квалификацию. Как показывают исследования В.Л.Иноземцева, в технологически развитых странах нарастает новое социальное противоречие. С одной стороны, часть граждан, добившихся высокого уровня благосостояния и получивших хорошее образование, все более сосредоточиваются на целях собственного внутреннего и интеллектуального роста. С другой стороны, им противостоит часть населения, занятого главным образом в отраслях массового производства, не требующих творческих способностей. Обе эти группы оказываются все более изолированными друг от друга. Это

противоречие, как считает В.Л.Иноземцев, с развитием постиндустриализма будет усугубляться: представители класса носителей знания с каждым новым десятилетием будут перераспределять в свою пользу все большую часть общественного – богатства, а граждане, не обладающие исключительными талантами, – сталкиваться со всё более жестокой конкуренцией. Вывод таков: в постиндустриальных странах формируется новая классовая структура, где «класс интеллектуалов», представляющий меньшинство населения, противостоит «отчужденному классу». «Такое положение дел представляется более взрывоопасным, – предупреждает В.Л.Иноземцев, – нежели противостояние буржуазии и рабочего класса»: во-первых, в нынешних условиях между классами отсутствует позитивное взаимодействие, они попросту не нужны друг другу; во-вторых, образование и интеллектуальные способности не могут быть обретены столь же легко, как деньги, следовательно, наследственная принадлежность к нынешнему «низшему классу» гораздо более жестка [3, с.148].

Причинами этого процесса исследователи называют неизбежные следствия информатизации производства: дифференциацию между высокотехнологизированными и традиционными сегментами производства и глобализацию экономики, приводящие к тому, что нерентабельными становятся целые отрасли промышленности. В результате, как отмечает М.Кастельс, постиндустриальное общество редуцируется к двухклассовой системе, делясь на «информационных производителей» и малоквалифицированную рабочую силу, которая все меньше востребуется по мере замены физического труда машинами. «Фундаментальными социальными разломами в информационную эпоху, – резюмирует М.Кастельс, – являются: во-первых, внутренняя фрагментация рабочей силы на информационных производителей и заменяемую родовую рабочую силу; во-вторых, социальное исключение значительного сегмента общества, состоящего из сброшенных со счетов индивидов, чья ценность как рабочих... исчерпана и чья значимость как людей игнорируется» [5, с.499-501].

Таким образом, первое из социальных последствий, порожденных техногенным развитием в современную эпоху, – изменение структуры обществ, переходящих к постиндустриальному типу развития. Поскольку новое классовое деление отражает особенности современного производства, остается очень малая возможность сознательно изменять ее ради улучшения положения низшего класса: если его экономическое положение может поддерживаться на приемлемом уровне, то восстановление его социальной значимости проблематично.

Большинство исследователей отмечают и политические тенденции, в значительной мере вызванные техногенным развитием: сокращение роли национального государства и вырождение системы представительной демократии.

Демократическая система неоднократно сравнивалась с гигантским механизмом, основанным на совокупности социальных технологий

(рационально организующих общество и занявших место традиционных связей). Поставив целью совершенствование не внутреннего мира людей, а их взаимодействий (вплоть до умения ставить недостатки и слабости индивидов на службу обществу), основатели демократической модели пошли по пути, проложенному технологизацией производственной сферы. История последних столетий, казалось бы, не оставляет сомнений в том, что именно в демократических государствах наука и техника развиваются наиболее успешно. Конечно, индустриальное развитие возможно и на авторитарной основе, но, как показал исторический опыт, оно большей частью принимает форму одинокого скачка, за которым следует застой. Демократия признана лучшей политической системой, обеспечивающей и экономический рост, и военно-технологическое развитие. Поэтому попытки индустриализации традиционных обществ сопровождаются, как правило, попытками демократизации их политических систем.

Но с дальнейшей техносферизацией общества появляются все более совершенные технологии, в том числе и социальные. Демократия, как политический режим, характерный для индустриальной цивилизации, изменяется: с новыми достижениями приходят новые трудности. В частности, появившиеся в результате технологического развития средства массовой информации и рекламные технологии вносят прямой вклад в политическую систему, становясь ее главными участниками. По мере развития СМИ слабеет заинтересованность граждан в политической жизни и снижается уровень их осведомленности в политике.

Проявляется тенденция к житейскому восприятию политики: избиратели наблюдают за ней, как за спектаклем, и всё больше шансов быть избранным не у того политика, который может предъявить реальные дела или убедительно составленную программу, а у того, кто привлек на свою сторону больше знаменитостей и создал более позитивный имидж. В результате политический выбор большинства становится не результатом обдуманного решения и анализа, а «призом зрительских симпатий». Поэтому идеологическая борьба как основа политической конкуренции уходит в прошлое. Так, М.Кастельс показывает, что политика становится «информационной», осуществляясь главным образом как «манипулирование символами в средствах массовой информации» и оставляя все меньше значимых функций классовым и идеологическим объединениям с их конкретными программами действий. Поэтому обычные люди по мере перехода к постиндустриальному обществу «будут все более и более удалены от коридоров власти и разочарованы в разрушающихся институтах гражданского общества». В результате «политика становится театром, а политические институты скорее агентствами по заключению сделок», и битвы за власть в информационную эпоху ведутся главным образом не на поле реальных политических дел, а в средствах массовой информации, так как «власть – как возможность предписывать поведение – содержится в сетях информационного обмена и манипуляции символами» [5, с.502-511].

С другой стороны, исследователи отмечают, что прогрессирующее безразличие людей к политике связано не только с воздействием СМИ, но и с вытеснением идеологических оценок прагматическими: от властных институтов ждут простого регулирования общественной жизни, а не воплощения идеалов.

Одновременно с оформлением индустриального способа производства сформировались национальные государства. Они на основе единства экономики, языка и культуры, внутри четко зафиксированных территориальных границ монопольно осуществляли государственную власть. Но сегодня экономические, политические, информационные процессы переросли государственные границы и привели к развитию наднациональных институтов. Как подчеркивает Д.Белл, «национальное государство стало слишком мало для решения крупных проблем и слишком велико для решения мелких» [2, с. СXXXIX]. Выход производственных и экономических процессов за государственные рамки приводит к падению значения традиционных политических институтов. Основы государственного суверенитета – экономические, военные и культурные – в современном обществе подорваны. Власть уже превышает национальные масштабы.

Несмотря на вектор демократизации, XX век стал свидетелем появления тоталитарных режимов, на счету которых десятки миллионов жертв. Тоталитаризм, согласно Х.Арендт, – это реакция на «омассовление» людей и на кризис системы национальных государств, его опора – бесструктурная масса озлобленных индивидов, лишенная социальных связей и культурных традиций, соединенная только отрицательной солидарностью (враждой ко всем, кто не похож на нее). Сильная власть имеет определенные психологические преимущества: ограничивая возможность самовыражения (которое не осознается как потребность «человеком толпы»), подобный режим дает защиту, уверенность, чувство причастности к большому целому, решает идеологические вопросы. Жизнь в условиях постоянной неопределенности многим людям кажется слишком сложной. По словам З.Баумана, они предпочли бы «мир, где каждый знает, что необходимо делать, чтобы оказаться правым»; считая себя «заточенными в свободу», они охотно согласятся на предложение «большей простоты» [1, с.110]. В демократизирующихся странах, решающих вопрос перестройки массового сознания, возможна мечта о «сильном лидере», которая может привести к демократически оформленному переходу власти в руки авторитарных групп. Именно производство масс как составная часть индустриального производства подрывает представительную демократию: управляемая инстинктами масса действует вместо автономного индивида, обладающего свободой выбора (на которого и был рассчитан сам институт демократии). Это создало в промышленно развитых странах угрозу бюрократизации и технократизации, а в модернизирующихся обществах – опасность возникновения тоталитарных режимов.

В числе факторов, приведших к этой тенденции, называют техносферный рост, вернее, его социокультурное следствие – создание массового общества. Включение больших масс людей в однотипные технологические процессы и взаимодействия, потребление стандартизированных продуктов материального и духовного производства привело к формированию однородных стилей жизни и типов мышления. Общие условия техногенного быта – развитие всемирных коммуникаций и унификация материальных инфраструктур – приводят к усреднению внутренней, духовной жизни людей. В результате вырабатывается человек, «ориентированный на механическое выполнение заданной социальной роли, податливый к рекламным и другим массовым внушениям, но преисполненный жажды социального возвышения и достижения потребительского максимума» [10, с.137-143]. Остаётся надежда на то, что именно переход к новой технологической ступени поможет преодолеть массовизацию: если в основе индустриальных технологий лежали отчуждение труда и стандартизация, распространявшиеся на человека и ведущие к его духовной деперсонализации, то постиндустриальная цивилизация рассматривает людей не как легко заменимые «винтики» технологического процесса, а как творцов, чьи духовные силы необходимы для современного производства. Соответственно будут выработаны и приемлемые для этих индивидуальностей множественные формы социальной и культурной жизни. Но это не обязательно приведет к позитивным последствиям: демассовизация может оказаться слишком сильной, разрушающей возможности совместных социальных действий людей. «Неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того, чтобы объединять, – отмечает З.Бауман. – Идея «общности интересов» оказывается все более туманной, а в конце концов – даже недостижимой. Сегодняшние страхи, беспокойства и печали устроены так, что страдать приходится в одиночку» [1, с.30-31].

Самоорганизация техносферы, выражающаяся в построении единого техногенного пространства, противостоит политическим, культурным, идеологическим различиям и соединяет различные регионы в единое целое. Цепь социальных, экономических, культурных перемен за XX век привела к возможности беспрепятственного перемещения людей, товаров, технологий, природных и интеллектуальных ресурсов, услуг, информации по всему миру, несмотря на государственные границы. Тенденция к глобализации, присущая современному этапу техносферного роста, распространяется и на общественную жизнь. Идет универсализация науки и образования, социальных связей и ценностей.

Придавая планетарные масштабы современным техногенным процессам, глобализация доводит до общечеловеческих их социоприродные последствия, приводя, в частности, к формированию глобальных проблем современности. Если на предшествующих стадиях социального развития кризис одних цивилизаций почти не затрагивал остальных, в результате чего человечество

могло продолжать свое развитие по альтернативным путям, то социоприродные кризисы в глобальном мире могут иметь глобальные последствия. Возможно, формируется метасоциум как человеческое общество, становящееся творческой и глобальной силой, исходящей из своей системной целесообразности.

Отмеченный процесс не подвергается сомнению, но его возможные последствия туманны. Переход от национально-государственного строения к единому метасоциуму, как следствие информационного единства человечества и оформившегося международного разделения труда, имеет на своем пути опасные ступени. Так, в процессе формирования всепланетного социально-техногенного образования исчезают многие народности, их языки и культуры. Философское осмысление процесса глобализации приводит к выявлению противоречивости ее результатов – как политических, так и экологических. Поэтому, по словам З.Баумана, «понятие глобализации описывает процессы, представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными, процессы, происходящие помимо людей» [1, с.143].

Автор оценивает формирующийся единый социум как создаваемый не субъективными желаниями отдельных людей (или элит), а объективными процессами социоприродных взаимодействий. Формирование техносферы глобальных масштабов (выражающееся в международном разделении труда, глобальных техногенных изменениях климата и т.п.) со второй половины XX века создает объективную потребность в формировании единых экономического, информационного, научного, политического пространств, позитивно влияющих на дальнейшее развитие техносферы. С другой стороны, следствием функционирования общепланетарной техносферной системы является формирование глобальных пространств: экологического, урбанистически-бытового, культурного. Их дальнейший рост и расширение вызваны не сознательной волей людей, а объективными закономерностями техногенного развития.

Многие политические проблемы вызываются неравномерностью техногенного развития. Далеко не все цивилизации смогли развить даже индустриальную модель, не говоря уже о постиндустриальной. В результате сформировались два мира. Автор приведет лишь небольшое количество статистических данных, отражающих это. Так, в 1995 г. на 24 % населения Земли приходилось 80 % мировой продукции, а на 55 % населения – 5 % продукции [8, с.103]. Десять ведущих промышленных стран с 7 % населения планеты потребляют 70 % вырабатываемой энергии, а более ста развивающихся стран с 75 % населения – лишь 20 % энергии [7, с.114]. За два прошедших столетия разрыв по размеру валового внутреннего продукта между двумя типами цивилизаций лишь увеличился, например между США и Китаем – с 1,2 до 15,4 раза, США и Индией – с 1,4 до 21,7 раза [11, с.5]. Таким образом, параллельно процессу глобализации по ходу техногенного развития не уменьшается, а нарастает разрыв в экономическом развитии регионов, усугубляемый осложняющейся демографической ситуацией: отрицательным

приростом населения в развитых странах и демографическим взрывом в странах «третьего мира». Основным методом ликвидации этого раскола признается, как правило, ускоренное техногенное развитие регионов с традиционным укладом. В качестве средства для интенсификации индустриального развития и повышения уровня жизни развивающимся странам предлагаются рецепты техносферного роста, объединенные названием процесса модернизации.

Модернизацией в современной общественной мысли называется переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Теория модернизации появилась в 50-х гг. XX века. и была основана на предположении, что все народы проходят одни и те же стадии развития, а магистральный путь истории – технологический рост и демократизация. Один из авторов теории модернизации Ш.Эйзенштадт был убежден, что этот процесс не ограничится технологическим развитием, став изменением всей общественной системы в направлении тех типов социальных, экономических и политических систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке. В связи с этим он предостерегал: то, что модернизация «предполагает продолжительные изменения во всех главных сферах общества, с необходимостью означает, что она несет в себе процессы дезорганизации... с соответствующим развитием социальных проблем, расколом и конфликтами» [6, с.40].

К сожалению, технократические оптимисты далеко не сразу восприняли это предостережение. Долгое время процесс технологического развития рассматривался как всеобщий и универсальный. Результат стимулированного техносферного роста, вызываемого не внутренней самоорганизацией технологической системы региона, а внешними причинами (чаще всего – стремлением к экономическому развитию и усилению военно-политической мощи), оказался неоднозначным: из полутора сотен развивающихся стран, приступивших к модернизации за вторую половину XX века, лишь десятку удалось войти в глобализированный рынок, а остальные маргинализировались, фактически оказавшись за пределами мирового развития – в огромном «четвертом мире», до которого никому нет дела. В частности, с 1960 по 2000 г. в 55 развивающихся странах произошло падение дохода на душу населения [9, с.70-77].

Факты показали, что модернизация удастся далеко не всем странам. Современные исследователи объясняют это по-разному. С одной стороны, подчеркивают важную роль традиционной культуры и местного менталитета в технологических преобразованиях, признавая неприемлемость западных рецептов для других стран. Иногда же, напротив, утверждают, что наряду с цивилизациями, предрасположенными к модернизации, есть и другие, чуть ли не на генетическом уровне запрограммированные на технологическое отставание.

Эта точка зрения, подозрительно напоминающая расизм, вызывает протесты в развивающихся странах и ответные упреки в том, что страны –

технологические лидеры современного мира процветают за счет традиционной периферии. Используя глобализацию, они выкачивают из нее природные ресурсы и интеллектуальный потенциал, под видом экономической помощи развивающимся странам переносят туда энергоемкие или экологически грязные производства, а при непослушании используют и прямое военное давление.

На пути ускоренного техногенного развития прослеженное соответствие между уровнями развития техносферы, социальных институтов и культурно-символических программ нарушается. Общественные и культурные процессы имеют большую инертность, чем техносферные, поэтому или в модернизирующемся регионе возникает социальная напряженность, или же толчок технологического развития гаснет в традиционном менталитете. Особое место в ряду социокультурных последствий модернизации занимает изменение политических отношений в развивающихся странах в направлении представительной демократии (порой эти перемены открыто требуются технологически развитыми странами как условие их экономической помощи). Но переход от традиционных авторитарных режимов может оказаться слишком резким, угрожающим анархией и новой вспышкой авторитаризма. Возможность ускоренной социально-политической модернизации, не отвечающей достигнутому уровню массового сознания, подвергается сомнению. Исследователи указывают на то, что подобная «демократия», внедренная в подражание технологическим лидерам, является лишь декорацией: под прикрытием демократических институтов идет привычная борьба традиционных элит, в которой используются современные информационные технологии. Итак, одна из главных трудностей на пути ускоренного технологического развития – признанные необходимыми качественные изменения социальной, политической и духовной жизни традиционных обществ в соответствии с западным стандартом. Несомненна противоположность ведущих ценностей: западноевропейских и североамериканских – с одной стороны – и так называемых традиционных – с другой (активность – и смирение, индивидуализм – и послушание, мобильность – и верность традиции, равенство перед законом – и узаконенное потворство «своим»...) [4, с.134-136]. Возможно, по ходу плавной эволюции этот разрыв был бы снят естественным путем. Но модернизация сопровождается не только распространением технологий, но и «взрывным» внедрением новых социально-политических институтов (под видом принадлежащих «более прогрессивному» обществу).

Препятствием для экономического роста развивающихся стран могут послужить не только субъективные, но и объективные проблемы, в частности недостаток природных ресурсов. Именно перед модернизирующимися регионами встает роковая дилемма между экономическим ростом (сопровождающимся ростом техногенной нагрузки на биосферу и ее загрязнением) и сохранением природных ресурсов и биосферной среды (ценой ограничения промышленного развития и сохранения низкого экономического

уровня). На пути технологического развития неизбежен сначала этап экологически грязного производства (сопровождающегося загрязнением окружающей среды), и лишь потом возможно внедрение современной, природоохранной промышленности. Таким образом, попытки борьбы с бедностью на традиционных путях социально-экономического развития неизбежно ведут (с учетом роста народонаселения) к быстрой деградации природы. Возможности экстенсивного промышленного развития на основе ресурсозатратных технологий исчерпаны. При характерном для современного состояния природы глобальном истощении природных ресурсов возможности достижения развивающимися странами уровня экономически развитых регионов и, следовательно, их уровня жизни становятся все меньшими.

Кроме того, индустриализация аграрных регионов – лишь самая близкая из целей модернизации. Постиндустриальный мир уходит все дальше в совершенствовании своих технологий, и у развивающихся стран остается все меньше надежд не только догнать и перегнать нынешних лидеров, но и просто сократить свое отставание от них. Встает необычайной важности вопрос: возможно ли в принципе формирование глобального постиндустриального общества или разрыв между технологическими лидерами и периферией непреодолим и любые разумные темпы модернизации уже не выведут остальные страны вперед. Иногда высказывается мнение, что выбора уже нет: дверь «постиндустриального рая» захлопнулась и отставшие технологически регионы обречены. Так, В.Л.Иноземцев считает, что подобные формирующемуся разбиению постиндустриального общества на два класса – интеллектуалов и «исключенных» – процессы идут на всей планете. Западный мир так же не нуждается в «третьем мире», как интеллектуалы – в «низшем классе». Процессы, обычно именуемые глобализацией, не создают подлинно единого мира, так как все более последовательно замыкаются в территориальных границах атлантической цивилизации. Причина этого, согласно исследованиям В.Л.Иноземцева, – объективное свойство постиндустриального хозяйства: достигнув определенного уровня, развиваться, формируя замкнутый сектор, все меньше стремящийся к взаимодействию с остальными регионами [3, с.150-151].

Результатом цивилизационного раскола и отсутствия надежды на его конструктивное преодоление становится рост экстремизма и фундаментализма. Когда попытки экономического развития не оправдывают надежд, среди народов «третьего мира» растет неприязнь к технологическим лидерам. Все это, наряду с часто высказываемыми сомнениями в возможности создания постиндустриального общества в глобальных масштабах, превращает неравномерность техногенного развития в один из главных источников социальных конфликтов.

Итак, исследование техногенной обусловленности современных общественно-политических тенденций позволяет сделать следующий вывод. Наблюдавшиеся еще на ранних ступенях исторического развития воздействия технических средств формирования искусственной среды на социальные

отношения в современном обществе вошли в число важных факторов социальных трансформаций. Автор называет процесс появления у объектов непроизводственной сферы техногенных характеристик техносферизацией и в данном случае считает возможным вести речь о техносферизации общества. Но техногенная зависимость человеческой жизни (в том числе и социально-политической) сменяет не эпоху полной свободы, а иную форму зависимости – от столь же непредсказуемых стихий природы (в том числе от стихийных процессов в самом обществе). Чувство растущей несвободы в современном мире возникает вследствие сравнения реального положения дел не с прошлым, а с большими ожиданиями, родившимися после промышленной революции, – с надеждами человека стать хозяином своей жизни, не зависеть ни от чего и не знать ограничений в удовлетворении своих желаний. Действительно, постиндустриальное общество имеет характеристики, далекие от идеальных. Но любой реальный объект уступает фантазиям, и философский анализ не должен поддаваться подобным эмоциям.

Наиболее важными тенденциями социально-политической жизни, имеющими преимущественно техногенную обусловленность, автор считает:

- 1) изменение социальной структуры общества, отражающее трансформацию производства и роли человека в технологическом процессе;
- 2) изменение соотношения сил между государственными и глобальными институтами, приводящее к усилению процесса глобализации;
- 3) усиление (несмотря на процесс глобализации) дискретности техносферы, вследствие чего усиливается технологический и экономический разрыв между регионами и обостряются политические противоречия;
- 4) сложные и противоречивые изменения в области социально-массовых процессов, ведущие к кризису идентификации, ослаблению традиционной демократии, усилению массовизации и угрозе тоталитаризма.

Определяющая роль техногенной искусственной среды в обеспечении жизнедеятельности человека давно отмечена для современных людей. Формирующаяся глобальная техногенная система – техносфера – проявляет себя и в других областях, например как фактор социальных изменений. Проблема контролируемости общественно-политических процессов является необычайно важной, поэтому необходимо не только обсуждение желаемых путей развития человечества, но и дальнейшее исследование воздействующих на них техногенных факторов, как ограничивающих свободу действия человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999.
3. Иноземцев, В.Л. Постиндустриальное хозяйство и постиндустриальное общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) / В.Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. – 2001. – №1.

4. Иноземцев, В.Л. Глобальный конфликт XXI века (Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий) / В.Л. Иноземцев, Е.С. Кузнецова // Полис. – 2001. – №6.
5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
6. Красильщиков, В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века / В.А. Красильщиков // Вопросы философии. – 1993. – №7.
7. Лось, А.В. Устойчивое развитие: учеб. пособие / А.В. Лось, А.Д. Урсул. – М.:Агар, 2000.
8. Тураев, В.А. Глобальные вызовы человечеству / В.А.Тураев. – М.: Логос, 2002.
9. Уткин, А.И. Глобализация: процесс и осмысление / А.И. Уткин. – М.: Логос, 2002.
10. Чернов, Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы / Г.Ю. Чернов. – Дубна: Феникс+, 2002.
11. Яковец, Ю.В. Формирование постиндустриальной парадигмы: истоки и перспективы / Ю.В. Яковец // Вопросы философии. – 1997. – №1.

Е.А. ДЕРГАЧЕВА

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕХНОГЕННОГО ЗЕМНОГО МИРА

На протяжении всей социальной истории эволюция человеческого общества шла по пути смены доминант развития. Вначале жизнедеятельность человека определялась природными условиями, затем, по мере развития аграрного общества, – природно-социальными, а в период, начавшийся после промышленной революции XVIII века и соответственно ознаменовавший становление индустриального общества, – уже преимущественно социоприродными, в которых научно-технологическая и техносферная составляющие играют не просто ведущую, но и стремительно увеличивающуюся роль.

Во все времена человек стремился рационализировать свое бытие, организовывать его на основе своего социально развивающегося разума и опыта. Человечество постепенно расширяло свою экологическую нишу, вытесняло вековые биосферные процессы и системы мощью социотехники, а затем и соционаукотехники, усложняя как общественные, так и социоприродные взаимосвязи. Социоэволюционная рационализация периодически приводила к поворотным качественным изменениям и трансформациям в социуме и природе, сопровождалась соответственно местными и крупнорегиональными экологическими кризисами и дальнейшим социальным восхождением человечества, все более и более преодолевавшего биогенные ограничители своей жизнедеятельности.

Достаточно заметная интенсификация рационализации связана с процессами преиндустриального развития в Западной Европе, а затем стремительно усиливающаяся – с индустриализацией общественных систем на рубеже XVIII-XIX веков, распространением индустриального развития на весь

мир. Со времени промышленной революции, с конца XVIII века, существенно меняется характер совокупных производительных сил общества: основную энергетическую нагрузку вместо человека и животных (как это было в аграрном обществе) стала нести техника, а впоследствии – с развертыванием НТР – наукотехника. И хотя в начале XXI века преимущественно ручным трудом занята еще примерно половина населения мира, но доля этого труда составляет ничтожную часть, а на долю промышленной энергетики приходится до 99 % объема всех работ в мире.

Таким образом, благодаря наукотехнике в мире формируется постаграрное общество: вначале индустриальное, а с конца XX века индустриально развитые капиталистические страны переходят на новую стадию развития - постиндустриальную. *Глобализирующееся под воздействием научно-технического прогресса и других факторов современное техногенное общество головокружительными темпами меняет весь социоприродный мир.* Наибольшие блага при этом получают промышленно развитые, урбанизированные страны, а развивающиеся находятся в технико-экономической зависимости от развитого мира.

Современное общество является историческим компонентом в сложной системе эволюции жизни на Земле в целом, и, естественно, оно должно рассматриваться в этом широком контексте, в том числе в социоприродном единстве жизни. Поэтому теоретико-методологическую основу данного исследования составляет системный социоприродный подход к изучению взаимосвязанных явлений единой эволюции общества и биосферы.

В современной обществоведческой литературе не существует единой трактовки понятий «техногенный», «техногенное общество», «техногенный мир». В большинстве работ понятие «техногенный» приравнивается по значению к понятиям «технический», «технологический», «технико-технологический», «техносферный», хотя эти понятия несут разную смысловую нагрузку. Анализируя понятие «техногенный», автор приходит к выводу, что его основу составляет *технико-технологическая генетика*, т.е. совокупность процессов технико-технологического генезиса, или техногенеза [2, с.29-54]. *Техногенез* представляет собой изменения в обществе, естественной природной и искусственной техносферной среде, происходящие под влиянием научно-технической и технико-технологической деятельности человечества. *Генетическим базисом понятия «техногенный» являются техника и технологии, оказывающие воздействие на систему «социум-биосфера-техносфера».* Таким образом, *под понятием «техногенный» следует понимать технико-технологические, социальные и биосферные системы, генезис которых осуществляется на основе антропогенно-технических факторов.*

Наиболее последовательные и обоснованные точки зрения в трактовке понятия «техногенное общество (цивилизация)» высказаны В.С.Степиным [5, с.3-7] и Э.С.Демиденко [6, с.23-42; 1, с.25-51]. В.С.Степин в своей статье связывает зарождение техногенной цивилизации с началом развития античных

полисов, науки и демократии в них, а дальнейшее развитие техногенного общества – с периодом промышленной революции в Западной Европе, индустриализацией, социальными революциями, ускорением технических и научно-технических изменений, коренным преобразованием социоприродной среды жизнедеятельности. Несколько позже в совместной статье с В.И.Толстых «Демократия и судьбы цивилизации» он ограничивает рамки техногенного общества индустриальным общественным развитием, поскольку, по логике авторов статьи, постиндустриальное общество преодолевает техногенность развития индустриального общества [4, с.3-18]. Э.С.Демиденко в своих работах последних десяти лет обращает внимание на усиливающийся техногенный характер не только индустриального, но и формирующегося постиндустриального общества, динамично ускоряющееся их развитие на базе современного НТП, расширение техносферы и ее интеграцию с социумом и биосферой, а также на происходящую замену мира естественного, биосферного, миром искусственным, постбиосферным. Анализ употребления данного понятия в работах других исследователей позволяет судить об односторонности, неполноте их трактовок, в которых чаще всего делается акцент на индустриальную, технико-технологическую или техносферную составляющие техногенного общества.

Как показывают исследования, в техногенном (индустриальном и постиндустриальном) обществе *развитие осуществляется на основе наукотехники и создаваемой ею искусственной, предельно урбанизированной среды – техносферы, которые, взаимодействуя с социумом и биосферой, подчиняют, трансформируют и разрушают их.* Техносфера целенаправленно создается людьми для приобретения ими независимости от неблагоприятных факторов природной среды и, более того, комфортного существования, т.е. для удовлетворения социально-экономических потребностей населения. Техносфера является посредником в системе «человек-биосфера». Поэтому *на индустриальной и постиндустриальной ступенях исторического развития, помимо технико-технологических связей, техногенному обществу присущи еще социотехнические, биосферотехнические, экономические, научные и культурные связи.* Таким образом, *техногенное общество представляет собой систему «социум-техносфера-биосфера» и развивается на основе техногенеза, техногенной эволюции современного земного мира.* Совокупность национальных техногенных обществ образует в отдельных регионах *техногенную цивилизацию*, а совокупность последних - *сообщество техногенных цивилизаций.*

Следует различать понятия «техногенное общество», «технологическое общество» и «техносферное общество», так как в некоторых работах они идентифицируются. *Технологический* срез представляет только одну из характеристик техногенного общества, в котором развиваются и совершенствуются технико-технологические процессы и явления. *Техносферное же общество* ограничено рамками надприродно-искусственной, технико-технологической, предельно рационализированной среды обитания и

функционирует по схеме «техносфера – техносферизированный социум – техносферизированная биосфера». Нецелесообразно отождествлять техносферное и техногенное общества, так как техносфера – это искусственная часть техногенного общества, которое опосредуется связями «человек-техносфера» и «природа-техносфера». Однако дальнейшее движение техногенного общества осуществляется в сторону интеграции техносферы с социумом и природой, создания нового, искусственного, системного технососоциоприродного образования.

Следует также провести содержательные грани между понятиями «технический мир», «техносферный мир», «техногенный мир». Понятие «*технический мир*» (или «*техномир*») обозначает мир техники. Понятие «*техносферный мир*» имеет технико-технологическое содержание, включает всю совокупность технических и научно-технологических систем и охватывает весь неживой предметный и электромагнитный мир, созданный человечеством. Понятие «*техногенный мир*» – еще более широкое, поскольку, наряду с техникой и техносферой, включает и трансформированные ими социум, биосферу и земную природу в целом. *Совокупность техногенных обществ образует техногенное глобальное сообщество, а глобализирующееся техногенное общество вместе с техногенно трансформированной биосферой формируют техногенный земной мир.* Техногенный мир по своему охвату пока еще меньше земного (общепланетарного, биосферного) мира, но постепенно, с нарастающей скоростью приближается к последнему, поглощая и перестраивая его по своим, социотехносферным канонам.

Обобщая результаты анализа применения понятий «техногенный», «техногенное общество» и «техногенный мир», нужно отметить следующее. Большинство исследователей односторонне трактуют указанные понятия, придавая им исключительно *технико-технологическое, техносферное содержание*. Основу этих понятий составляют биосферо-, социо- и технико-технологические взаимодействия при возрастающем влиянии социотехнических систем и процессов.

Техногенное общество развивается на основе комплекса социотехнических, социобиосферных, технобиосферных и ряда иных определяющих взаимосвязей и взаимодействий при постепенной передаче доминирующих и развивающих земной мир функций онаученным технико-технологическим системам.

Каким будет формирующийся в XXI веке техногенный мир? Вероятно, предельно урбанизированным и техносферизированным; это мы можем предположить на основе сохраняющихся тенденций роста городов и искусственной среды. «Великий переход» (Г.Кан), начавшийся в конце XVIII века, коренным образом меняет облик человеческой цивилизации, превращая ее в техногенно детерминированную, надприродно-искусственную. Эпоха преобразований, по оптимистическим предсказаниям американского футуролога Г.Кана, продлится еще около двух столетий и завершится установлением окончательного господства человека над силами природы на

базе прогресса технологий [3, с.169]. По мнению автора, XX век можно считать эпохой решающей победы человечества над естественным отбором и стихийными силами природы, открывшей новую ступень действительности, новый мир. И этот техногенный мир с помощью наукотехники поглощает не только человека, но и биосферную природу, что в итоге оборачивается экологическими и антропогенными кризисами.

Как правило, постаграрные общественные системы, развивающиеся на основе новых, научно-технических производительных сил, в соответствии с теорией постиндустриализма подразделяют на два типа: индустриальные и постиндустриальные, – которые качественно различаются как структурами общественного производства, так и другими характеристиками. Ввиду существенного сокращения индустриального сектора экономики ряд исследователей уже не относят к техногенным постиндустриальным обществам. Но, как показывают исследования, техногенное общество продолжает существовать и в постиндустриальном обществе, в котором индустриальный характер развития не исчезает, а совершенствуется, рационализируется и даже заметно усиливается на основе ускоряющегося развития науки, техники и технологий, постоянного внедрения научных знаний не только в производство, но и во все сферы общественной жизни. Индустрия, рационально сжимаясь, остается основной базой постиндустриального развития.

Между индустриальной и постиндустриальной общественными системами, несмотря на многие качественные различия, сохраняются коренные общие черты. Среди них – совершенствующиеся научно-технические производительные силы, дальнейшее индустриальное и сверхиндустриальное развитие на новой технико-технологической базе, разрастание урбанистически-искусственных систем и техносферы, дальнейшая индустриализация сельского хозяйства и совершенствование агропромышленного комплекса, усиление техносферизации условий жизнедеятельности людей и т.п. Все это ведет к сокращению биосферной природы, деградации биосферы и неконтролируемой трансформации человека, что выражается в резком ухудшении здоровья людей.

Многие современные исследователи, особенно зарубежные, связывают выход из экологического кризиса, сопутствующего индустриальному развитию, с сокращением промышленных выбросов и антропогенного воздействия в целом на биосферу, которое, возможно, будет достигнуто в постиндустриальном обществе. В то же время современное постиндустриальное развитие на Западе и в Японии этого не подтверждает. Таким образом, складывается ложное впечатление, что как только человечество перейдет к постиндустриализму, будет решена экологическая проблема и общество возвратится на устойчивый путь эволюционного развития. Однако в постиндустриальном обществе процессы разрушения биосферы и человека нарастают. В последние два столетия интенсивного научно-технологического прогресса разрушение составных частей биосферы идет примерно в 10 раз быстрее, чем их естественное восстановление, а разрушение почв примерно в 30 раз сильнее, чем в доиндустриальную эпоху. Чрезвычайно быстро происходит

деградация человека. Так, за последние 30 лет XX века в результате ослабления иммунной системы в 2,5 раза в техногенном мире ухудшилась сопротивляемость человеческого организма болезням и соответственно увеличилось количество мутаций и генетических дефектов. Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что изучение глобализирующегося техногенного общества и становления техногенного земного мира, их содержательных качеств является крайне необходимым.

Основа формирования техногенного общества (а вместе с ним и техногенного земного мира), его определяющая сущностная характеристика заключаются в коренном изменении деятельностно-энергетического потенциала человечества – смене естественных производительных сил (человека и одомашненных животных) научно-техническими, что сопровождается исторической сменой аграрного способа производства общественной жизни промышленным, а затем и научно-технологическим. В техногенном обществе прогресс основывается на ускоряющемся развитии наукотехники, появлении более сложных форм производства благодаря систематическому применению в нем научных знаний, увеличивающимся темпам социальных изменений, интенсификации хозяйственной деятельности, возрастанию техно-социальной детерминированности общественной и природной жизни. К техногенным обществам относятся Япония и страны Запада, многие из которых вступили на путь постиндустриального развития, индустриальные страны бывшего СССР, Юго-Восточной Азии, включая Китай и ряд других.

Становление техногенного общества и техногенного земного мира отличается не только нарастающим воздействием наукотехники на земной мир, но и интенсивным формированием техносферы и искусственного материального мира в целом. Разрастание техносферы наглядно подтверждается показателями роста урбанизированности планеты. Если за два последних столетия все население планеты возросло в 6 раз, то городское – в 70 раз, а объем техносферы на каждого человека – в тысячи раз. Искусственная направленность техногенной трансформации общества ведет к разрушению природной среды и нарастанию экологического кризиса и экологического коллапса человечества. Достаточно отметить, что за два последних столетия индустриального развития на планете разрушена и уничтожена третья часть активных составляющих биосферы: живого вещества, гумуса в почвах и органики в недрах Земли. Экотехнологической трансформации подвергается и сам человек, техногенная эволюция которого осуществляется сейчас в направлении формирования постбиосферного существа. Техногенное общество формируется как основа искусственного *техногенного земного мира*, включая неживую и живую материю.

Содержательные характеристики техногенного общества и техногенного мира базируются не только на изменениях, вызванных непосредственно научно-техническими производительными силами, но и на последствиях этих изменений – ускорении роста и усложнении техносферы, ее усиливающимся

влиянии на весь ход планетарной жизни, постепенной замене естественных форм жизни искусственными, т.е. замещении биосферы ноосферой, – что оборачивается экологическими и антропогенными кризисами.

Интенсивная экономическая, научная и технико-технологическая рационализация социоприродного (техногенного) мира, основу которой на планете составляют рыночные методы хозяйствования, коренным образом меняет облик человеческого общества, превращая его в надприродно-искусственное, техно-ноосферное.

Отмеченная рационализация в итоге осуществляется в направлении постепенной замены естественных, природных форм жизни искусственными, сконструированными человеком на базе прогресса наукотехники и технологий. Направляемый научно-технологической человеческой деятельностью переход от естественных к менее естественным состояниям земной природы и жизни сопровождается не только экологическим кризисом, но и весьма сложной социально-биологической трансформацией самого человека.

Эволюция современного земного мира, с одной стороны, не может не опираться на достижения научно-технического прогресса. С другой стороны, человечество не может не направлять это развитие в гуманное русло, понимая разрушительную стихийность и несогласованность воздействия экономики, науки, техники и технологий на земную жизнь. Исследование многогранной экономической, научной и технико-технологической *рационализации* современного глобализирующегося общества и формирования техногенного земного мира подтверждает тот факт, что биосферная и даже нынешняя социальная формы жизни на Земле поставлены на край гибели воздействием негативных, не контролируемых человечеством последствий индустриальной и постиндустриальной эволюции.

Развитие современного общества противоречиво по своей сути. С одной стороны, техногенное развитие создает благоприятные условия для социализации человека и социального прогресса общества в целом. С другой стороны, указанная *рационализация общественной жизни стремительно приближает время экотехнологической земной катастрофы*. Увеличение темпов научно-технического прогресса и его направленность на удовлетворение стремительно растущих потребностей населения, более комфортные условия существования обуславливают примат экономических и материальных ценностей в жизни социума. Ставка делается на безграничное использование природных ресурсов бывших биосфер, которых хватит для организации жизни населения не более чем на два столетия. Установка на непродуманное технологическое покорение природы и техносферизацию планеты может оказаться роковой для социальной и биосферной жизни. Эти и многие другие причины заставляют нас более детально исследовать современное техногенное общество, глобализация которого приводит к становлению техногенного земного мира.

Будущее человечества уже предопределено во многом техногенным развитием. И от того, как разумно подойдет человек к его построению, насколько преодолееет стихийный либерализм общественной жизни, зависит продолжительность существования *homo sapiens* на планете Земля. В центре внимания в XXI веке будут стоять социальная, экологическая, экономическая, научно-техническая, этическая проблемы. Успешность решения каждой из них зависит от гармоничности связей в системе «биосфера-человек-экономика-техносфера-наука» не только на национальном, но и на международном уровне. Именно единство природоохранных и человекоохранных мероприятий всех государств сможет реализовать стратегию выхода из социально-экологического кризиса. Определяющая роль в этом процессе восстановления мощи биосферы и биосферного человека принадлежит развитым странам, так как их воздействие на структуру социума и экосферы наиболее существенно, от них зависит, на какие нужды перераспределяются богатства, принадлежащие человечеству. Необходимо также подчеркнуть, что социальные и экологические проблемы человечества могут быть решены не путем разрушения индустриальной экономики, а путем ее укрепления на основе достижений научно-технической революции. Основным вектором преодоления техногенных проблем является максимально возможное возрождение биосферы и биосферной жизни на базе объединения и использования всего мирового экономического потенциала.

Техногенное общество не может не развиваться по пути творения искусственного техногенного земного мира. Но при всей очевидности нарастания искусственности будущего земного мира, по мнению автора, задача человечества состоит в том, чтобы сохранять и поддерживать эволюцию биосферы как основы жизни для наших потомков, взвешенно и гармонично вписывая искусственное в развивающийся на планете природный мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демиденко, Э.С. Общество: техногенный и социоприродный аспекты развития / Э.С.Демиденко // Ноосферное восхождение земной жизни: моногр. сб. ст. по социально-экол. тематике. – М., 2003.
2. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности: монография / Е.А.Дергачева. – Брянск, 2005.
3. Кан, Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный / Г.Кан // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
4. Степин, В.С. Демократия и судьбы цивилизации / В.С.Степин, В.И.Толстых // Вопросы философии. – 1996. - №10.
5. Степин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В.С.Степин // Вопросы философии. – 1989. - №10.
6. Человек техногенной цивилизации на рубеже двух тысячелетий. - Калининград, 2000.

ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ТЕХНОГЕННОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ СТРАН МИРА

Производство научной и социально значимой информации и наукоемких технологий является показателем степени развитости страны и ее места в мировом разделении труда, а также определяет принадлежность страны к техногенному обществу. Межстрановое неравенство поляризует страны мира на два лагеря: страны с развитым хозяйством и развитой информационной экономикой и страны с традиционной, аграрной экономикой, – стоящих на разных уровнях технико-экономического развития (проблема «север-юг»). Традиционный (аграрный) тип цивилизации, но уже опирающийся во многом на достижения научно-технической революции, сохраняется и в наши дни наряду с индустриальными и постиндустриальными общественными системами. Дальнейшее восхождение наукотехники неизбежно сопровождается усугублением неравенства в мире. К традиционным обществам относится абсолютное большинство стран, вступающих и вступивших на путь индустриального строительства, но задержавшихся в своем развитии из-за многих объективных причин, и прежде всего неспособности конкурировать с развитыми странами. К техногенным (индустриальным и постиндустриальным) обществам относятся развитые постиндустриальные страны Западной Европы, США и Япония, индустриальные страны бывшего Советского Союза, Юго-Восточной Азии, включая Китай и ряд других. *Техногенная поляризация представляет собой противостояние между техногенными и традиционными обществами, а также между более развитыми и менее развитыми техногенными обществами мира по степени их участия в производстве информационно-наукоемких и образовательных технологий. Техногенная поляризация подразумевает экономическое, научное и технико-технологическое доминирование наиболее развитых стран мира.*

Наиболее богатые, промышленно развитые и урбанизированные страны находятся на вершине экономического и технико-технологического прогресса, а большая часть населения беднейших развивающихся стран, или «мировой деревни», живет ниже черты бедности. Больше всего бедняков в Южной Азии (39 % от их общемировой численности), Восточной Азии (около одной трети) и Африке южнее Сахары (17 %) [7, с.27].

Неодинаковые финансовые возможности ограничивают доступ различных стран к высоким технологиям, разъединяют техногенное общество. Благодаря техническому прогрессу постиндустриальный мир вступил в полосу многолетнего качественного хозяйственного роста, при этом его развитие становится самодостаточным, не сдерживается ограниченным характером естественных ресурсов и специализацией в производстве материальных благ, а определяется созданием технологий будущего. П.Пильцер пишет, что

благодаря современным технологиям «накопление ресурсов уже не является ключом к достижению благосостояния» [9, с.419]. По данным В.Л.Иноземцева, более 80 % миллионеров в США не унаследовали, а сами заработали свое состояние творческим трудом [4, с.185]. Поэтому развивающимся странам, чтобы успешно конкурировать на рынке, необходимо повышать свой интеллектуальный уровень, а не предлагать дешевую рабочую силу.

По опыту развитых стран, больше доходов приносят промышленность и особенно сфера обслуживания, непосредственно связанные с высокими технологиями, а не отрасли первичного сектора хозяйства. Так, по данным Р.И.Цвылева, продажа одной тонны сырой нефти дает только 20-25 долларов прибыли, а один килограмм информационного продукта позволяет извлекать до 5 тыс. долларов прибыли [13, с.15]. Снижение издержек производства в высокотехнологичных отраслях сказывается в замедлении темпов экономического роста: в среднем с 5 (1950-1973 гг.) до 2 % (1973-1999 гг.) [6, с.10]. Отсталые регионы, конечно, ввиду своей информационно-научной некомпетентности специализируются на металлоемких, энергоемких отраслях, что усугубляет неравноправность современных мировых экономических и политических отношений.

Если в эпоху индустриализации все силы общества были брошены на скорейшую индустриализацию и урбанизацию, рынком игнорировалось все, что не имело стоимости (природная среда), то теперь в развитых странах наметилась тенденция экологизации производства. Поэтому практически всю промышленность население «золотого миллиарда» «выносит» в развивающиеся азиатские регионы, оставляя у себя сферу услуг, научно-исследовательские институты и высокотехнологичные производства. Товары, созданные в развивающихся странах на базе импортных технологий, экспортируются в развитые страны. Собственные наукоемкие технологии в отсталых регионах практически не создаются. Технологический разрыв между регионами «золотого миллиарда» и отсталыми странами с каждым годом усиливается.

Экономическая власть оказывается в руках стран, контролирующих производство знаний. Это способствует созданию новой системы международного разделения труда, постоянному поиску странами своих технологических ниш. Образуется информационно-технологический колониализм экономик развивающихся стран. Наблюдается также социокультурная экспансия модели и образа жизни жителей стран техногенной цивилизации, что подавляет мультикультурализм отсталого мира.

Рассмотрим некоторые информационно-образовательные аспекты техногенной поляризации стран мира. Основным инструментом формирования такой поляризации являются *транснациональные корпорации (ТНК)*, которые становятся не только ведущим звеном в интеграции мирохозяйственных связей, но также центрами производства цифровых технологий и формирования современной национальной и международной систем

образования. Производство персональных компьютеров, сотовых телефонов и даже знаний концентрируется в сфере крупных корпоративных структур. Особенно сильно ощущается влияние ТНК в высшей школе и сфере подготовки и переподготовки кадров. ТНК становятся инициаторами создания новых учебных заведений – корпоративных университетов и академий – и способны в краткосрочный период времени и в глобальном масштабе решать кадровые вопросы в соответствии с потребностями бизнес-процессов. *Цифровое и интеллектуальное неравенство целенаправленно конструируется логикой функционирования корпоративных структур.* Огромная экономическая мощь и общепланетарный охват транснациональных корпораций позволяют судить о справедливости данного высказывания.

Транснациональные корпорации последней четверти XX – начала XXI веков являются важнейшим элементом рационализации общепланетарного хозяйства в интересах наиболее развитых стран мира. Их бурное развитие в последние десятилетия, основная цель которого – максимизация прибыли и рынка, оказывает доминирующее воздействие на все сферы мирового хозяйства. Мощь ТНК становится сопоставимой с экономическим потенциалом и возможностями всей совокупности государств средних размеров.

В настоящее время на планете под влиянием и в финансовых интересах развитых стран образуется, по выражению Н.Н.Моисеева, «единный общепланетарный экономический организм с универсальной системой регулирования» [8, с.148-149]. Это своего рода глобальная сеть, состоящая из 63 тыс. транснациональных корпораций, 690 тыс. филиалов которых расположены в разных странах мира [2, с.109]. Во владении ТНК находится треть всех производственных фондов планеты, производящих более 40 % общепланетарного продукта, здесь осуществляется торговля более чем 80 % общемировых технологий и контроль более 90 % вывоза капитала. За последние два десятилетия XX века объем внешней торговли на планете увеличился в 10 раз, в то время как объем промышленного производства вырос всего лишь в 2-3 раза [1, 8]. За последние 30 лет количество ТНК выросло в 9 раз. Еще в 1970 г. на планете насчитывалось всего 7 тыс. ТНК, более половины из которых принадлежали США и Великобритании. В начале XXI века владельцами ТНК стали десятки стран мира, среди которых индустриальные страны Юго-Восточной Азии [12, с.1030], хотя их удельный вес невелик.

Построение системы функционирования ТНК происходит под влиянием конкурентной стратегии, направленной на поиск путей снижения издержек, увеличения масштабов производства; интенсификацию прикладных научных исследований; разработку новейших технологий; поиск новых рынков сбыта, дешевой рабочей силы; размещение производств там, где ниже налогообложение и более благоприятный политический климат для иностранных компаний. Агрессивная стратегия ТНК по захвату новых рынков, интеллектуально-финансовые преимущества в конкурентной борьбе разрушающе действуют на национальные экономики. Круг экономических

интересов капитала определяется лидерством в наиболее прибыльных сферах деятельности: электронике, химии, фармацевтике, машиностроении.

С одной стороны, глобальный масштаб деятельности транснациональных корпораций в сфере цифровых технологий демонстрирует ускорение процессов информатизации обществ мира. С другой стороны, сопоставление целей и результатов информатизации позволяет судить о неоднозначности этих процессов. Наглядным критерием информатизации общества является производство персональных компьютеров. Концепция информатизации общества в настоящее время наиболее полно реализована в США. Там в начале XXI века 42 % сотрудников компаний и правительственных учреждений имели доступ к Интернету и около 60 % семей владели персональными компьютерами, причем часть из них - не одним комплектом. Всего в мире в 2000 г. было произведено 135 млн компьютеров [17]. При этом их выпуск ежегодно растет, а цена падает. Ситуация в отрасли и социальные перспективы, связанные с информатизацией общества, вполне благоприятны. Однако статистические данные по другим регионам мира свидетельствуют о *цифровом неравенстве*.

В Северной Америке доступ к Интернету имеет 41 % населения, а в Южной Азии, где проживает 1/5 населения планеты, - меньше 1 % населения. На Азиатско-Тихоокеанский регион приходится 2 %, на Латинскую Америку – 3 % пользователей. Около 90 % пользователей Интернета – жители индустриально развитых стран (57 % – США и Канады). Пользователи Интернета из стран Африки и Среднего Востока составляют только 1 % мирового их числа, причем 75 % информации, передаваемой по каналам Интернета, идет на английском языке. В 1999 г. число пользователей Интернета распределялось по регионам мира следующим образом: в Азиатско-Тихоокеанском регионе – 16,5 %, Европе – 30 %, в Канаде и США – 50 % (всего в мире – 765 млн) [15, 16]. Пользователи персональных компьютеров в техногенных обществах и остальных странах мира по социальному составу являются, как правило, высокообразованными людьми. Если учесть, что цифровые технологии доступны только имущим семьям, то информатизация общества и, следовательно, производственная стратегия ТНК ориентированы на «золотой миллиард». Об этом также пишет А.Субботин в статье «Перспективы глобального рынка» [11, с.77-78]. Поэтому построение открытого для всех людей информационного общества, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими для реализации собственного потенциала, является лишь целью. В действительности глобальная тенденция формирования мировой информационно-ноосферной цивилизации (Э.С.Демиденко) основана на строительстве искусственного земного мира и закреплении информационной поляризации стран, определяющую роль в этих процессах играют рынок, ТНК и развитые страны.

О цифровом неравенстве можно судить по ситуации на рынке мобильных телефонов. Цены на персональные компьютеры в среднем превышают стоимость мобильных телефонов в 10 раз. С 1998 по 2006 гг. рынок телефонов,

по прогнозам, должен возрасти со 150 до 710 млн шт. [14]. Несмотря на кажущуюся низкую стоимость мобильного телефона (около 200 долларов), его покупка и эксплуатация доступны только состоятельным семьям, так же как и в случае с компьютерами. Таким образом, граница рынка глобальных компаний, производящих мобильные телефоны, практически совпадает с численностью коммерческих потребителей в мире – около 1 млрд человек, что довольно близко к пределу покупательной способности населения планеты. Конечно, резерв есть за счет еще не выбранной части рынка и юношеского сектора.

Неоднозначная ситуация складывается в сфере управления и контроля за Интернетом. Ряд государств выступают за передачу контроля из рук Министерства торговли США в ведение какого-либо международного органа при ООН, например комиссии при Международном телекоммуникационном союзе. Однако такая позиция идет вразрез с интересами наиболее развитых техногенных обществ, которые не хотят выпускать из под контроля США глобальное доминирование в телекоммуникационной индустрии. Хотя контроль над Интернетом – понятие условное, Министерство торговли США фактически имеет лишь право вето на решения по функционированию Интернета, но в его деятельность обычно не вмешивается. Накануне саммита ООН по информационному обществу, который проводился в ноябре 2005 г. в Тунисе, представители разных руководящих структур США заявляли, что Интернет, изначально являющийся проектом американских военных и гражданских ученых, должен оставаться в руках США. Выступления же стран-членов ООН сводились к тому, что в связи с возрастанием международного значения глобальной сети необходимо координировать ее деятельность с помощью международной комиссии при ООН. По мнению американского руководства, Интернет сегодня выполняет важнейшую экономическую функцию, в том числе для экономики США, и для его базовых структур необходимо обеспечивать стабильную поддержку, чтобы гарантировать их нормальную работу. Американское правительство уверено в своей способности делать все необходимое, чтобы справляться с этой задачей, и не намерено передавать контроль за глобальной сетью политизированным структурам [10]. Таким образом, глобальное доминирование с помощью цифровых технологий намеренно закрепляется в США.

Вопросы преодоления цифрового неравенства и достижения поставленной на глобальном уровне цели – «протягивания» Интернета во все существующие населенные пункты планеты к 2015 г. – в настоящее время решаются следующим образом. Сейчас, согласно последним данным, глобальный уровень «проникновения» Интернета в массы составляет около 14 % (это сравнимо с уровнем «интернетизации» в России), в то время как в США «интернетизация» составляет 62 %. Для активизации в борьбе с цифровым неравенством ООН рекомендует развитым странам вкладывать средства в программы по его уменьшению. На это представители развитых стран обычно заявляют, что развивающиеся страны сами должны избавляться от препятствующих процессу «интернетизации» проблем наподобие коррупции

и низкой квалификации работников, хотя зарубежная помощь все же в страны «третьего мира» регулярно поступает. Разрабатываемые проекты портативных «заводных компьютеров», работающих в течение 10 мин без электроснабжения, по стоимости (100 долларов) пока не доступны большинству населения отсталых стран. Однако развитые страны постепенно уменьшают финансовую поддержку отсталых регионов ввиду невыгодности таких вложений и замыкаются на решении собственных задач. Как отмечает В.Л.Иноземцев, достижения в борьбе с бедностью были утрачены в последнем десятилетии XX века: за период 1996-2001 гг. объемы частных инвестиций в страны «третьего мира» сократились в 7 раз. И далее он подчеркивает, что существующий в настоящее время разрыв в средних доходах в расчете на душу населения между развитыми и развивающимися странами составляет 70-72 раза, а в середине XIX века этот показатель составлял 3-4 раза [3, с.13].

Тем не менее сущность борьбы с бедностью и цифровым неравенством заключается не только в поставке развивающимся странам «заводных компьютеров» и прокладке сверхмощных компьютерных сетей, но и в перестройке всей системы техногенной поляризации мира, в частности повышении степени образованности населения в отсталых регионах мира.

Наряду с цифровым неравенством, интеллектуально-образовательная поляризация не только не преодолевается, но и еще более усугубляется деятельностью ТНК. Транснациональные корпорации целенаправленно формируют *межстрановую интеллектуальную поляризацию*, занимаясь поиском по всему миру талантливых специалистов, их обучением и привлечением для работы. Стимулируя «утечку мозгов» из развивающихся стран, транснациональные корпорации закрепляют научно-техническую отсталость образовательных систем в этих странах. Такой транснациональный рационализм ведет к ускоренной утрате интеллектуальной и культурной самобытности теми, кто слаб. В развивающихся странах остается неквалифицированная рабочая сила, а высококвалифицированные кадры работают в филиалах ТНК или уезжают в развитые страны. Ускорение научно-технического прогресса достигается ценой увеличения разрыва между развитыми и развивающимися странами. Новая высокотехнологичная экономика и образование локализуются в развитой части мира. Таким образом, последствия активизации ТНК в глобальном масштабе существенным образом влияют как на жизнеспособность национального интеллектуального потенциала, так и на национальную систему образования.

В настоящее время ТНК являются не только производственными структурами, но и *образовательными центрами мира*. С целью ускорения процесса адаптации специалиста к кадровым потребностям компании ТНК организуют *внутрифирменную и межфирменную систему обучения*. Процесс обучения проходят новые и постоянно работающие сотрудники для повышения квалификации и изучения специфики работы фирмы. Для преподавания в таких структурах приглашаются как преподаватели вузов, так и высококвалифицированный персонал компаний. Это способствует

конкретизации и специализации образования сотрудников в соответствии со стратегией развития фирмы. При этом *корпоративное образование в наибольшей степени согласует квалификацию персонала с кадровыми интересами компании*. Наиболее распространенной системой такого обучения являются *краткосрочные и среднесрочные курсы повышения квалификации, тренинги и семинары* в учебных центрах, принадлежащих ТНК. Такое образование становится все более востребованным вследствие быстро обновляющейся структуры профессий и компетенций, а также наиболее эффективным в смысле достижения практических целей.

Образовательный процесс приобретает *непрерывный характер*, а его компоненты постоянно меняются, подстраиваясь под требования новой высокотехнологичной конъюнктуры. Формы образования ТНК становятся самыми эффективными ввиду высокой степени адаптивности к экономическим и научно-техническим инновациям.

Обладая достаточными финансовыми ресурсами, в несколько раз превышающими бюджеты классических университетов, ТНК организуют собственные *корпоративные университеты и академии*, занимаясь обучением взрослого населения. Такие корпоративные университеты создаются в двух формах: путем объединения с традиционными университетами или путем формирования самостоятельной корпоративной структуры. Транснациональные академии в недалеком будущем составят серьезную конкуренцию фундаментальным образовательным учреждениям. Стратегия корпоративных университетов базируется на принципах повышения эффективности деятельности человеческих ресурсов, вложения в которые приносят большую отдачу, нежели аналогичные затраты в основной капитал. Классическое университетское образование, базирующееся на изучении фундаментальных и прикладных дисциплин, становится избыточным, проигрывает на фоне узкоспециализированного корпоративного обучения и вынуждено конкурировать с транснациональными университетами и академиями, лучше осведомленными о потребностях рынка [5, с.81-82].

Разрыв между уровнем подготовки выпускников вузов и быстро меняющимися требованиями высокотехнологичного бизнеса приводит к осознанию необходимости изменения концептуальной модели образования. *Классическое образование*, подстраиваясь под изменяющуюся общемировую конъюнктуру, *становится фрагментарным*, более коммерциализированным; *происходит переориентация задач с фундаментальных на прикладные* в соответствии с потребностями бизнеса, нацеленного на сиюминутную выгоду и краткосрочный эффект. ТНК финансируют классические университеты, поддерживая и поощряя прикладные исследования и разработки. Таким образом, образовательная политика университета приобретает рыночный характер и становится более зависимой от коммерческих интересов корпоративных структур.

Будучи во главе наукоемких производств, ТНК становятся основным каналом передачи экономических, научно-технических знаний и цифровых

технологий в мировом масштабе. Это в будущем может усугубить техногенный разрыв в развитии стран мира. Стремление ТНК и развитых стран к глобальному доминированию во многом объясняется экономическими интересами. Эффективность управления цифровыми технологиями и знаниями становится показателем успеха компании.

Таким образом, информационно-образовательные аспекты техногенной поляризации мира заключаются в следующем. Закрепляется и усиливается цифровое и интеллектуально-образовательное неравенство в развитии стран мира. Это приводит к необходимости согласования коммерческих приоритетов наиболее развитых техногенных обществ и ТНК с потребностями повышения информационно-интеллектуального уровня менее развитых техногенных обществ и отсталых стран мира. Обсуждение этой проблемы уже ведется на международном уровне. Возрождение развивающихся стран невозможно без поддержки бизнеса. Единственный выход – в придании такому взаимодействию *ценностно-гуманной направленности*. И в этом особая роль принадлежит национальным правительствам и международным организациям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисов, Н.В. Экономическая и социальная география мира / Н.В.Алисов, Б.С.Хорев. – М., 2001.
2. Грани глобализации. – М., 2003.
3. Иноземцев, В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия / В.Л. Иноземцев. – М., 2002.
4. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия и перспективы / В.Л. Иноземцев. – М., 2000.
5. Лиферов, А.П. Образование в стратегиях транснациональных корпораций / А.П. Лиферов // Педагогика. – 2005. - №2.
6. Мельянцев, В.А. Информационная революция – феномен «новой экономики» / В.А. Мельянцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. - №2.
7. Мир и Россия: материалы для размышлений и дискуссий. – СПб., 1999.
8. Моисеев, Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума / Н.Н. Моисеев. – М., 2000.
9. Пильцер, П. Безграничное богатство. Теория и практика «Экономической алхимии» / П. Пильцер // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.
10. Рублев, С. Путь в новый мир под контролем США / С. Рублев // www.lenta.ru – 17.11.2005.
11. Internet Use Worldwide. CommerceNet / <http://www.commerce.net>. - 1999.
12. Cellular 2002, A Study of the Worldwide Cellular Telephone Market/Executive Overview. Micrologic Research / <http://mosmi-cro.com/Wire99exec.html>.
13. Internet Statistics. Information Technology in Developing Countries. Interconnection / <http://www.interconnection.org/background/statistics.htm>.
14. Trends in Personal Computers & Internet Access. Plunkett Research Ltd / http://www.plunkettresearch.com/techn.../ecommerce_computer_trends.ht.
15. Субботин, А. Перспективы глобального рынка / А. Субботин // Международная экономика и международные отношения. – 2005. - №1.
16. Хасбулатов, Р.И. Транснациональная корпорация / Р.И. Хасбулатов // Глобалистика: энциклопедия. – М., 2003.

17. Цвылев, Р.И. Метаморфозы индустриальной экономики: проблема экономических измерений / Р.И. Цвылев // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. - №2.

Н.Н. ЛАПЧЕНКО

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ЕГО СОДЕРЖАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ

В настоящее время осуществляется очередной этап развития человечества – формирование глобального постиндустриального информационного общества. В последнее десятилетие XX века информационно-коммуникационные технологии (далее ИКТ) в сочетании с другими стали одним из важнейших факторов развития. Их революционное воздействие касается государственных структур и институтов гражданского общества, экономической и социальной сфер, науки и образования, культуры и образа жизни людей. Движение к информационному обществу – это путь в ближайшее будущее техногенной человеческой цивилизации.

Основными характерными чертами информационного общества являются информационная экономика, высокий уровень информационных потребностей и фактическое их удовлетворение для основной массы населения, высокая информационная культура, свободный доступ каждого члена общества к информации, ограниченный только информационной безопасностью личности, общественных групп и всего общества.

Сущность информационного общества сегодня можно охарактеризовать несколькими основными взаимосвязанными процессами, в нем протекающими. Во-первых, знания и информация становятся главным ресурсом и движущей силой социально-экономического, технологического и культурного развития. Во-вторых, знания и информация превращаются в основной фактор производства, оставляя далеко позади такие факторы, как природные ресурсы, физический труд и капитал. В-третьих, стремительно растет значимость отраслей, обеспечивающих создание, передачу и использование информации. В-четвертых, именно развитая информационная инфраструктура превращается в главное условие национальной конкурентоспособности государств. В-пятых, развитие и активное внедрение во все сферы деятельности новых информационно-коммуникационных технологий существенно меняют модели образования, труда, общественной жизни и досуга. При наличии всех (или, по крайней мере, большинства) этих процессов в обществе его относят к информационному, т.е. современному.

Информационному обществу присущи следующие признаки:

- единое информационно-коммуникативное пространство;
- доминирование в экономике новых научно- и технико-технологических укладов, базирующихся на массовом использовании сетевых

информационных технологий, перспективных средств вычислительной техники и телекоммуникаций;

- возрастание роли материально-пространственной инфраструктуры (архитектурно-технической, телекоммуникационной, транспортной) в системе общественного производства и усиление тенденций к совместному функционированию в экономике информационных и денежных потоков;

- важность решения вопросов обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства, наличие эффективной системы обеспечения прав граждан и социальных институтов на свободное получение, распространение и использование информации;

- высокий уровень (и качество) образования, обусловленный расширением возможностей систем информационного обмена на международном, национальном и региональном уровнях, и соответственно повышенная роль квалификации, профессионализма и способностей к творчеству как важнейших характеристик труда и общественной активности;

- ведущая роль научно-информационных ресурсов в обеспечении устойчивого поступательного развития общества и сохранения биосферы;

- фактическое удовлетворение потребностей общества, юридических и физических лиц в информационных продуктах и услугах и т.п.

Информация осознана современным обществом как необходимое условие для любой целесообразной деятельности. Наибольший экономический и социальный успех сегодня сопутствует тем странам и регионам, которые активно используют современные средства информационных, телекоммуникационных технологий. Доступная для оперативного воспроизводства средствами компьютерной обработки информация превращается в важнейший фактор социального развития общества, становится стратегическим ресурсом наряду с традиционными – материальными и энергетическими. Важнейшей особенностью информационного общества является перенос акцента в производстве с использования сырья, материалов, энергии на производство знаний, информации и оказание информационных услуг.

Россия, как и большинство стран мира, движется к информационному обществу – обществу, построенному на информационных, телекоммуникационных технологиях. Есть различные суждения по поводу степени «продвинутости» нашей страны к информационному обществу. Приведем некоторые выводы из исследования «Готовность России к информационному обществу» [1], проведенного по методике Центра международного развития Гарвардского университета. По мнению авторов, оценка готовности России отвечает состоянию движения в этом направлении, поскольку заложены начала развития информационного общества, массового использования ИКТ населением страны, а также информационного неравенства как стимула дальнейшего движения.

Как подчеркивают авторы названной работы, в России за последние 7-10 лет сформировались такие факторы социально-экономического, научно-

технического и культурного развития, которые рассматриваются как серьезные *предпосылки перехода к информационному обществу*.

- Сформировался и развивается отечественный рынок информационных и коммуникационных технологий, продуктов и услуг.
- Сформировано сообщество компаний и фирм, ведущих профессиональную деятельность на рынке ИКТ и обслуживающих все сегменты этого рынка.
- Российскими компаниями накоплен определенный опыт построения бизнес-моделей реального производства товаров и услуг, использующих современные ИКТ.
- Создан базис для законодательного и нормативного обеспечения развития ИКТ.
- В значительной степени компьютеризированы многие отрасли хозяйства, в частности банковская сфера и сфера государственного управления.
- В общественном мнении складывается понимание актуальности использования ИКТ в реальном бизнесе, политике и управлении, здравоохранении и культуре, науке и образовании и т.д.

С формирующимся информационным обществом в последнее десятилетие связываются большие ожидания. Считается, что оно обладает огромным потенциалом для улучшения качества жизни всего человеческого сообщества и каждого человека в отдельности, резко расширяет возможности для малого и среднего предпринимательства, оптимального использования местных условий и ресурсов, развития управления, образования и здравоохранения. На этой основе создаются предпосылки для значительного повышения эффективности производства, экономии природных ресурсов и защиты окружающей среды, перехода к устойчивому развитию.

Вместе с тем, осознавая все преимущества информационного общества, следует отметить, что оно по сути своей является техногенным, пропитанным опасной для человеческой жизни техносферой, особенно ее искусственной химической составляющей, отличается сокращающейся биосферной составляющей естественной, природной среды обитания человечества, снижающимися обменными процессами между человеческим организмом и биосферой, трансформацией и деградацией человеческого тела и другими негативными явлениями. Информационная составляющая двояко вписывается в развивающийся техногенный специальный организм: 1) организует, рационализирует его, позволяет решать многие социально-экономические и другие проблемы, поднимает на новую ступень социальности человечество; 2) укрепляет его техногенную составляющую со всеми присущими этому обществу острыми проблемами [2, 3].

Нельзя не учитывать также, что информационное общество несет с собой не только новые решения и возможности, но и новые проблемы и риски не только техногенного характера. Как и любое другое, информационное общество несовершенно, а ИКТ пока что несут серьезные опасности для

человека и всего живого на планете, особенно в области формирования искусственной жизни, усиления искусственности человеческого организма и жизнедеятельности. Последствия их применения зависят от ценностных установок, политических, социоприродных и многих других решений. Реализация возможностей информационного общества – вопрос адекватной политики и своевременных управленческих решений.

В информационном обществе существует ряд глобальных проблем, которые являются причинами более мелких. Это в первую очередь проблема взаимодействия техники и природы: является ли первая продолжением второй или ее антиподом? Затем следует вопрос взаимоотношения техники, информации и человека: должен ли человек приспосабливаться к бурно растущему шквалу информации и стремительно меняющейся технике или же следует затормозить такое развитие и поискать иной путь?

Опасность заключается также и в том, что усиливающаяся глобализация производства и мобильность всемирных корпораций могут неблагоприятным образом повлиять на политику охраны окружающей природной среды, укрепления права на труд и социальную защиту во всемирном масштабе.

В условиях существования открытых, легко доступных и наполняемых информационных сетей возникает проблема ограничения информации, считающейся социально и экономически опасной, безопасности персональных и других видов данных, соблюдения авторских прав и прав производителей электронной информации.

Развитие и широкое использование ИКТ привело к появлению еще одного измерения бедности – так называемой информационной. Это понятие отражает рост социальной дифференциации населения по новому принципу – возможностям доступа к современным ИКТ, когда лишь состоятельная часть населения получает доступ к новым, весьма ценным и перспективным технологиям и информационным ресурсам и может реализовать это преимущество.

Благодаря ускорению процесса технологических инноваций, вовлечению промышленного капитала и конкуренции новая сетевая технология и инфраструктура становятся гораздо дешевле, а потому доступнее для все большего числа людей. Что же касается доступа к распространяемой с их помощью информации, то это остается одной из самых сложных проблем. Стоимость информационных услуг может на многие годы стать фактором, усиливающим разрыв между теми, кто может и кто не может себе позволить получать и распространять информацию.

Настораживающие тенденции здесь сформулированы как риски информационного общества, связанные с замещением духовной культуры узкопрофессиональными знаниями, деформацией досуга, ориентацией на развлекательность, вытеснением реального живого общения, изменением характера человеческого мышления от творческого к инструментальному и формализованному. При этом достаточно широко наблюдаются:

- противоречивое влияние на общество средств массовой информации, особенно в области рекламы;
- сложность адаптации к усложняющейся среде информационного общества;
- опасность разрыва между «информационной элитой» (специалистами по разработке информационных технологий) и простыми потребителями;
- «информационное загрязнение» конъюнктурной и негативной информацией, разрушающей нравственность, духовную культуру и сознание человека.

Решение этих и других проблем становления информационного общества требует серьезных усилий специалистов самых разных профилей. При этом необходимо принимать в расчет, что методы противодействия всем перечисленным и другим опасностям информационного века лежат не в области отгораживания себя от глобального информационного общества, а в сфере собственного полноценного участия в его формировании.

Что же касается *угроз перехода Российской Федерации в информационное общество*, под которыми понимаются потенциальные и реальные (как уже сформировавшиеся, так и еще только формирующиеся) негативные последствия для социально-экономического и культурного развития личности, общества и государства, а также для окружающей их среды обитания, то можно выделить наиболее крупные изменения на пути перехода нашей страны в информационное общество, характер и тенденции их проявления¹.

В государственно-политической сфере:

- Продолжится перенос общественно-политической и государственной деятельности в глобальную информационную сеть; появятся новые сетевые политические образования и даже партии. Возможно появление транснациональных политических объединений на основе сети Интернет, которые будут оказывать влияние на деятельность сразу нескольких государственных структур. Основной политической силой в информационном обществе станут не только партии, но и негосударственные сетевые общественные объединения.

- Атомизация межличностных отношений, продолжающийся рост и развитие горизонтальных человеческих связей в еще большей степени возвысит в информационном обществе потенциал «общественного мнения» как мерила эффективности деятельности госаппарата.

- Продолжится рост и развитие электронных средств массовой информации; политические кампании в информационном обществе будут приобретать все большую виртуальность (искусственность); при этом побеждать на выборах станет не личность, а виртуальный образ политика, сформированный специалистами и распространяемый СМИ.

¹ Ряд проблем, угроз и рисков, освещенных в печати, автором обобщены в данной статье.

- Оппозиционная правительству деятельность также сосредоточится на использовании Интернета; важнейшей глобальной транснациональной оппозиционной силой станет движение антиглобализма.

- Углубится кризис государственного и финансово-экономического управления страной, базирующегося на иерархических принципах и подходах индустриальной эпохи и не воспринимающего сетевые нововведения эпохи постиндустриализма.

- Сохранится, а в отдельных случаях еще более углубится «цифровое неравенство» среди регионов страны, особенно города и села.

В социальной сфере:

- Сохранится и даже углубится социальное неравенство в обществе; при этом само общество претерпит глубокую кластерную (классовую) трансформацию: исчезнут некоторые прежние профессии и появятся новые, с соответствующими им новыми профессиональными союзами и классами. Наиболее массовым по численности будет кластер (класс) наемных рабочих и корпоративных служащих – среда, наиболее восприимчивая к изменениям в обществе.

- Социальное неравенство все больше и больше будет расти вследствие дифференциации в области образования, поскольку высококачественное образование станет недоступно бедным слоям населения.

- Продолжится снижение инновационного потенциала населения России вследствие крайне негативного изменения ее демографической карты, вызванного общим старением населения, снижением рождаемости, средней продолжительности жизни и чрезвычайно низкими доходами большинства населения, особенно в так называемых дотационных регионах страны.

В финансово-экономической сфере:

- Продолжится стремительная трансформация всех основных отраслей экономики под влиянием факторов и условий создания цифровой экономики и практической реализации новых маркетинговых концепций и технологий «сетевой торговли».

- Ключевую позицию займут электронные средства платежей на уровне как юридических, так и физических лиц.

- Усилится давление на Россию на международной арене со стороны международных политических и финансово-экономических структур и транснациональных корпораций, особенно после вступления нашей страны в ВТО.

- Произойдет закрепление, а в отдельных сегментах установится и доминирование иностранного капитала в российской отрасли информационных технологий.

В промышленной сфере:

- Сохранится ориентация на развитие на территории России сборочного производства на заводах зарубежных компаний развитых стран.

- Ключевые для становления информационного общества отрасли высокотехнологичной промышленности в России в обозримом будущем восстановлены не будут; сохранится высокая зависимость от поставок зарубежного оборудования и технологий.

- Сохранится общий невысокий уровень развития информационной инфраструктуры в стране и ее неравномерное развитие по регионам.

В сфере науки и образования:

- Произойдет утрата контроля над процессами развития информационных технологий и коммуникаций в результате: отсутствия собственных значимых конкурентоспособных отраслей ИТ-промышленности и невозможности их воссоздания на отечественной производственно-технологической базе; 15-летнего провала в развитии фундаментального знания в области информационных технологий; ориентации на зарубежные нормативные документы и стандарты в области ИТ.

- Телекоммуникационные сети и глобальная сеть Интернет в значительной степени создадут преимущества дистанционному зарубежному образованию, направленному на воспроизводство капитализма в нашей стране в его антигуманных формах.

- Усилятся ориентация отечественной системы высшего и среднего образования на удовлетворение наиболее значимых потребностей общества в подготовке специалистов прежде всего среднего и низшего звена; подготовка же высшего звена руководителей промышленных и финансовых компаний будет осуществляться в основном за рубежом.

В сфере безопасности:

- Основанные в технико-технологическом плане на информационных сетях транснациональные корпорации все больше и больше будут угрожать российской государственности и благополучию из-за неконтролируемых действий и вывоза национальных богатств;

- Продолжится сращивание национальных и зарубежных преступных организаций в транснациональные преступные синдикаты и кланы.

- В сферу преступных интересов попадет новая «цифровая» экономика; увеличится число противоправных действий с использованием информационных технологий и против большинства организаций и объектов информационной инфраструктуры.

- Экстремистские действия многих групп приобретут характер кибертеррористических; произойдет слияние преступных хакерских сообществ с террористическими организациями; при этом возможно появление хорошо законспирированного преступного сетевого сообщества, аналога «Аль-Каиды», но ориентированного на экстремистскую деятельность в глобальной информационной сети.

Информационное общество, таким образом, отнюдь не идеально и даже не бесконфликтно. Но само выделение информационного общества как особого объекта исследования имеет общенаучное звучание и значение.

Информационные взаимодействия входят в предметные области самых различных научных дисциплин. Отсюда следует, что изучение информационного общества является принципиально мультидисциплинарной областью науки, а социально-философский анализ призван ответить на вопросы: куда и зачем развивается нынешняя общественная ситуация и какова социально-аксиологическая направленность этого развития. Особенно это актуально в настоящее время для России, ставящей своей целью вхождение в «мировую цивилизацию» с попыткой ускоренными темпами войти в информационное общество, «перескочив» через целый ряд последовательных эволюционных периодов развития, характерных для высокоразвитых стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Готовность России к информационному обществу. Оценка возможностей и потребностей широкомасштабного использования информационно-коммуникационных технологий. – М., 2001.
2. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности / Е.А. Дергачева. – Брянск, 2005.
3. Попкова, Н.В. Техногенное развитие и техносферизация планеты / Н.В. Попкова. – М., 2004.

Э.С. ДЕМИДЕНКО

УРБАНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Урбанизация (франц. – urbanisation, англ. – urbanization) органически связана с понятием города (от лат. – urbanus – городской, urbs – город). Урбанизацию первоначально рассматривали как явление роста городов, городского населения, повышения их роли в развитии цивилизации, а степень урбанизированности приравнивалась к уровню развития городской жизни, что далеко не полно отражает сущность и содержание данного процесса. Со временем некоторые авторы главное содержание урбанизации стали усматривать в особых *городских отношениях* (К. Маркс), охватывающих *социально-профессиональную и демографическую структуру* населения, его *образ жизни*, культуру, размещение *производительных сил*, *расселение* и т.п. Последующий анализ показал, что урбанизация связана не с городом земледельческой эпохи и городскими отношениями, а с городом постземледельческого общества, с качественно иными общественными отношениями, присущими уже индустриальному и постиндустриальному обществу, которое по своей сути является *техногенным*.

Урбанизация как мировое явление представляет собой процесс интенсивной территориально-городской концентрации несельскохозяйственных видов деятельности и населения, социальный механизм развития исторической промышленно-городской формы

жизнедеятельности людей и перехода традиционного общества к качественно новому типу – техногенному.

Урбанизация характеризуется также нарастающим социальным развитием человека, ростом городов и городского населения и усилением их роли в *общественно-историческом прогрессе*, повсеместным распространением промышленно-городских отношений, типичных элементов культуры и черт образа жизни крупнейших городов, становлением новых городских форм расселения и связанных с ними принципов *материально-пространственной организации общества*. Урбанизация является в то же время процессом формирования на земном шаре *техносферы*, благодаря которой общество ускоряет процессы своего развития, социализации человека и живой природы, осуществляет ускоренное формирование постбиосферных живых организмов. В конечном итоге урбанизация, наряду с технизацией и ноосферизацией планеты Земля, является социальным механизмом формирования искусственного (ноосферного) земного мира. Именно посредством «промышленно-городского развития» осуществляется современный исторический прогресс, представляющий собой процесс перехода от естественной, *биосферной формы жизни к постбиосферной, техно-ноосферной*.

По мере разрушения биосферы (за два столетия индустриального развития уничтожена треть её активных частей – живого вещества, гумуса и органики в недрах планеты) современная биосферно-городская форма жизни может превратиться в замкнутую техносферную (изолированную от атмосферы) с биотическим круговоротом в «техносферном поселении».

Города появились в 3-1 тысячелетиях до н.э. в различных регионах мира: Египте, Месопотамии, Сирии, Индии, Китае, Малой Азии, Греции. В греко-римском мире огромную роль в развитии общества и его культуры сыграли Афины, Рим, Карфаген. Но их рост и развитие не положили начало урбанизации. Истоки урбанизации связаны с преиндустриальным развитием в XV – XVIII вв. в центральной промышленной зоне Западной Европы (Лотарингской оси, растянувшейся на 1,6 тыс.км от Манчестера в Англии до Турина в Италии), где на протяжении двух тысячелетий, как показывают исследования польского географа С.Куrowsкого, была самая высокая концентрация населения в Европе и все необходимые условия для развития сельского хозяйства, ремесла и промышленности. Концентрация населения и экономической деятельности создала благоприятные условия для технико-производственных нововведений, развития науки ещё задолго до промышленной революции конца XVIII в. Уже в середине XV в. здесь использовались высокие доменные печи, возникли первые мануфактуры, появилась потребность в научных исследованиях и т.п. В XVI в. нужды нарастающей промышленности (крупных мануфактур), мореплавания и торговли потребовали теоретического и экспериментального решения конкретных задач. Это отмечал К.Маркс: «Мануфактурный период развивал первые научные и технические элементы крупной промышленности» [8]. Этот

период можно охарактеризовать не только как прединдустриальный, но и как предурбанизационный.

Взаимосвязанные процессы индустриализации и урбанизации начинаются с промышленной революции конца XVIII в. В 1800 г. в мире насчитывалось 45 млн горожан, или 5,1 % от 900 млн землян, в 1900 г. - 225 млн, или 13,6 %, в 1950 г. – уже 0,73 млрд, или 28,9 %. На рубеже XX – XXI столетий из 6 млрд землян каждый второй проживал в городе, т.е. 50 %. Если за два столетия промышленного развития население нашей планеты возросло в 6 раз, то городское - в 70 раз. Процессы мировой урбанизации можно подразделить на такие этапы.

Первый (начальный) этап характеризуется локальными процессами урбанизации и охватывает некоторые страны Западной Европы и Северной Америки с конца XVIII до начала XX вв. Ярким примером локальной урбанизации является Великобритания. Среди жителей Англии и Уэльса в середине XIX столетия горожан было 50 % (в мире – 6,3 %), а в начале XX в. – уже 75 %. Именно за счёт западноевропейской и североамериканской урбанизации доля горожан во всём мире выросла с 5,1 до 13,6 %. Этому способствовало господство Великобритании и других западноевропейских стран над народами и их огромными территориями, за счёт богатств которых и осуществлялось быстрое промышленное развитие и урбанизация.

Второй (планетарный) этап урбанизации начался с утверждением империализма, вывоза капитала и промышленным развитием большинства регионов мира. Он охватывает 1900-1950 гг. За весь XIX в. горожан стало больше на 180 млн, а за 50 лет XX в. – более чем на 500 млн.

Третий (глобальный) этап урбанизации начался во второй половине XX в. Он органически связан с НТР, под воздействием которой на новый качественный уровень развития вышло не только промышленное производство, но и многочисленные непроизводственные отрасли, обслуживающие людей и удовлетворяющие их социально-культурные потребности. За это время число горожан в мире возросло на 2,3 млрд человек, а средняя людность городов - вдвое и достигла 500 тыс. человек.

Процесс урбанизации в конце XX – начале XXI вв. находится на этапе катастрофического ускорения концентрации населения как в целом в городах, так и особенно в крупных, миллионных и их агломерациях. Если в 1800 г. на планете был только Лондон с числом жителей более 1 млн, в 1900 г. – 10 таких городов, в 1950 г. – 67, в 2000 г. – примерно 350, то в 2010-2015 гг. будет примерно 80 городов с населением более 4 млн человек, в которых будет проживать уже каждый четвёртый житель планеты.

Четвёртый (наступающий) этап связан с генезисом в конце XX в. и развитием постиндустриальных цивилизаций (Западная и Японская), утверждением на планете крупногородского (урбанистического) образа жизни и многими другими качественными изменениями и преобразованиями как общества, так и биосферы, и человека, формированием постбиосферной

(ноосферной, искусственной) жизни (если человечество не найдет в себе силы сойти с гибельного как для биосферы, так и для биосферного человека пути).

Сельское население хотя и продолжает расти (за 1950-2000 гг. его численность увеличилась с 1,8 до 3 млрд человек), но оно сосредоточено в развивающихся странах – около 90 % сельских жителей мира. Если ещё 2,5 столетия назад свыше 90 % населения мира было земледельцами, то сейчас их примерно 40 %, а в наиболее развитых странах - менее 10 %. За период с 1951 по 1998 гг., по подсчётам Н.В. Алисова и Б.С. Хорева, доля сельского населения в мире упала с 59 до 44 %, а вклад сельского хозяйства не превышает 5 % мирового ВВП по сравнению с 20 % в 1950 г.

В развитии урбанизации в России и СССР можно выделить несколько этапов. *Первый* (дореволюционный) основан на развитии капиталистической промышленности. В начале XVIII в. на города (посады) в нашей стране приходилось 3 % населения, к концу XVIII в. – 4,1 %, к середине XIX в. – 7,8 %. Дореволюционная перепись населения (1897 г.) показала, что городское население составляло 12,3 %, т.е. страна занимала среднемировой уровень. *Второй* этап начался в СССР со второй половины 20-х гг. XX в. и связан в основном с государственно-социалистической индустриализацией, коллективизацией села и культурной трансформацией. Если в 1926 г. доля горожан в населении СССР составляла 18 % (на уровне 1913 г.), то в 1940 г. - уже 33 %. Для этого этапа характерен не только быстрый рост числа горожан, но и рост сельского населения, которое составило примерно 130 млн человек в 1940 г., или на 10 млн больше, чем в 1926 г.

Третий этап охватывает послевоенный период (1945-1991 гг.). Если перед войной в стране было 2/3 сельского населения, то в 1991 г. – 2/3 городского. Темпы урбанизации в СССР превосходили в 2-3 раза показатели западных капиталистических стран в соответствующие периоды. С 1950 по 1989 гг. городское население в СССР увеличилось на 120 млн человек. По сути, на территории СССР появилась дополнительно «новая крестьянская Россия» (в 1913 г. население России составляло 159,1 млн человек, из них селян – 131 млн), что не могло не вызвать ряда серьезных проблем социально-экономического характера. Изменился и профессиональный состав сельского населения. Если в 1926 г. для 93,6 % всего населения деревни источником существования было сельское хозяйство, то к 90-м гг. XX в. – только для половины. Численность работников, занятых в сельском хозяйстве СССР в 1989 г., составляла 26 млн человек, т.е. по сравнению с 1940 г. уменьшилась более чем в 4 раза, а выпуск сельскохозяйственной продукции увеличился почти в 3 раза. Этот этап характеризуется рядом особенностей: преимущественным ростом больших и крупных городов, концентрацией населения в городских агломерациях. К моменту распада СССР в них было сосредоточено примерно 80% городского населения. Следует отметить, что уровень урбанизации в Российской Федерации был гораздо выше, чем в среднем по СССР. Городское население на конец 1991 г. составляло 109,7 млн

человек, или 74 %, а сельское – 39 млн, или 26 %. Сейчас по доле горожан (3/4) Россия находится на среднеевропейском уровне.

Переход с начала 90-х гг. XX в. нашей страны к капитализму, а заодно и к следующему этапу урбанизации, вызвал острейшие противоречия и проблемы общественного и социоприродного развития. Это ведет к дальнейшему дисбалансу в развитии социальных и природных качеств населения, резкому ухудшению его здоровья, снижению рождаемости и даже *урбан-демографическому вымиранию населения России*. Становление рыночных механизмов и частнособственнических отношений, социально-классовое расслоение, новые потребности и интересы образовавшихся богатых и бедных слоев не только изменяют социальный облик нашей страны, но и трансформируют сложившуюся картину урбанизации и формирующейся на её основе техносферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер, А. Рост городов в XIX столетии : [пер. с англ.] / А. Вебер. – СПб, 1903.
2. Демиденко, Э.С. Демографические проблемы и перспективы больших городов / Э.С. Демиденко. – М., 1980.
3. Демиденко, Э.С. Урбанизация: концепция и политика городского развития / Э.С. Демиденко. – М., 1992.
4. Демиденко, Э.С. Урбанизация села и техно-ноосферные перспективы земледелия / Э.С. Демиденко. – Брянск, 2005.
5. Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М., 2003.
6. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности / Е.А. Дергачева. – Брянск, 2005.
7. Ленин, В.И. Развитие капитализма в России / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т.3.
8. Маркс, К. Соч. Т.23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. - С. 388.
9. Межевич, М.Н. Социальное развитие и город / М.Н. Межевич. – Л., 1979.
10. Озерова, Г.Н. География мирового процесса урбанизации / Г.Н. Озерова, В.В. Покшишевский. – М., 1981.
11. Пивоваров, Ю.Л. Основы георбанистики: Урбанизация и городские системы / Ю.Л. Пивоваров. – М., 1999.
12. Попкова, Н.В. Техногенное развитие и техносферизация планеты / Н.В. Попкова. – М., 2004.
13. Сенявский, А.С. Российская урбанизация в XX веке: роль в историческом прогрессе / А.С. Сенявский. – М., 2000.
14. Хорев, Б.С. Проблемы городов / Б.С. Хорев. – М., 1975.
15. Яницкий, О.Н. Урбанизация и социальные противоречия капитализма / О.Н. Яницкий. – М., 1975.

А.М. ЖОГИН

УРБАНИЗАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОГО ГОРОДА

Одной из основных черт современного этапа развития техногенного общества стала развивающаяся стремительными темпами урбанизация. Рост как городского населения, так и самих городов поистине поражает своим размахом. Так, если в 1800 г. в городах проживало только 5,0 % землян, то в 1950 г. этот показатель увеличился до 28,9 %. В настоящее же время доля городского населения мира превосходит 50 % [4, с.5; 6, с.496], что составляет примерно 3,3-3,4 млрд человек. Что касается размеров городов, то к 2020 г. под городскими застройками предположительно будет находиться примерно 4 % суши, а к 2070 г. – около 13 или 20 % жизнепригодного пространства [1, с.279].

Несомненно, урбанизацию, привносящую с собой немало положительных, особенно цивилизационных, элементов в общественную жизнь, на современном этапе скорее можно рассматривать как глубоко противоречивый процесс. С одной стороны, урбанизация весьма ощутимо повышает цивилизованность общества, развивает социальные качества народонаселения, ведет к росту общественных богатств, а с другой стороны, она вызывает острейшие экологические проблемы и патологические явления. В первую очередь отрицательный характер урбанизации проявляется в безжалостном загрязнении, отторжении естественной окружающей среды и как следствие ослаблении, а впоследствии и потере связи человека с природой. С каждым новым поколением горожане все больше теряют природные, биологические качества и навыки, которые были необходимы для жизни в естественных, биосферных условиях. Ослабление зрения, слуха, сердечно-сосудистые заболевания, врожденные патологии – все это итог длительного проживания в экологически неблагоприятных условиях городов. Как отмечают некоторые исследователи, если нынешние темпы разрушения указанных органов чувств «не начнут снижаться в XXI в., то через полтора-два века примерно две трети населения будут слепыми и глухими, что потребует создания специальных видео- и радиоаппаратов уже не для усиления зрения и слуха, а для передачи соответствующих «телевизионных изображений» и звуковых сигналов в кору головного мозга» [5, с.184].

Растущие различия между урбанизированными территориями и природной средой указывают на то, что при дальнейшей урбанизации и биосфера, и сам биосферный человек будут коренным образом преобразованы, если не уничтожены его же непродуманной технодеятельностью. Уже сейчас городские территории настолько специфичны по отношению к естественным биосферным ландшафтам, что их можно рассматривать как своего рода аномальные явления. Выделим важнейшие из присущих им специфических черт, обусловленных особой экологической обстановкой.

- Атмосфера городов характеризуется пониженной прозрачностью. Так, в Москве, поверхности земли достигает на 10% меньше прямой солнечной радиации и на 30% меньше ультрафиолетовых лучей, чем в окружающей местности. В городах выше запыленность атмосферы. Здесь нередко выпадает от 500 до 1500 кг/км² пыли в сутки, в то время как в сельской местности

количество ее не превышает 5-15 кг/км². Повышенная запыленность ведет к увеличению ядер конденсации для влаги [1, с.280]. Этот факт, а также замедление воздушных потоков над городом (следствие дополнительной «шероховатости» поверхности) являются причинами большей облачности, большего числа дней с туманами и атмосферными осадками (в Москве, например, осадков выпадает на 10% больше, чем на окружающих территориях).

- Для городов характерно повышенное прогревание воздуха. Их рассматривают как специфические «острова тепла». В средних широтах годовая температура здесь может быть на 1-2° С выше, чем в окружающей местности, а в отдельные периоды, например при большом контрасте суточных температур и безветренной погоде, в ночные часы здесь может быть на 6-8° С теплее, чем за городом.

- Городские реки и другие водоемы несут большую нагрузку загрязняющих веществ и в то же время характеризуются низкой способностью к самоочищению. Бетонные берега полностью теряют свойства пограничного эффекта, при котором самоочистка, как и другие экосистемные процессы, наиболее интенсивна. Город – колоссальный потребитель чистой и источник загрязненной воды. Масштабы потребления подземных вод обычно не согласуются со скоростью их восстановления, поэтому под городами и вблизи них (часто в радиусе на несколько десятков километров) образуются аномальные понижения уровней подземных вод на десятки и сотни метров – «депресссионные воронки» (самые большие из них на территории России располагаются в Москве, Санкт-Петербурге и Брянске).

На примере высокоурбанизированных территорий городских мегаполисов и агломераций отчетливо просматривается их глобальное отрицательное воздействие на человечество и биосферу в целом. Высокие концентрация производства и плотность населения на сравнительно небольших территориях порождают проблемы загрязнения воздуха, поверхностных и подземных вод, разрушения естественных биогеоценозов без возникновения новых (города вряд ли можно назвать таковыми: в них отсутствуют основные свойства экосистем – способности к саморегуляции и круговороту веществ).

В то же время возникают проблемы интеграции человека с техносферой, его психологии и здоровья. Такие специфические загрязнения окружающей среды, как шумовое и электромагнитное, наиболее характерны для городских территорий и обуславливают большую вероятность нервных срывов, стрессов и других подобных заболеваний. По оценкам некоторых психиатров, 80% горожан страдают так называемым «синдромом большого города», основные признаки которого – подавленное состояние, психическая неуравновешенность и агрессивность [9, с.365].

Шум уникален как загрязнитель. Он, как правило, не постоянен, не накапливается, не переносится на большие расстояния. Вместе с тем чрезмерный шум вызывает головные боли, бессонницу, повреждение органов

слуха, нервные расстройства, сужение кровеносных сосудов и увеличение артериального давления. Он стимулирует агрессивность, способствует выделению адреналина в кровь и в конечном счете ведет к сокращению продолжительности жизни. Наибольшее шумовое воздействие на окружающую среду в городах оказывает автотранспорт (80% от общего шума). В настоящее время на автомобильных дорогах Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов России уровень шума от транспорта в дневное время достигает 90-100 дБ и даже ночью в некоторых районах не опускается ниже 70 дБ (предельно допустимый уровень шума для ночного времени – 40 дБ). Официальные данные свидетельствуют, что в России примерно 35 млн человек (или 30% городского населения) подвержены существенному, превышающему нормативы воздействию транспортного шума, в Западной Европе – более половины населения проживает в районах, где уровень шума составляет 55-70 дБ [7, с.381-382].

Электромагнитное загрязнение – результат изменения электромагнитных свойств среды. Наиболее часто оно возникает под влиянием линий электропередач (ЛЭП), радио и телевидения, работы некоторых промышленных объектов. Отрицательное воздействие электромагнитных полей на человека и на те или иные компоненты экосистем прямо пропорционально мощности поля и времени облучения. Неблагоприятное воздействие электромагнитного поля, создаваемого ЛЭП, проявляется уже при напряженности поля, равной 1000 В/м [7, с.386]. У человека нарушается работа клеточных и молекулярных биологических структур, обменные процессы, функции головного и спинного мозга.

В крупных городах 60-80% загрязнений атмосферного воздуха приходится на автотранспорт. По этой причине основными загрязняющими веществами являются окислы азота, угарный газ, двуокись серы, металлическая и резиновая пыль, бензопирен, свинец, пары бензина и другие углеводороды. Загрязненность атмосферы прямо влияет на заболеваемость органов дыхания. Так, в г. Березники Пермской области она превышает среднюю по стране в 2,4 раза, в Липецке – в 3 раза, и как следствие продолжительность респираторных заболеваний у детей, проживающих здесь, в 2-2,5 раза больше, чем у детей, живущих в экологически благополучных регионах [8, с.438].

Основным загрязнителем вод в городах стало жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ). Так, в Москве расход воды на одного жителя составляет около 800 л в сутки, из них примерно 450 л - в коммунально-бытовом секторе [1, с.291]. Из воды, поступающей в Москву ежедневно, заводы и фабрики забирают лишь четверть. Столько же идет в столовые, детские сады и больницы. Остальное - в жилые дома.

Во всем сказанном трудно не увидеть угрожающей тенденции к росту влияния большой сосредоточенности людей и их деятельности на экологию городов. Не только заводы и фабрики, но и рядовой горожанин создает миллиарды тонн бытовых отходов, не имеет строго фиксированных фондов

воды, загрязняет пространство отходами от сотен и даже миллионов автомобилей. На отношении к природе такого «отдельного» человека - как на производстве, так и в быту - строится вся экологическая политика города.

Как бы то ни было, урбанизация стала привычным явлением современной жизни и неотъемлемой частью формирующегося новобытия, которое называют ноосферой. Но ноосфера, по Вернадскому, - это преобразованная людьми биосфера, а не новая, искусственная система, построенная на «обломках» старой, что сейчас и осуществляется. Рост городов неизбежен, как неизбежна «поступь цивилизации», поэтому человек должен искать пути смягчения пресса городского влияния на среду обитания и его здоровье. Основной путь решения данной проблемы – максимальное сохранение природной системы в городской среде, создание эколополисов (поселений, где наиболее полно сочетается городская застройка с разнообразием архитектурных и биоприродных ландшафтов). Это возможно путем создания и сохранения в пределах городских поселений естественных и искусственно созданных экосистем (лесопарков, скверов и т. д.). Застройка городских территорий должна быть такой, при которой максимально учитываются социально-экологические потребности людей, приближение к природе, избавление от монотонности пространства, сокращение плотности населения до 100 и менее человек на гектар. Важно также внедрение экологически безопасного транспорта и безотходного производства.

Одним из важнейших принципов таких городов должна стать разумная интеграция биосферы и техносферы, осуществляемая посредством широкого внедрения естественно-природных компонентов в городскую среду. Растительность – одно из эффективнейших средств улучшения состояния среды. Всестороннее использование разнообразных «способностей» растений позволит повышать уровень ионизации воздуха, влиять на качество поступающей солнечной радиации, улучшать неблагоприятные для человека климатические характеристики [2, с.166]. Интересны в этом отношении некоторые эколого-градостроительные разработки, в соответствии с которыми увеличение доли экологического пространства в городах должно достигаться посредством таких мероприятий, как перемещение в подземные сооружения нежилых помещений, озеленение крыш домов, создание «зеленых стенок» и «висячих садов», шумозащитных зеленых насаждений и т. д.

Тем не менее, как отмечает С. С. Шварц, в условиях неизбежного прогрессирующего антропогенного изменения природной среды биогеоценозы и другие экологические системы в индустриальном и урбанизированном мире не могут быть сохранены в естественном состоянии, хотя и нет никаких объективных причин ухудшения и утраты ими биосферных функций [2, с.44].

В свете этих и других подобных изменений города представляются как анклавы новой, приходящей на смену биосфере техносферной системы, порожденной техногенным обществом. Одной из отличительных особенностей этой системы, о чем говорят современные тенденции, является разрушение

естественной окружающей среды в результате человеческой деятельности и ее посильная замена на искусственную.

Под давлением сложившейся ситуации остро встает вопрос о реальной возможности сохранения биосферы и биосферной жизни в ее жестком противостоянии с техносферой. В состоянии ли человечество остановить поглощение природного искусственным? «В принципе, это возможно, - пишет Э. С. Демиденко, - хотя для этого необходимо приложить огромные усилия мирового сообщества» [3, с.200].

По мнению автора, для сохранения естественно – биосферной жизни на Земле нужно в первую очередь пересмотреть всю систему взглядов человека на окружающую среду. Только через благоговейное отношение к Природе, осознание ее ценности и хрупкости можно проложить безопасный путь к необходимой и неизбежной интеграции биологического и техногенного. В другом случае биосферное исчезнет навсегда, а вместе с ним канет в небытие и сам человек, как существо, созданное и выпестованное биосферой и развивающееся в социуме.

Итак, города – это весьма специфические творения человека, адаптация к которым связана с существенными издержками для здоровья и самочувствия людей. И поскольку города становятся основными системами для жизни, крайне важно изучение и прогноз их воздействия на человека, природную среду и биосферные процессы в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронков, Н.А. Экология. Общая, социальная, прикладная / Н.А. Воронков.– М., 1999.
2. Город и ландшафт (проблемы, конструктивные задачи и решения) / В.В. Владимиров [и др.]. – М., 1986.
3. Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М., 2003.
4. Демиденко, Э.С. Урбанизация: концепция и политика городского развития / Э.С. Демиденко. – М., 1992.
5. Демиденко, Э.С. Философское осмысление здоровья человека в техногенном мире / Э.С. Демиденко // Философия здоровья. – М., 2001.
6. Демографический энциклопедический словарь. – М., 1985.
7. Коробкин, В.И. Экология / В.И. Коробкин, Л.В. Передельский. – Ростов н/Д., 2001.
8. Новиков, Ю.В. Экология, окружающая среда и человек / Ю.В. Новиков. – М., 2002.
9. Экология человека: учеб. пособие. – М., 2001.

Н.В. ПОПКОВА

ТЕХНОСФЕРА КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рост значимости техногенных объектов и технологических процессов в жизни современного человечества позволяет говорить о формировании к настоящему моменту глобальной техногенной среды, предназначенной для получения из биосферы необходимых компонентов человеческой жизнедеятельности и создания ее инфраструктуры. Для обозначения искусственной реальности, в которой осуществляется жизнедеятельность и творческая активность человека, предложено понятие «техносфера». Оно активно используется в современном социальном и философском дискурсе, но его методологический и эвристический потенциал не исчерпан. Отсутствие систематизации и несогласованность различных подходов приводят к тому, что взаимовлияние технических систем, биосферной и социокультурной среды не находит должного теоретического осмысления. Практические рецепты разрешения современных техногенных проблем содержат иногда противоположные выводы и ведут к разработке программ деятельности, направленных на достижение взаимоисключающих целей. Чтобы лечь в основу теоретической модели, предназначенной для понимания социальных и экологических процессов, понятие «техносфера» должно быть подвергнуто анализу.

Философское осмысление любого явления неразрывно связано с его ценностным анализом, с оценкой его значения для человечества. Основная проблема заключается в трудностях управления техногенной средой, в невозможности контролировать ее развитие или хотя бы прогнозировать ее реакцию на внедрение очередных инноваций. Но техносфера – результат активности людей, и ее негативные аспекты – последствия человеческой деятельности; следовательно, оценка роли техносферы неразрывно связана с оценкой самой творческой сущности человека. Контроль над ростом и функционированием техносферы необходим, потому что по мере своего развития техногенная среда приобрела глобальные масштабы и задействовала в качестве своей территории почти всю поверхность планеты. Вызываемые ею техногенные трансформации также стали глобальными; восприятие их социумом в режиме «самонастройки», приемлемое на более ранних этапах технологического развития, уже не отвечает современным трудностям и должно смениться целенаправленным созданием и реализацией стратегий, координирующих деятельность человечества.

Сам термин «техносфера» формируется в результате абстрагирования от неизбежных несоответствий и противоречий между отдельными

технологическими системами и выделения их главной черты – переработки естественной среды в искусственную. Именно эта характеристика признается наиболее существенной, а различия (вызываемые разным временем создания или масштабом технических объектов, разной степенью их управляемости человеком, включенности в технологические сети и т.д.) отбрасываются как несущественные.

Автор предлагает проводить анализ термина «техносфера» на двух уровнях: как общенаучного понятия (отражающего основные характеристики изучаемого научными дисциплинами объекта – техногенной среды) и как философской категории (показывающей связь создаваемого в результате техногенной деятельности материального искусственного мира с сущностью человека).

Научный уровень исследования необходим как для суммирования уже собранной информации о техногенной среде, так и для выделения ее элементов и связей между ними. Для разрешения проблемы контролируемости техногенной среды за этим последует философское исследование, цель которого – изучение формирования техносферы и ее взаимосвязей с другими областями человеческой жизни. Чтобы выявить соотношение автономности и контролируемости техногенной среды, нужно проследить их изменение на всех этапах ее развития (начиная с самого формирования техносферы на основе первых технических комплексов и заканчивая современной эпохой), а также выявить соотношение ожидаемых прямых результатов технической деятельности человека, улучшающих его жизнь, – и косвенных, негативно на нее действующих.

Хотя понятие «техносфера» используется при социально-философском анализе современной эпохи, общепринятого содержания оно не имеет [4, с.48-50]. Автор предлагает следующее определение исследуемого понятия. Техносфера как существующий в материальном мире объект научного исследования представляет собой совокупность техногенных средств целенаправленного преобразования окружающей среды и его результатов, которые не входят в состав естественных систем (человечества, биосферы и геологических оболочек Земли). Поэтому они или не охвачены присущими этим системам формами круговорота вещества и энергии, или вызывают их изменения. Переход к философскому анализу техносферы потребует ряда уточнений, вызванных необходимостью учета исторического развития перечисленных систем. Содержанием научного анализа техносферы станет:

- 1) анализ информации о техногенной среде, собранной и систематизированной на общенаучном уровне ее исследования;
- 2) выделение структурных элементов техногенной среды;
- 3) обоснование существования техносферы как единого объекта;
- 4) выявление трудностей, возникающих при исследовании техносферы только научными методами, и фиксация нерешенных задач;
- 5) обоснование необходимости перевода анализа на другой уровень, философский, на котором решение этих задач возможно.

Структуру техносферы можно представлять как совокупность пространственных единиц – технотопов. *Технотоп* – техногенно преобразованный участок биосферы (а сейчас – внебиосферной среды), объединяющий устойчивую совокупность технико-технологических объектов и условия их функционирования. Автор предлагает рассматривать технотопы трех порядков:

- 1) *локальные* – создающиеся вокруг отдельного техногенного объекта;
- 2) *региональные* – охватывающие область земной поверхности, не примыкающую непосредственно к какому-либо техногенному объекту, но испытывающую его влияние через измененную окружающую среду;
- 3) *глобальный* – охватывающий всю земную поверхность (например, вследствие изменений, вызванных промышленной деятельностью).

Не подвергается сомнению существование отдельных технических систем и образующихся на их основе технологических комплексов. Разногласия вызывает достигнутый ими иерархический уровень, позволяющий говорить о техногенной среде как о едином целом (способном выступить как объект научного анализа), а не сумме отдельных локальных сред. Таким образом, вопрос о существовании единства техносферы можно поставить в форме, допускающей решение задачи путем научного анализа: существует ли глобальный технотоп?

Достижение хотя бы одной из составных частей техногенной среды глобальных масштабов позволит говорить о наличии глобального технотоба.

Кроме того, одной из задач исследования является определение границ техногенной среды. Как материальный объект, она имеет пространственные границы (возможно, не совпадающие с границами распространения техногенных явлений); а само развитие техносферы позволяет выделить ее временные границы: начальный этап формирования и возможные конечные результаты, ведущие к будущей трансформации техногенной среды в качественно иную форму, требующую нового понятия, новых методов контроля и изучения.

Несложно определить существующий в каждую эпоху пространственный ареал, для которого характерно наличие технических объектов. Но для выявления его соотношения с техногенной средой необходим анализ ее функционирования, позволяющий различить собственно техносферный комплекс и его отдельные компоненты, не формирующие техногенную среду.

Технические объекты и изделия в настоящее время встречаются не только по всей поверхности Земли, но и за ее пределами: так, несколько межпланетных аппаратов уже покинули границы Солнечной системы. Тем не менее считать, что техногенная среда занимает все эти пространства, было бы неправильным: они функционируют по собственным законам, их признаки не изменены. Поэтому присутствие в данном пространстве объектов техногенного происхождения – признак наличия техносферы необходимый, но не достаточный.

Очевидно, потребуется учет не только имеющихся объектов техногенного происхождения, но и связей между ними и естественной средой, позволяющих производить ее техногенные изменения. Если же этих изменений не наблюдается, или они являются временными и обратимыми, то причислять данную среду к техногенной нет оснований. Разумеется, говоря о необратимости изменений, нельзя ее абсолютизировать: техногенные трансформации могут быть непредсказуемыми, негативно воздействующими как на человека, так и на его производственную деятельность; полученные техносферные комплексы могут разрушаться и переходить в иную форму. Главным признаком здесь является разрушение прежней, естественной среды, нарушение природных биогеохимических характеристик, которые не возвращаются к прежним значениям.

Необходимо учитывать «знак» произведенных техногенных трансформаций, которые могут создавать как приспособленную для человека среду, так и не пригодную не только для него, но и для живых существ вообще. Кроме того, полученная техногенная среда может контролироваться человеком или, напротив, сама подчинять его, требуя антропогенных и социокультурных трансформаций. Можно ли все эти характеристики называть техносферными или же они определяют качественно различные техногенные объекты, которые нельзя объединять одним научным понятием, так как это смещение затруднит изучение техносферы? Автор считает, что задача определения границ техносферы на научном уровне исследования может быть поставлена, но не решена.

Техногенная среда, несмотря на свою целостность, не является замкнутой: она имеет входные и выходные потоки, отражающие ее взаимосвязь с остальными системами Земли. К *входным потокам* принадлежат материально-энергетические ресурсы и управляющие информационные воздействия (предпосылки производства), а к *выходным* – промышленные изделия и отходы (результаты производства). Входные потоки не принадлежат техносфере, поскольку они, как правило, имеют естественное происхождение и создаются нетехногенными процессами. Источники техносферных ресурсов – земная геологическая, биогенная и антропогенная среда, а также излучаемая энергия Солнца.

Напротив, *выходные потоки* техносферы по большей части остаются в техногенной среде и требуют технической утилизации.

Проанализируем отдельные элементы техногенной среды.

При рассмотрении техники и технологии как элементов техносферы можно использовать эти понятия, не поднимаясь на философский уровень исследования. В данной статье *техника* понимается как совокупность материальных объектов, целенаправленно созданных человечеством для удовлетворения своих потребностей и действующих путем использования и рационального преобразования природных веществ и процессов; *технология* – как последовательность действий, изменений и состояний, сознательно разработанная с целью удовлетворения какой-либо потребности и

социокультурно оптимизированная в форме непрерывного пути от наличного состояния ресурсов (материальных, энергетических, трудовых и др.) до получения желаемого результата. Техногенная среда включает в качестве основных компонентов все технические объекты и только те технологические процессы, в которых происходит перенос или преобразование материально-энергетических компонентов (а также представленной в материализованной форме информации).

Единого технологического комплекса на планете не существует. Более того, исследователи сталкиваются с труднообъяснимой характеристикой техносферы – ее *дискретностью*. Ни одна из последовательно эволюционирующих ступеней технологического развития не смогла вытеснить предшествующую: сохраняются регионы, где техногенная среда формируется производительными силами всех возможных уровней – от собирательного до постиндустриального.

Единства техносферы на технико-технологическом уровне не существует, и не доказана сама возможность существования единой технологической сети.

Технические объекты – системообразующие элементы техносферы, но не единственные. Они формируют саму техногенную среду, но существуют, кроме того, и результаты ее использования – как окружающий человека мир технических изделий, так и места сосредоточения техногенной деятельности, содержащие технологические средства, необходимые для обеспечения производства. Поскольку к естественной среде эти объекты не принадлежат, их приходится относить к искусственной, включая материальные артефакты в техносферу.

Итак, к техносфере следует отнести систему техногенных объектов обеспечения индустриального и земледельческого производства. Очевидно, что глобальная система производственной инфраструктуры не построена. Существуют ее узлы – города, которые являются и наиболее измененными техногенно участками земной поверхности. Но за их пределами среда не может называться приспособленной к производственной деятельности. Следовательно, техносферного единства на уровне производственной инфраструктуры нет.

Разумеется, к техносфере в общем принадлежат технические изделия, или окружающий человека вещный мир. Это – непосредственный результат технологической деятельности, получение которого и составляет сознательную цель человека, данной деятельностью занимающегося. Кроме отдельных технических изделий, созданы их комплексы: искусственная окружающая среда в виде поселений, имеющих резко выраженные отличия от биосферной среды – вплоть до особого климата. Хотя сельские поселения (совокупность жилищ и агроценозов) уже стали выделяться из природной среды, именно город отделил человека от биосферы и позволил создать новую жизнь – техносферную. Процесс урбанизации приводит к пространственному росту этой среды и ее дальнейшему удалению от естественной. Поэтому городские поселения (как центры искусственной окружающей среды,

создаваемой техногенной инфраструктурой) и связывающие их коммуникации следует признать элементами техносферы. С конца XX века можно уже говорить о формировании единого «мирового города». Центры техносферной жизнедеятельности соединяются постоянно действующими транспортными магистралями, по которым идет непрерывное движение потоков людей, вещей, информации. Современный город порождает универсальную жизненную среду, характеристики которой присущи не ее конкретному месторасположению или национальной культуре, а самому мегаполису: они являются общими даже для отдаленных регионов. На урбанизированных территориях отмечается изменение климатических характеристик, выше уровень физического, химического, бактериологического, шумового загрязнения. Комплексная реализация не только материальных, но и социокультурных потребностей современного горожанина предусматривает функционирование целого ряда техносферных компонентов, имеющих техногенное происхождение. Основной формой существования техносферы можно считать городскую среду.

Но сходство характеристик городской среды в различных частях мира не устраняет ее локального характера: города занимают меньшую часть земной поверхности, и достижение пространственной глобализации техносферы на уровне этого компонента, видимо, в принципе невозможно даже в будущем.

Не затрагивая в данной статье сложного вопроса о системной принадлежности полученных с помощью селекционных технологий видов живых существ (растений и животных), автор причисляет к техносфере *качественно преобразованные человеком участки биосферы* – те биоценозы, в которых естественный состав видов был изменен в результате техногенной деятельности, а материально-энергетические потоки трансформированы и управляются человеком. К техносферным биологическим комплексам относятся *агроценозы* (биологические сообщества, созданные человеком с целью получения земледельческой продукции и, ввиду регулярного изъятия урожая, нуждающиеся в поддержании их существования) и *урбоценозы* (биологические сообщества, сформировавшиеся на территории человеческих поселений и, ввиду измененных климатических и химических условий, отличающиеся по составу видов от биосферных). Очевидно, что целостности техносферы на уровне биологических комплексов не существует; они в пространстве перемежаются иными объектами (естественными и техногенными), а во времени требуют постоянных затрат ресурсов на свое поддержание (в их отсутствие возвращаясь за короткий срок на уровень природной среды – биосферной или геологической). Следовательно, на уровне сообществ живых существ глобального технотопы не существует.

Отходы производства, или косвенные и нежелательные результаты функционирования техносферы, могут быть разделены на три основные группы:

- 1) способные войти в естественные циклы природных систем Земли;
- 2) способные утилизироваться только в ограниченных объемах, при превышении которых необходима технологическая переработка;

3) не способные вписаться в естественные круговороты или трансформирующие их в негативном для человека и биосферы направлении, а потому требующие утилизации технологическими способами.

Техногенное развитие ведет к прогрессирующему увеличению небiosферных химических веществ, которые, будучи результатом технологических циклов, требуют своего устранения. Но даже те отходы, которые способны охватываться биосферными процессами, в больших объемах могут не соответствовать наличным возможностям биосистем к их усвоению и включению в биосферные циклы, и поэтому они также требуют техногенной переработки.

Поскольку отходы производства, попадая в окружающую среду, загрязняют естественные системы (воду, воздух, почву и т.п.) и изменяют их, они являются мощным фактором техносферизации планеты. При этом их возникновение и распространение обладает максимальной степенью спонтанности; эти процессы, несмотря на все затрачиваемые усилия, до сих пор почти не контролируются человеком. Тем не менее пространственные масштабы техногенных загрязнений таковы, что ими затронута практически вся планета (и даже часть ближнего космоса): химические вещества техногенного происхождения найдены в ледниках Антарктиды, а электронное или тепловое загрязнение распространяется, в принципе не имея границ. Продолжающееся воздействие на биохимические и климатические циклы факторов техногенного происхождения ведет к ответным трансформациям естественных систем, прогнозировать которые еще невозможно, а контролировать – тем более [3, с.98-100].

Именно на уровне трансформаций естественных систем, вызванных отходами техногенной деятельности, и можно обнаружить ее глобальный характер. Изменения естественной среды вследствие распространения техногенных отходов носят общепланетарный характер и проявляются по ходу техносферного роста в виде экологических, климатических, биохимических трансформаций, зафиксированных во всех регионах планеты и пока не контролируемых.

Таким образом, на общенаучном уровне исследования можно сделать вывод: *техносфера* – это формирующаяся в результате технологического развития и трудовой деятельности человечества целостность (к настоящему времени ставшая одной из глобальных оболочек Земли), охватывающая те материальные объекты и процессы (в том числе измененные биогенные системы, вышедшие из-под влияния биосферных закономерностей, и материальную инфраструктуру человеческой жизнедеятельности), которые появились в результате прямого или косвенного техногенного изменения человеком биосферы и геологических оболочек Земли. Ее существование как единого целого определяется в основном наличием глобальных последствий технической деятельности, косвенных и нежелательных. Они спонтанно возникают из-за недостаточной контролируемости человеком всех аспектов технологического процесса и проявляются во взаимодействии с естественной

средой на ограниченной территории планеты. Компонентами техносферы являются технические объекты и технологические процессы, а также материальная база их проектирования, создания и внедрения; технические изделия, или окружающий человека вещный мир; система объектов обеспечения индустриального и земледельческого производства (производственная инфраструктура); поселения – центры искусственной окружающей среды и соединяющие их коммуникации (инфраструктура жизнедеятельности людей); произведенные промышленностью небiosферные химические вещества и отходы производства, которые требуют утилизации; биологические комплексы, вышедшие из-под влияния биосферных закономерностей и управляемые техническими средствами. При неограниченных территориальных и материальных ресурсах ни один из компонентов техносферы не стремится к созданию единого целого, ограничиваясь формированием отдельных участков техногенной среды. Общенаучный уровень исследования не позволяет решить следующие задачи, необходимые для объяснения функционирования техносферы:

- 1) определение пространственных и временных границ техносферы;
- 2) рассмотрение взаимосвязи сознательной деятельности человека по созданию техногенной среды и других факторов ее роста;
- 3) анализ сущности единства техносферы и причин его возникновения;
- 4) объяснение причин возникновения автономии технического мира;
- 5) рассмотрение причин дискретности техносферы, т. е. сосуществования на планете технических комплексов различных этапов развития;
- 6) выявление тенденций развития техногенной среды, не являющихся экстраполяциями наблюдаемых процессов технологического роста;
- 7) исследование последствий пространственного и ресурсного замыкания техносферы, вызванного ограниченностью поверхности Земли и психофизическими особенностями человека как биологического вида.

Нерешенность перечисленных задач связана с трудностью учета субъективного фактора формирования техносферы – сознательной деятельности людей по ее созданию и поддержанию в работоспособном состоянии, накапливающейся по ходу исторического развития и трансформирующей естественные системы. Поэтому именно переход на философский уровень рассмотрения, без которого невозможно соотнесение объективных процессов с целенаправленной активностью человека, позволит раскрыть сущность техногенной среды.

Для философского исследования характерно рассмотрение изучаемых объектов в контексте фундаментальных принципов человеческого бытия. Создавая антропоцентрическую картину мира, философия освещает его сущностные характеристики, выделяя человеческое отношение к ним. Поэтому философское рассмотрение техносферы требует определения роли целенаправленной деятельности людей при ее формировании и особенностей человеческого бытия в техногенной среде. В рамках философского

исследования создание искусственного материального мира – техносферы – является частным случаем деятельности. Осмысление сущности техносферы должно быть связано с анализом других форм творческой активности людей, приводящих к созданию искусственных объектов и процессов, не возникающих естественным путем.

Осмысление деятельности является одной из важнейших задач философии. Деятельность, как преобразование наличной действительности, и сейчас признается одним из специфически человеческих способов отношения к миру, опосредованным социокультурно выработанными формами. Один из признаков родовой сущности человека – его способность целенаправленно изменять самого себя и внешний мир. Чем же отличается трудовая деятельность человека от активности животных? Все живые существа вмещаются в природные связи и взаимодействия, трансформируя участки своего обитания. Отличие преобразующих поступков человека от изменений природы другими живыми существами – в сознательности и целесообразности человеческой деятельности, в ее связи с самоизменением. Хотя характерный для конца XX века отказ от технистского оптимизма иногда приводит к негативным оценкам активности людей, все же ее важнейшая роль как источника социальных форм и культурных смыслов не может подвергаться сомнению. Инструментальная, технологическая активность – лишь одна из сфер приложения возможностей человека, другие ее сферы нематериальны. Понятая таким образом деятельность включает и собственно изменение материального окружения человека, и всю культурно-историческую сферу. Если приспособление к окружающей среде – смысл жизнедеятельности животных, то человек стремится к тому, чтобы приспособить среду к себе. По словам А.М.Ковалева, «если у животных внешнее превращается во внутреннее, органическое, то у человека такое превращение внешней природы происходит как в процессе строительства его органического тела, так и в создании неорганической очеловеченной природы» [1, с.86]. Согласно его исследованиям, материальное и духовное производства – две стороны человеческой деятельности: предмет труда для материального производства – окружающая среда, а для духовного – сами люди и отношения между ними. Их цели – соответственно создание упорядоченных материальных и духовных структур, производство вещей и производство идей, преобразование человеком окружающего мира и адаптация к нему. Основное противоречие общественной жизни, считает А.М.Ковалев, – противоречие между природой и искусственной средой [2, с.8].

Таким образом, деятельность человека понимается как основная причина формирования техносферы. Помимо классического толкования деятельности (как осознанного и целесообразного изменения человеком окружающего мира), существуют различные философские дискурсы, использующие это понятие, но переоценивающие его содержание, отношение к сущности человека, взаимосвязь с творчеством и рефлексией, зависимость от социальных факторов и значение для культуры. Автор не использует в данной

статье те концепции деятельности, которые основаны на отрицании ее субъектного источника – деятеля. Хотя с их помощью можно понять многие процессы в искусственном мире, они построены на абстрагировании от фактически наблюдающихся попыток целесообразного его конструирования. Подобные концепции деятельности, абсолютизируя зависимость субъекта от ранее созданных артефактов и уходя при этом в бесконечность, не могут дать решения поставленных автором задач, поскольку проблема отсутствия контроля над техногенной средой считается в них исходным пунктом и само собой разумеющимся процессом. Поэтому дальнейшие рассуждения автора находятся в пределах понимания деятельности как человеческого способа отношения к миру.

Итак, *технической деятельностью* автор называет осознанное изменение людьми материальных объектов для получения материальных же средств непосредственного удовлетворения человеческих потребностей. Виды материальной активности человека (в которых реализуются биологические, социальные и другие потребности), не обладающие этими признаками, – общие с другими живыми существами, они к формированию техносферы отношения не имеют.

Предлагаемая в данной статье модель техносферы основана на допущении о закономерном и необходимом характере технологической деятельности, поэтому неизбежность техногенных трансформаций не ставится под сомнение. Но их непредсказуемость приводит к негативным последствиям технологического развития, масштаб которых увеличивается по мере роста техносферы.

Необходимо рассмотрение воздействий техногенной среды на другие области: природную среду, социальные институты, культурные формы.

Техносфера не только занимает все большее место на планете – она распространяется и на души людей. Природа, ранее определявшая материально-энергетический обмен с обществом, оказывала на человека нравственное, духовно-психическое, эстетическое воздействие. Теперь же все большее значение в культуре, науке, морали, политике, искусстве, философии и даже религии получают техносферные тенденции. Все чаще высказываются мнения, что техногенная среда не только удовлетворяет потребности человека и развивает его личность, но и ухудшает условия его существования, подавляет природные качества и модифицирует психику людей в направлении, благоприятном только для своего расширения и технического развития. На современном этапе техногенного развития сумма используемых технологий, подчеркивает В.М.Розин, «постепенно становится технической суперсистемой (техносферой), которая определяет развитие и формирование всех прочих технических систем» [6, с.26]. Имеет смысл рассматривать технику в качестве «особой среды обитания человека, навязывающей ему средовые архетипы, ритмы функционирования, эстетические образы и т.п.» [7, с.239]. Для жизни человека в этой среде характерны «и полная зависимость человека от технических систем обеспечения (начиная от квартиры), и

технические ритмы, которым должен подчиняться человек (производственные, транспортные, коммуникационные...), и потребности, которые исподволь или явно (реклама) формируют технические новации» [5, с.111]. Поэтому не только в природе, но и в жизни современного человека, во всех сферах его материальной и духовной жизни автор отмечает процесс *техносферизации* – усиления воздействия техногенных закономерностей на социокультурные процессы, распространения технологических ценностей на все новые области деятельности [4, с.157-200].

Поставим на философском уровне рассмотрения вопрос о критериях существования техносферы (от которых зависит выделение ее пространственных и временных границ). Выше говорилось о том, что наличие в естественной среде отдельных предметов технического происхождения не превращает ее в искусственную (так, пролетающий мимо одной из планет Солнечной системы космический аппарат не дает оснований причислить ее к техносфере). Искусственная среда, как результат технической активности, должна улучшать жизнь человека: ее отличия от исходной, естественной среды должны иметь позитивный характер, потому что это и является основной целью данного вида деятельности. Если же цель не достигнута (полученная среда ухудшает жизнь людей и негативно отличается от природы), она, как не выполнившая задачу, ликвидируется – или в результате планомерных действий человека, или вследствие естественных процессов (после того, как люди покидают «испорченный» участок, технологические процессы, лишённые доставляемых ими ресурсов и управляющих воздействий, останавливаются и естественные закономерности вступают в свои права). Подобное состояние искусственной среды – временное и деградирующее. Но ни одна из форм деятельности не отличается полной прогнозируемостью и контролируемостью своих результатов. Поэтому наряду с позитивными последствиями техногенной деятельности неизбежны и другие – негативные, которые являются не сознательной целью, но косвенными результатами. Любая известная нам искусственная среда отличается неполной управляемостью. Если же в будущем средства всеобъемлющего контроля над техногенной средой и будут созданы, ее характеристики станут качественно отличаться от техносферных, и для ее обозначения потребуется новое понятие.

Итак, согласно гипотезе автора, техносфера существует при наличии:

- 1) технических систем (которые также входят в состав техногенной среды в той мере, в какой они сами порождаются техногенным путем);
- 2) позитивных результатов их деятельности (техногенных объектов и процессов, принципиально не получаемых естественным путем и создающих искусственную среду, необходимую для обитания человека);
- 3) определенной стихийности технологических процессов, инициирующих наряду с запланированными последствиями и непредсказуемые (в том числе нежелательные) изменения техногенного происхождения.

Автор не предпринимает ответа на вопрос о возможности перехода техносферы в качественно иную форму, как бы она ни называлась (инфосфера, ноосфера и т.п.). Но из сказанного следует, что новая форма искусственной среды, чтобы отличаться от техносферы, должна характеризоваться одним из свойств:

- 1) определяющей ролью нетехнических средств при создании искусственной инфраструктуры человеческой жизнедеятельности;
- 2) невозможностью техногенного поддержания человеческой жизни (данный вариант отмечается только ради теоретической полноты – по умолчанию не его имеют в виду при анализе техносферы);
- 3) полным контролем над техногенной средой (исключающим стохастичность результатов технологической деятельности).

Иные трансформации техногенной среды не могут называться качественными и ведущими к формированию нового объекта исследования, а следовательно, они будут представлять собой лишь новые формы техносферы.

При отсутствии одного из компонентов результат представляет собой:

- 1) в отсутствие технических процессов и сформированной их действием искусственной среды – естественную среду, сохраняющую свои основные характеристики и включающую отдельные техногенные объекты наравне с природными, подчинив их своим закономерностям;
- 2) в отсутствие позитивных для человека характеристик техногенной среды, отличающих ее от естественной, – искусственную среду, не пригодную для существования человека, а следовательно, теряющую его ресурсную поддержку, деградирующую и постепенно исчезающую;
- 3) в отсутствие присущих технологической деятельности признаков отчуждения – искусственную среду нетехносферного характера, характеристики которой пока невозможно определить из-за ее отсутствия.

Согласно этим критериям определим границы техногенной среды: пространственные и хронологические (точнее, одну из них – время возникновения техносферы, поскольку рассуждения о ее упадке выходят за рамки исследования). Рубежом возникновения техносферы должен считаться переход к использованию технологических комплексов, изменяющих естественную среду и поддерживающих жизнедеятельность людей, но не полностью ими управляемых. Автор предполагает, что этим рубежом было внедрение земледельческих технологий. Пространственные границы техносферы, определяемые указанным способом, постоянно расширялись по мере технологического развития: от дискретных очагов техносферной среды можно проследить их необратимый рост, вплоть до объединения в глобальную оболочку, включающую всю биосферу и локально выходящую за ее пределы (для создания внебиосферных очагов человеческой жизнедеятельности).

Одной из задач философского анализа была проверка правомерности использования термина «техносфера» как философской категории, а следовательно, выявление его философского смысла. Для этого необходимо обосновать всеобщность понятия в его отношении к человеку. Философский уровень исследуемого термина определяется наличием его общечеловеческого характера. Автор считает универсальность технологической деятельности как проявления активной сущности человека доказанной. Кроме того, существуют эмпирические подтверждения универсальности результатов этой деятельности, имеющей глобальный характер и в пространстве, и по охвату всех сфер жизни людей.

Деятельность человека есть неотъемлемая характеристика его сущности, среди форм которой материальная деятельность занимает важное место, являясь единственно возможным путем обеспечения самой жизни людей. Наиболее важным подвидом материальной деятельности является техническая, осуществляемая с помощью технических средств и приводящая к формированию искусственной среды, без существования которой невозможны не только обеспечение физиологических потребностей человечества, но и реализация остальных форм его активности: координация социальных процессов, создание объектов культурного творчества, их распространение и потребление и т.п. Основополагающая роль техногенной среды при создании условий жизнедеятельности людей и ее универсальность имеют категориальный смысл и дают основания считать используемый для обозначения ее основных свойств термин обладающим необходимыми признаками философской категории. Правомерность использования понятия «техносфера» в качестве *философской категории* обоснована:

- 1) признанием деятельности сущностной характеристикой человека;
- 2) всеобщим характером и универсальностью технической деятельности;
- 3) постоянным ростом техногенной среды как эмпирически зафиксированным вектором материальной деятельности человечества.

Итак, техносфера является проявлением одной из сторон человеческой сущности, которая в современную эпоху выступает на первый план.

Философский смысл использования понятия «*техносфера*» состоит в раскрытии с его помощью всеобщей сущности технической деятельности и универсального значения ее результатов, составляющих постоянно увеличивающуюся техногенную среду, необходимую для поддержания жизни людей. Необходимость философского анализа техногенной среды основана на ее ведущей роли для современной цивилизации. Таким образом, техносфера становится объектом теоретического изучения для разрешения одной из важнейших проблем современной эпохи – обеспечения дальнейшего развития человечества. Необходимость управления созданным людьми искусственным

миром и прогнозирования его роста очевидна: сам масштаб технологических процессов делает неполную их контролируемость опасной, ответные воздействия техносферы на природу и социокультурные системы – грозящими потерей их равновесия, а ограниченность необходимых для технологической переработки естественных ресурсов – ведущей к ограничению ее дальнейшего роста и требующей (ввиду продолжения технического прогресса) качественного решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалев, А.М. Общество – развивающийся организм / А.М.Ковалев. – М., 2000.
2. Ковалев, А.М. Промышленная цивилизация и судьба России / А.М.Ковалев. – М., 2003.
3. Попкова, Н.В. Глобальные проблемы современности и технологическое развитие / Н.В. Попкова // Вестник МГУ: Философия. – 2005. – №1.
4. Попкова, Н.В. Техногенное развитие и техносферизация планеты / Н.В. Попкова. – М., 2004.
5. Розин, В.М. Диалог технария и гуманитария о кризисе техники и путях его преодоления / В.М. Розин // Философские науки. – 2004. – №9.
6. Розин, В.М. Философия техники и культурно-исторические реконструкции развития техники / В.М. Розин // Вопросы философии. – 1996. – №3.
7. Розин, В.М. Философия техники / В.М. Розин. – М., 2001.

А.Е. БОБРОВСКИЙ

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕХНОСФЕРЫ В ПРОЦЕССЕ ТЕХНОГЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Вопросы, связанные с техногенным развитием человечества и формированием на его основе искусственной среды существования – техносферы, в последнее время становятся все более и более актуальными, а их решение – необходимым и востребованным. Помимо того, что эти вопросы очерчивают вектор эволюции современного мира в целом, они проявляют свою очевидную важность для каждого мыслящего индивидуума в частности. Поэтому исследование техносферы и ее закономерностей является важной задачей не только для философии, но и для всей науки как таковой. В этой статье рассматриваются основные моменты, связанные с формированием техносферы и образованием качественно нового человеческого сообщества – техногенного.

Поскольку понятия «техногенный» и «техносферный» часто смешивают или выводят одно из другого, необходимо уточнить, какого их смыслового наполнения придерживается автор статьи.

Во многих работах термин «техногенный» приравнивается по значению к таким терминам, как «технический», «технологический», «технико-технологический», а также «техносферный», хотя это достаточно самостоятельные понятия, несущие только им свойственную смысловую нагрузку. Так, термин «технический» относится преимущественно к средствам труда – инструментам, машинам, механизмам; «технологический» – к совокупности процессов, осуществляемых в определенной последовательности при помощи техники; «технико-технологический» – применяется для характеристики процессов, являющихся результатом комплексного взаимодействия техники и технологии. Понятие «техносферный» объясняется как «искусственный», характеризующийся совокупностью созданных на основе науки техники, технологии, а также сформированного ими неорганического материально-предметного мира. Однако часто термины «техногенный» и «техносферный» опосредуют привлечением определений «техника» и «технология» и начинают употреблять как слова-синонимы. Автор же не согласен с таким уравниванием и считает, что в условиях роста научно-технического прогресса и ускорения процессов глобализации в современном обществе столь узконаправленная трактовка этих важнейших понятий некорректна.

В данной статье берется во внимание объяснение понятия «техногенный», предложенное Е.А.Дергачевой. «Основу понятия «техногенный», – пишет Е.А.Дергачева, – ...составляет технико-технологическая генетика, то есть совокупность процессов технико-технологического генезиса, или техногенеза.... Генетическим базисом понятия «техногенный» являются техника и технологии, оказывающие воздействие на земную систему, включая социум, биосферу и человека» [4, с.29-30]. Таким образом, основой понимания термина «техногенный» нужно считать его деятельную природу, ведь «генезис» – это *развитие*, а «техногенез» – *процесс* развития техники и технологий, посредством которого они оказывают влияние на социум, биосферу и человека.

Что касается термина «техносфера», то здесь также необходимо показать авторский подход к трактовке этого понятия.

В процессе развития в единой структуре философского знания отдельного направления – философии техники – техносферой стали называть «синтез естественного и искусственного, созданный человеческой деятельностью и поддерживаемый ею для удовлетворения потребностей общества» [7, с.23]. Человек, черпая ресурсы из окружающей среды, при помощи техники, все элементы которой в техносфере соединены определенными связями – технологиями, стал формировать свой собственный предметно-искусственный мир, и этот мир называли техносферой. Анализируя развитие техники, очень четкое определение техносферы предложила доктор

философских наук Н.В.Попкова: «Техносфера – это формирующаяся в результате техногенного развития человечества и составляющая одну из глобальных оболочек Земли системная целостность, охватывающая материальные объекты и процессы, которые появились в результате прямого (целенаправленного) или косвенного изменения человеком биосферы и неживого вещества Земли» [6, с.50-51]. Техносфера предстает современному исследователю как единая суперсистема мирового масштаба, включающая все аспекты современной материально-технической реальности и обуславливающая состояние и вектор развития не только своих элементов, но и всех составляющих человеческого бытия.

Таким образом, автор считает, что техносфера является одной из важнейших частей современной среды обитания человечества и формируется в результате его научно-технической и технико-технологической деятельности. Среда же обитания человека включает не только искусственную составляющую – техносферу, но и, прежде всего, естественную – геосферу, литосферу, гидросферу, атмосферу, т.е. всю биосферу как единое целое. Они, в свою очередь, создают основу существования человеческой составляющей бытия – антропосферы (рис.1).

Пересекаясь в антропосфере, естественные и искусственные элементы среды обитания формируют в каждом отдельно взятом отрезке времени свойственную только этому времени картину мира. Вплоть до начала первых промышленных революций XVIII в. в жизни планеты преобладали естественные составляющие среды обитания: человек жил в относительном равновесии с природой, и искусственные элементы по сравнению с естественными были не столь значительными. Вследствие роста научно-технического прогресса, ускорения процессов урбанизации и глобализации стала активизироваться технико-технологическая деятельность человека, что повлекло за собой нарушение создавшегося равновесия и дало толчок к бурному развитию искусственной составляющей среды обитания, которая к началу XXI в. стала сравнимой по мощности с естественной и получила название техносферы.

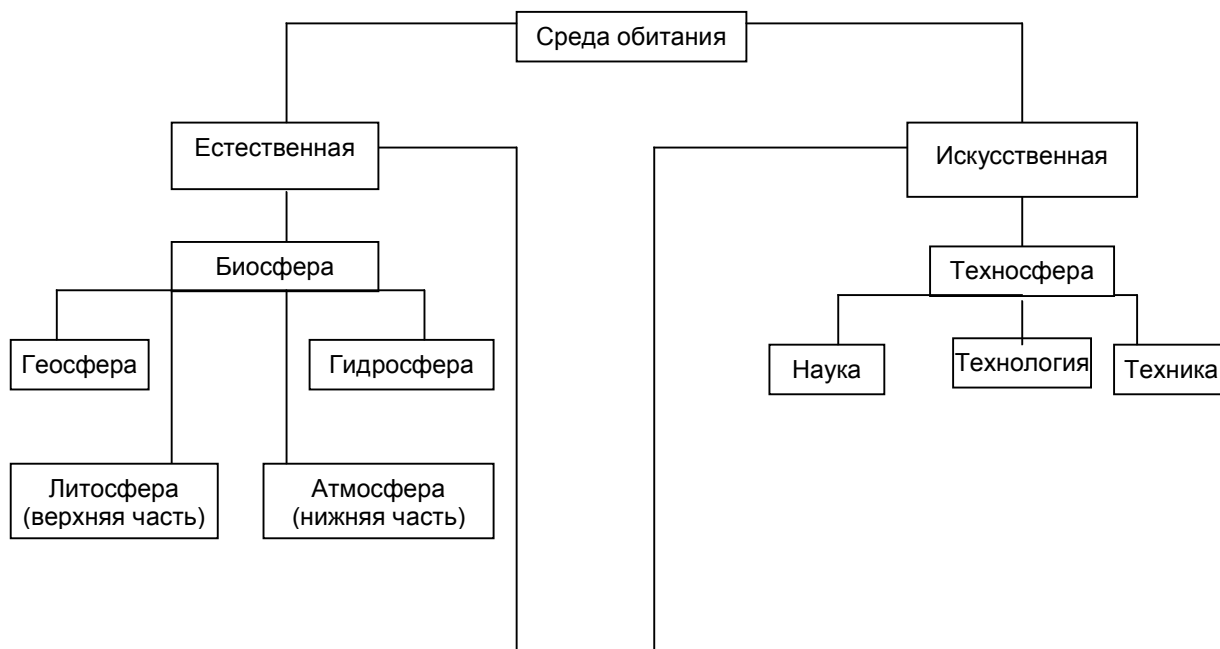

Рис.1

В наши дни техносфера приобретает все большие и большие масштабы, воздействуя на все остальные элементы среды обитания, изменяя их, подчиняя себе или уничтожая; это позволяет говорить о том, что современную среду обитания человечества вполне можно определить как техногенную.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод: термины «техносфера», «техносферный» применимы для определения сущности и характеристик оформившейся к началу XXI в. на планете Земля глобальной искусственной среды, посредством которой происходит взаимодействие человечества с биосферой и которая давно перестала быть малым и незначительным образованием на фоне нетронутой природы. Понятие «техногенный» описывает процессы и раскрывает закономерности превращения так называемой «биосферной» среды обитания человека в «постбиосферную» – техногенную.

Кроме понятийного аппарата, в исследовании техносферы и техногенного общества необходимо правильно выбрать методологию изучения. Особенности современного развития мира дают основания для поиска более совершенной методологии, нежели во многом не оправдавший себя марксистский формационный подход, методологии, которая, по словам В.Т.Лазарева, «отражает реалии исторического развития с учетом индустриализации, научно-технической революции, урбанизации, разрушения биосферы, традиционного образа жизни, генезиса техносферы, ноосферы и других масштабных процессов, получивших обобщенное название глобализации» [5, с.22-23]. Такой методологией может стать теория постиндустриализма, в своих основных понятиях сформулированная в середине XX века рядом западных авторов, такими как Д.Белл, Г.Кан, К.Томинаги, однако переработанная и дополненная отечественными учеными, такими как доктор философских наук А.М Ковалев, доктор экономических наук Ю.В.Яковец и ряд других.

Основой методологии исследования современного общества и техносферы, по мнению автора, может стать социоприродный подход к анализу общественного прогресса, предложенный Э.С.Демиденко [2, с.25-51; 1, с.12-20]. Он убежден, что изучение общественного развития может быть успешным и результативным, если за основу системного изучения взять биосферную метасистему, которая явилась «колыбелью» человечества не только как биологического вида, но и как социального организма, т.е. необходимо исследовать общество и природу в их историческом

социоприродном единстве. По мере развития социума, формирования его научно-производительных сил общество как важнейшая его подсистема не только укрепляется и превращается в метасоциум, но и переподчиняет биосферу и формирует свой «техносферный дом» жизнедеятельности, творит искусственный биомир. В свете такого подхода к изучению интересующих нас вопросов формирование техносферы на фоне техногенного развития общества предстает перед исследователем как ключевой момент в постижении закономерностей эволюции человечества и планеты Земля в целом.

Что же такое техногенное общество, как оно складывалось, и каким образом получилось, что сугубо техническое понимание техносферы переросло в понимание ее как глобальной искусственной среды, объединившей и технику, и человека, и биосферу, и общество?

Одним из первых исследовать предысторию и развитие техногенного общества начал В.С.Степин. Начальными вехами он считает формирование демократии античного полиса и зачатков теоретической науки. Но это, по мнению автора, еще не привело к развитию техногенного общества и формированию техносферы. Понадобилось около двух тысячелетий подготовительной работы. Во времена Античности общество являлось земледельческим, развивалось медленно, и первичные формы техносферы были ограничены возможностями физической энергии человека и одомашненных животных, т.е. являли собой главным образом дома, насыщенные простейшими орудиями труда и другими предметами, необходимыми для жизнедеятельности. По мере роста разнообразия человеческой деятельности, выделения различного рода труда – умственного, ремесленного, торгового, военного и др. - развивались и основные элементы будущей техносферы: техника, технология, наука, - концентрируясь преимущественно в поселениях, а позднее в городах той и последующих эпох. На этом этапе можно отметить зачатки «городской индустрии» в строительстве общественных зданий и разного рода сооружений.

Реальное и непрерывное становление начального этапа в развитии техногенного общества – прединдустриального – началось в середине II тысячелетия на европейской территории, так называемой Лотарингской оси, протянувшейся от Манчестера на севере до Турина на юге. Здесь была сконцентрирована большая часть населения Европы, а также имелись все необходимые ресурсы для успешного развития сельского хозяйства и становления более масштабного промышленного производства. Этот этап захватил эпохи научных и промышленных революций XVI-XVIII вв., которые провели границу между традиционным аграрным и техногенным (постаграрным) обществами и инициировали создание принципиально нового типа среды жизнедеятельности людей – техносферы. Необходимо отметить, что в этот период убыстряется процесс концентрации населения на определенной, четко очерченной территории и в связи с этим рост поселений и городов, которые пока еще слишком незначительны для системного анализа,

однако уже выступают в роли предтечи «городского индустриального бума», являясь первыми проявлениями развивающегося процесса урбанизации.

По мере того как человечество развивает социум и социальные отношения, научно-технические производительные силы, оно не только подчиняет своему развитию биосферно-природный мир, но и творит предметно-искусственный. В биосфере появляется новое образование - созданная человечеством искусственная среда жизнедеятельности, которая приобретает все более глобальный характер и проявляет тенденцию к замещению значительных частей самой биосферы.

Промышленная революция XVIII в. положила начало интенсивному развитию индустриализации (что впоследствии приведет к формированию на рубеже XIX-XX вв. индустриального общества). В это время в Европе утверждается принцип научной рациональности, возникает новый системный взгляд на природу как на неограниченный источник для преобразований, развиваются техника и технологии благодаря систематическому применению в производстве научных знаний, закладываются основы капиталистических отношений, т.е. определяются основные условия технико-технологического и социального прогресса будущего техногенного общества. Здесь уже процесс урбанизации прослеживается четче, становится взаимосвязанным с процессом индустриализации и оказывает более значительное влияние на формирование техносферы, чем раньше. Каким же образом?

Для ответа на этот вопрос необходимо дать определение урбанизации как таковой. «Урбанизация, – пишет известный социолог-урбанист Э.С.Демиденко, – представляет собой всемирно-исторический процесс интенсивной территориально-городской концентрации несельскохозяйственных видов деятельности и населения, социальный механизм формирования и развития постземледельческих форм жизнедеятельности людей и перехода традиционного общества к качественно новому своему типу – техногенному» [3]. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что урбанизация является процессом не только глобализации (поскольку характеризуется нарастающим социальным развитием человечества, становлением новых, городских форм расселения и распространением на периферию городских отношений), но и техносферизации, так как именно посредством развития крупных городов в совокупности с все большим внедрением достижений наукотехники в общественную жизнь осуществляется исторический прогресс – глобальный переход от естественной, биосферной формы жизни к постбиосферной, техногенной. Таким образом, урбанизация в совокупности с ростом промышленности и развитием наукотехники является своего рода базисом для формирования как индустриального, так и постиндустриального общества, а на их основе – техногенного, основным элементом которого является развитая техносфера.

Итак, с началом эпохи промышленной революции процесс урбанизации все более активизировался наряду с все более широким внедрением в

производство различных машин. Машинная техника явилась основой индустриальной экономики и становления принципиально новых производительных сил, кадры для которых, в свою очередь, давал город, аккумулирующий в себе все большее количество людей. Индустриализация общества значительно увеличила объемы хозяйственных ресурсов, усложнила технологию и экономические отношения. Технические возможности и быстро расширяющиеся социальные потребности взаимно усиливали друг друга, началось целенаправленное формирование техносферы.

Следующий этап становления техносферы пришелся на конец XIX – начало XX вв. и имел характер машинно-технической революции. Он отличался динамичными и более комплексными по сравнению с XVIII в. процессами индустриализации, созданием крупного машинного производства и развитием многоотраслевой структуры промышленности. В этот период раскрыла себя наука, показав свои потенциальные возможности для дальнейшего развития производственных сил. Общество окончательно приобрело черты индустриального. Благодаря активному совершенствованию научно-технической базы стало возможным небывалое увеличение темпов промышленного роста и на его основе общественного развития в целом. В социологии и экономике выделилось понятие массового производства, стал применяться конвейерный способ, который значительно увеличил степень удовлетворения человеческих потребностей. Как отмечает Е.А.Дергачева, «в первой половине XX века рост производства происходил за счет увеличения энерго- и капиталовооруженности труда, загрязнения природной среды, наращивания объемов производимой продукции, более высоких темпов развития промышленности по сравнению со сферой услуг» [4, с.64-65]. Создаваемая техносфера оформилась как совокупность технико-технологических и других техногенных объектов, и впервые перед человечеством встала проблема ее обратного воздействия на социоприродную среду.

Период машинно-технического роста подготовил следующий этап в развитии общества, пришедшийся на вторую половину XX в. и взявший свое начало в научно-технической, или информационной, революции. Этот этап получил название постиндустриального. Для него характерны ускоренное внедрение в технико-технологические процессы и промышленность достижений и разработок научной мысли, быстрое массовое освоение и распространение новых устройств и информационных технологий, повсеместно проводимая замена машин автоматами, что повлекло за собой вытеснение человека из сферы непосредственного материального производства. Динамично сокращается индустриальный сектор, повышается роль наукоемких, информационных отраслей производства. Индустриальная промышленность, вооруженная массовым способом производства, удовлетворила значительную часть запросов потребителя, что в совокупности с перечисленными явлениями дало толчок к формированию нового вида жизнедеятельности, основывающегося на развитии и реализации человеческих способностей в

трудовом процессе. В системе техносферы формируется информационная подсистема, в которой новым ресурсом становятся знания и информация, замещающие затраты на материальные ресурсы.

Данные процессы происходят не везде одинаково, большинство стран находятся в самом начале индустриализации, однако в ряде государств, таких как США или Япония, постиндустриальные общественные системы уже интенсивно развиваются.

Как индустриальное, так и постиндустриальное общества имеют ряд общих техногенных свойств, а также единую индустриально-техносферную основу. Оба они характеризуются не только технико-индустриальным развитием, но и схожим техногенным состоянием – динамично увеличивающимся и всепроницающим воздействием наукотехники и техносферы на социум, природу и человека. Исходя из такой общности свойств, достаточно логичным кажется объединить оба этих понятия в одно – «техногенное общество».

Определение техногенного общества формулирует в своей монографии Е.А.Дергачева. По ее убеждению, техногенное общество представляет собой «общество, развитие которого осуществляется преимущественно на основе наукотехники и создаваемой ею предельно урбанизированной среды – техносферы, которые, взаимодействуя с социумом и биосферой, подчиняют, трансформируют, а порой и разрушают их» [4, с.35]. Очевидно, что основной характеристикой техногенного общества является глобальная роль предельно урбанизированной, техносферизированной жизнедеятельности людей. С одной стороны, техногенное общество формирует новый, урбанистический образ жизни, с другой – существование людей в динамично изменяющейся техногенной среде города определяет процессы и факторы, ускоряющие техносферизацию общественной жизни.

Современная техносфера развивается как достаточно самостоятельная инфраиндустрия, которая различными технологическими связями объединяет практически все сферы человеческой жизнедеятельности, включая науку, производство, сферу быта, а также социально-культурную область общественного бытия. Как целостную глобальную систему ее можно представить в следующем виде. Основой формирования техносферы являются техника и технология, которые в совокупности с профессионально образованными человеческими кадрами составляют современные производительные силы. Производительные силы концентрируются в мегаполисах, городских агломерациях, которые, в свою очередь, являются базисом для крупных территориально-промышленных комплексов: индустриальных, строительных, энергетических, агропромышленных, добывающих и др. Важным элементом техносферы являются различные объекты сельскохозяйственных и промышленных предприятий вместе с их технической инфраструктурой. Здания и сооружения любого назначения, различного рода техническая среда, в значительной степени влияющая на все процессы жизнедеятельности, транспортные коммуникации, объединяющие

разрозненные объекты техносферы, также играют немаловажную роль в генезисе последней. На микроуровне техносферу составляют различные электромагнитные поля, химические вещества промышленного и любого другого небиосферного происхождения, а также весь предметный мир, включающий все созданное руками человека. Отдельным элементом техносферы, в настоящее время привлекающим к себе все большее внимание общественности, являются отходы различных форм жизнедеятельности населения: производства, сферы услуг, быта и др.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о той глобальной роли, которую играет техносфера в современном социоприродном развитии. Облегчая людям существование посредством удовлетворения их потребностей, техносфера одновременно и подавляет многие биологические и даже нравственные и культурные в целом стороны жизни нынешнего человека, подвергая их техногенным изменениям. Это определяет неоднозначную оценку роли техносферы в современном мире. С одной стороны, она выступает как позитивный фактор развития общества: уменьшилась изначальная зависимость человечества от естественных условий среды обитания; по сравнению с традиционным в техногенном обществе значительно увеличилась продолжительность жизни; техногенный рост дал промышленно развитым регионам относительную защищенность от неконтролируемых природных катаклизмов благодаря возможности их прогнозирования, позволяющей вовремя к ним подготовиться; средний уровень жизни в таких странах позволил удовлетворить насущные нужды населения. С другой стороны, динамично развивая техносферу, человек разрушает основу собственного биологического существования – биосферу, замещая многие природные ее пространства техногенными. Все более заметен дисбаланс между социальными качествами и биологическими свойствами человека, причем вторые явно деградируют: слабеет иммунная защита организма, увеличивается количество мутаций на генном уровне, нарушается психическая стабильность человека. Кроме того, безудержный рост НТП и на его основе мегаполисов изменяет саму естественную структуру биосферы, нарушая энергетический баланс планеты, сложившийся круговорот веществ, сокращая численность популяций животных вследствие уничтожения естественной среды их обитания: вырубки лесов, загрязнения гидросферы и атмосферы вредными выбросами и отходами и т. п.

Одним из факторов негативного воздействия техносферизации на человечество стали изменения в социокультурной области жизни общества. Некоторые мыслители отождествляют технические достижения с культурным и духовным расцветом, однако многие другие, например А.Швейцер, считают, что налицо явные процессы дегуманизации как самой техносферы, так и других областей общественного бытия. Современный человек ищет не познания и развития, но преимущественно развлечений; все большее удовлетворение материальных потребностей сопровождается духовной деградацией; наука во многом лишилась высоких духовных ценностей и часто

становится орудием производства, где превалируют частнособственнический эгоизм и узкая специализация, не учитываются социальные и экологические интересы. Сам человек, все более развивая свои социальные качества, подпадает под власть им же созданных социальных институтов и превращается в несвободное, несамостоятельное, бездумное, а главное, негуманное существо [8, с.42-76].

Также необходимо отметить, что, приобретая черты целостной надбиосферной суперсистемы, техносфера вырабатывает собственную логику развития, которая делает ее относительно независимой не только от внешней природы, но и от породившего ее человечества. Формируется же такое саморазвитие под влиянием целого ряда факторов, наиболее важными из которых являются сознательная техногенная деятельность человека; изменения свойств естественной среды обитания человека под воздействием его техногенной деятельности, которые ведут к необходимости привлечения технического инструментария для обеспечения не только дальнейшего производства, но и жизни в целом; а также собственные закономерности развития социокультурных систем, включающих техногенные объекты в процессе своего функционирования. Если первые две группы факторов поддаются сознательному анализу и деятельностиному контролю людей, то последняя группа находится вне такого контроля, что придает процессу техносферизации элемент неуправляемости. Таким образом, допуская определенную способность техносферы к саморегуляции, человечество тем не менее не может пока выйти на уровень практических решений задач по глобальному контролю над ней. Это важный момент, поскольку неконтролируемый техногенный рост грозит уже в течение ближайшего столетия привести к необратимым изменениям биосферных параметров, что ставит под угрозу само существование человечества как биологического вида. Поэтому одной из важнейших задач современной социальной философии становится поиск новой программы действий, глобально ориентированной на преодоление неограниченного и неконтролируемого роста техносферизации общества и планеты в целом, преодоление эволюционного экологического кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демиденко, Э.С. О методологии прогнозирования социоприродного развития / Э.С. Демиденко // Проблемы современного антропосоциального познания. - Вып. 3. – Брянск, 2005.
2. Демиденко, Э.С. Общество: Техногенный и социоприродный аспекты развития / Э.С. Демиденко // Ноосферное восхождение земной жизни – М., 2003.
3. Демиденко, Э.С. Урбанизация: концепция и политика городского развития / Э.С. Демиденко. – М., 1992.
4. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности / Е.А. Дергачева. – Брянск, 2005.
5. Лазарев, В.Т. Аграрная политика и трансформация российского села в XX столетии / В.Т. Лазарев. – Самара, 2001.
6. Попкова, Н.В. Техногенное развитие и техносферизация планеты / Н.В. Попкова. – М., 2004.
7. Симоненко, О.Д. Сотворение техносферы: проблемное осмысление истории техники / О.Д. Симоненко. – М., 1994.
8. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. – М., 1973.

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В СВЕТЕ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Без антропологического принципа, лежащего в основе правовых санкций, – свободы воли – невозможно вменять человеку его деяния. Христианское вероучение считает свободу фундаментальной характеристикой человека, присутствующим в человеке образом Божиим. Св. Иоанн Дамаскин говорит: «Бог Своими руками творит человека... как по образу своему, так и по подобию: тело образовав из земли, душу же, одаренную разумом и умом, дав ему посредством Своего вдунувания, что именно, конечно, мы и называем божественным образом, ибо выражение: *по образу* – обозначает разумное и одаренное свободною волею» [4, с.151]. И далее: «Ради самой себя избираемая, то есть, разумная и свободная жизнь, и составляющая наш человеческий вид, есть первое и единственное, и истинное действие [в нас] природы» [4, с.174].

Поскольку воля человека свободна, он несет ответственность за свои поступки и подлежит наказанию за совершенные преступления. Однако цели и смысл наказания, в частности уголовного, могут трактоваться по-разному. Уголовный кодекс России в качестве целей уголовного наказания называет: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осужденного; 3) предупреждение совершения новых преступлений. Этот перечень внутренне противоречив, содержит потенциальные коллизии, поскольку включает цели наказания, которые обосновываются двумя принципиально разными философскими дискурсами.

Восстановление справедливости предполагает, что наказание, прежде всего, выступает как *кара* за совершенное преступление, *искупление* страданиями преступника того вреда и тех страданий, которые сам преступник навлек на других. Такое понимание смысла уголовного наказания развивается в рамках философско-правовой концепции, получившей название «*ретрибутивизм*». Ретрибутивизм (от англ. retribution – воздаяние) – учение о том, что наказание – это необходимое следствие преступления, восстановление справедливости, социальной гармонии. Преступление автоматически должно влечь за собой наказание, не может быть преступления без наказания, иначе будет попорана справедливость.

В Новое время крупнейшим выразителем ретрибутивизма в философии права был Кант. Свою концепцию наказания он построил на известном *категорическом императиве*. Этот моральный закон предполагает, что человек должен относиться «...к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда... только как к средству» [2, с.206]. Если мы наказываем преступника, чтобы обеспечить собственную безопасность, – мы видим в нем средство, а не цель, т.е. поступаем безнравственно. Если мы стремимся перевоспитать, исправить преступника, – мы нарушаем его право

как разумного и свободного существа самому выбирать, каким ему быть. Это тоже безнравственно. «Наказание...никогда не может быть для самого преступника или для гражданского общества вообще только средством содействия какому-то другому благу... ведь с человеком никогда нельзя обращаться лишь как с средством достижения цели другого...» [2, с.712]. Морально оправданным будет видеть в преступнике самоценную цель, а не средство для достижения наших собственных целей. Но именно на этом-то и может быть основано наказание преступника.

Исходная формулировка категорического императива гласит: «Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать *всеобщим законом природы*» [2, с.197]. Разумный человек поступает всегда так, что его действия субъективно носят характер всеобщего закона, применимого и к нему самому. Проще говоря, поступая определённым образом в отношении других, человек тем самым утверждает, что так же нужно поступать и по отношению к нему самому. Если человек совершает зло в отношении других, то, уважая его свободный выбор, мы должны совершить равноценное зло в отношении него самого. Отсюда следует, что основной принцип наказания – *принцип равенства*: «...зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому...ты причиняешь и самому себе» [2, с.713]. Поэтому, в частности, убийство должно караться смертной казнью.

Из кантовского ретрибутивизма, связывающего наказание с преступлением как свободным действием разумного существа, вытекает очень важный для уголовного права *принцип вины*: наказание может быть следствием лишь субъективного вменения. Невольное причинение вреда не может наказываться. Из ретрибутивистской концепции наказания следует, что наказание может быть применено только к виновному в преступлении, а также, что человек не может быть наказан за одно преступление дважды.

Главной альтернативой ретрибутивизму в области теории наказания всегда был *утилитаризм*. Именно утилитаристскими по своей сути являются такие цели уголовного наказания, как исправление преступника и предотвращение новых преступлений. Крупнейшими представителями утилитаризма в философии права были Беккариа, Бентам и Милль. Логика утилитаризма такова. Принуждение, даже осуществляемое государством на основе права, навлекает на людей страдания и может быть оправдано, только если оно позволяет избежать еще больших страданий. Наказания оправданы с утилитарной точки зрения в той мере, в какой они позволяют предотвращать преступления. Наказание может быть полезным, если имеет целью предотвращение *следствий* преступления, т. е. ряда беспорядков, которые преступление может инициировать. Если ретрибутивистские соображения обращены в *прошлом*, к самому преступлению, то утилитаристские – в *будущее*, к его последствиям.

Влияние преступления не обязательно прямо пропорционально его жестокости. Поэтому не следует искать качественной зависимости между преступлением и наказанием, их равенства в жестокости. «Могут ли вопли

несчастливого пытаемого вернуть из глубин безвозвратно ушедшего уже совершенного деяние?» - говорил в XVIII в. итальянский юрист Беккариа, выступавший с позиций утилитаризма [6, с.135]. Надо рассчитывать наказание, памятуя о возможном повторении преступления, а не в зависимости от его характера. Надо добиваться того, чтобы у злоумышленника, а также у любого другого человека не возникло желания повторить преступление. По мнению Беккариа, «для достижения цели наказания достаточно, чтобы причиняемое им зло превышало выгоду, которую виновный мог бы извлечь из преступления» [6, с.137].

Наказание должно учитывать глубинную природу самого преступника, возможную степень его порочности, внутреннее качество его воли. Возникает необходимость *индивидуализации* наказания в соответствии с особым характером каждого преступника. Благодаря утилитаризму понятие рецидива становится характеристикой самого преступника, способной изменить вынесенный приговор. Под влиянием утилитаристских же соображений формируется понятие преступления «по страсти» – невольного, непредумышленного преступления, связанного с исключительными обстоятельствами, которые, хотя и не извиняют его вполне (в отличие от безумия), все же не позволяют считать его обычным преступлением.

Итак, с точки зрения утилитаризма наказание оправдано, поскольку оно предотвращает преступления, во-первых, *создавая стимул* их не совершать (человек знает, что будет наказан за преступление и не хочет этого) и, во-вторых, помогая *исправить*, перевоспитать преступника. Для этой цели в процессе наказания преступнику должна быть оказана психологическая помощь, дана возможность получить образование, профессию и т.д. Под влиянием этой теории в XX в. стали часто говорить не о наказании, а об исправлении преступников, появился термин *исправительные учреждения*. Институты, ведающие исполнением наказаний, называют *пенитенциарными* (от лат. *poenitentarius* - покаянный, исправительный). Соображения общественной пользы могут потребовать таких немыслимых с точки зрения ретрибутивизма мер, как *условное наказание, освобождение от ответственности, смягчение наказания, амнистия и помилование*.

Какой же из двух дискурсов – ретрибутивистский или утилитаристский - более соответствует христианскому учению о человеке, целях и смысле его существования? На первый взгляд это ретрибутивизм. Во-первых, считается, что христианская этика далека от всякого утилитаризма, так как целью человека должен быть не поиск выгод, а «бескорыстное алкание и жаждание правды, как высшего закона, которому он и приносит в жертву свое бытие» [5, с.10]. Во-вторых, Библия прямо говорит о воздаянии, которое человек получает от Бога за свои дела. О воздаянии говорит Моисеев закон: «У Меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их»; «Заповедую тебе сегодня, любить Господа Бога твоего, ходить по путям Его и исполнять заповеди Его и постановления Его и законы Его... если же отвратится сердце твое, и не будешь слушать... то я возвещаю вам сегодня, что вы погибнете и не

пробудете долго на земле...». О воздаянии говорят пророки: «Вот, Господь Бог грядет с силою, и мышца Его со властью. Вот, награда Его с Ним и воздаяние Его пред лицом Его»; «Вот Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие»; «Как ты поступал, так поступлено будет и с тобою; воздаяние твое обратится на голову твою»; «По путям твоим воздам тебе, и мерзости твои с тобою будут; и узнаете, что Я Господь каратель». Воздаяние за преступления должно исходить не только непосредственно от Бога, но и от людей по велению Бога. На этом основано знаменитое библейское право возмездия (*ius talionis*): «око за око, зуб за зуб», которое справедливо считают древнейшим выражением ретрибутивизма.

Такой взгляд на вещи получил особенное распространение в западном христианстве. Необходимость возмездия за всякий грех понималась в католицизме как следствие Божьего правосудия. В результате возникало противоречие между Божественной любовью и правосудием. По этому поводу еще Тертуллиан говорил: «С тех пор как зло вошло в мир и как благодать Божия была оскорблена, правосудие Его стало управлять Его благодатью. Оно предоставило благодать достойным, отказала в ней недостойным, отняло ее у неблагодарных и отмстило за нее врагам ее» [5, с.65]. Это противоречие между любовью и правосудием, между справедливостью и милосердием разрешается в католическом богословии с помощью специфической – так называемой «юридической» - доктрины искупления [5], а также учения о чистилище.

Однако ретрибутивистское понимание наказания можно встретить и в трудах православных ученых. Так, один современный автор пишет: «Право есть осознанное людьми проявление единого божественного закона мироздания в социальной и политической сфере. Основополагающий принцип права: «Не делай другому того, что не желаешь себе». И потому, если человек совершил против другого некий несправедливый поступок, то ущерб, нанесенный целостности божественного миропорядка, может быть восполнен через страдание преступника, соответствующее тому страданию, на которое тот обрек свою жертву» [1, с.381]. Представляется, что данный вывод нелогичен и неправилен по существу. Каким образом ущерб, нанесенный целостности божественного миропорядка, может быть восполнен страданиями преступника? Неужели умножение страданий в мире может вернуть мир к изначальной, неповрежденной грехом гармонии? Разве казнь убийцы воскресит убитого? А без этого о каком же восстановлении целостности божественного миропорядка можно говорить? В случае преступления отнюдь не действует правило «нулевой суммы»: отнимая счастье у преступника, мы не возвращаем счастье жертве.

При детальном анализе библейских текстов нельзя не заметить следующее обстоятельство. Подавляющее большинство имеющихся в Писании упоминаний о воздаянии и отмщении относятся к Ветхому завету. В Новом же завете об отмщении говорится главным образом в ветхозаветных цитатах, а под воздаянием понимается в большинстве случаев не наказание, а награда. В связи с этим уместно вспомнить, что в христианской традиции

Ветхий завет рассматривается не как выражение высшей и окончательной истины, а лишь как «детоводитель ко Христу». Иначе говоря, значение ветхозаветных наставлений по преимуществу педагогическое, они призваны не столько раскрыть истину, сколько подготовить падшего человека к восприятию христианской Истины. Этой цели посвящено, в частности, и библейское учение о воздаянии как, во-первых, награде праведникам, «ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает», а во-вторых, как наказании грешников. Будущий Патриарх Московский Сергей в своем известном богословском труде писал: «Цель Слова Божия не уможнение, а наставление, и притом грешников. Не удивительно, поэтому, если в Слове Божиим мы находим только намеки, только следы того понятия о возмездии, которое отвечало бы вполне существу христианства...» [5, с.121].

Новозаветные заповеди не противоречат ветхозаветным, но углубляют и превосходят их. Поэтому следование во всем ветхозаветному закону уже не обязательно для христианина. «По пришествии же веры, мы уже не под [руководством] детоводителя». В частности, ветхозаветное право возмездия потеряло свою силу для христиан. В Нагорной проповеди Христос говорит: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». Воздаяние в смысле «осуществления справедливости», «восстановления гармонии», «восполнения ущерба, нанесенного божественному миропорядку» запрещено христианам. Это подтверждают и апостолы: «Не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение»; «никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками».

Это не значит, конечно же, что христианство вступает на путь анархического отрицания принудительных правовых норм и необходимых для их обеспечения наказаний. Апостол Павел говорит, что начальник «есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим.13:4). Хотя здесь и имеется слово «отмститель», но в свете приведенного ранее высказывания того же апостола, прямо запрещающего воздаяние злом за зло, очевидно, что смысл наказания, налагаемого властями, должен состоять не в возмездии как «восстановлении справедливости».

Христианский смысл наказания Павел раскрывает в другом своем послании: «Не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?.. Притом, [если] мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить? Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей - для

пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности». Мы видим здесь самый настоящий утилитарный подход к наказанию: наказание обращено не в прошлое, к попорченной справедливости, а в будущее – к своим последствиям. Цель его одна – исправление и воспитание человека.

Пожалуй, наиболее отчетливо утилитарный смысл наказания выразил св. Исаак Сирий в своей беседе «О Божественных тайнах и о духовной жизни». Он говорит: «Где любовь, там нет возмездия; а где возмездие, там нет любви. Любовь, когда совершает добрые дела или исправляет прошлые поступки, не воздаст тем самым за дела прошлого. Но заботится она о том, что наиболее полезно в будущем: она исследует грядущее, а не прошедшее... Хотя и [говорится] о ярости, гневе, ненависти и прочем применительно к Создателю, мы не должны представлять, что Он также и делает что-либо из гнева, ненависти или зависти. Многие образы употреблены в божественных Писаниях по отношению к Богу, которые весьма далеки от естества Его». И далее: «Он [Бог] ничего [не делает] ради возмездия, но взирает на пользу, которая должна произойти от Его [действий]» [3, с.78].

Справедливо указывают на то, что христианское обоснование *права* не может быть утилитарным. Утилитаризм считает главным критерием оценки явлений человеческое счастье. Право должно существовать, поскольку оно полезно человеку, увеличивает его счастье. С точки зрения христианства «...жизненная цель человека не самоуслаждение, не личное счастье, а святость ради Святого Господа» [5, с.156]. Поэтому и право в христианской традиции обосновывается не его практической полезностью, а *достоинством человека* как носителя образа Божьего. Однако хотя утилитаризм неприемлем для обоснования *права*, все же *наказание*, по мнению автора, только и может быть обосновано утилитарно в свете христианского вероучения. Дело в том, что наказание не «симметрично» праву. Если право обусловлено достоинством человека, которое от него неотъемлемо и принадлежит самому замыслу Бога о человеке, то наказание – это лишь временное зло, становящееся неизбежным только вследствие греховности человеческой природы, которая рано или поздно должна быть преодолена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубов, А. Религиозно-нравственные основания права (опыт христианского дискурса) / А. Зубов // Православное учение о человеке. Избранные статьи. – М.; Клин, 2004.
2. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. – М., 1999.
3. Осипов, А.И. Посмертная жизнь души. Беседы современного богослова / А.И.Осипов. – М., 2005.
4. Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры / Св. Иоанн Дамаскин. – М., 1998.
5. Сергей Страгородский (архиепископ). Православное учение о спасении / архиепископ Сергей Страгородский. – М., 1991.

6. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М., 1999.

В.М. СКОРОДУМОВ

ТВОРЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Все новое всегда тяжело пробивается. Общество, застыв обычно в традиционных формах жизнедеятельности, не торопится выпускать кого-то из его членов вовне этих форм. Традиции задают рамки оценки мира и оценки людей в мире. Испокон веку отступников жестоко судили, исключали из общности, казнили.

Так, в средние века их именовали пособниками дьявола, т.е. носителями негативной разрушительной силы. Разрушительной для основания общественного здания, так как провозглашались идеи, идущие вразрез с фундаментальными традиционными представлениями о мире. Общество всегда находило удобную формулировку для того, чтобы «разрушительные», колеблющие основание социального здания импульсы были погашены.

Приобщение к опыту предшествующих веков, безусловно, необходимо подрастающему поколению. Но часто социум пытается игнорировать творческие послы детей и затем уже молодых людей, пытается формально приучить маленьких *людей* жить и действовать по навязываемым схемам, может быть и верным принципам социального существования, но ошибочным с точки зрения *индивидуального пути* творческого развития человека.

Основываясь на выработанных способах передачи опыта, представляющих собой цепь последовательных наставлений, общество не всегда динамично движется вперед. Не так уж и редки застойные явления, когда груз традиций сдерживает прогресс.

Безусловно, общество состоит из подчас абсолютно разных людей, интересы и устремления которых несовместимы и даже часто противоположны. Но система норм и запретов, призванная охранять человеческую «самость», оказалась сдерживающим фактором для гармоничного творческого развития личности.

Примером может быть формирование в первую очередь на Западе феномена «массовой культуры», т.е. типизированной, упрощенной до примитивного уровня понимания. Это дало толчок к разного рода молодежным движениям, раскачивающим систему до тех пор, пока она не принимала соответствующие требования.

В то же время на Западе формализация протеста против стереотипов массовой культуры была сведена к изощренной системе способов прожигания жизни (а по сути, творческой энергии) молодым поколением.

Протесты обычно гасятся, но проблема остается нерешенной.

Наука формирует картину реальности перед глазами современного ей человека. Эта версия мироздания обозначается как «общепринятая».

С одной стороны, это тормозит инновации, потому что всему новому все сложнее становится пробиться через заслон классического (традиционного, принятого в жизни и науке) миропонимания. С другой стороны, это позволяет оправданно формировать багаж опыта земной цивилизации, не допуская в философию и науку случайные и ложные послы и идеи.

Можно согласиться с тем, что «сова Минервы вылетает в полночь».

Есть природный мир, законы которого пока до конца понять человек не способен. Поэтому, желая выжить на планете Земля, всю свою историю человек выстраивал мир социальный, упрощенный до уровня понимания того времени, которому он соответствует (рис.2). Построив систему координат, можно наносить в ней точки и затем, если потребуется, достаточно точно определять их координаты.

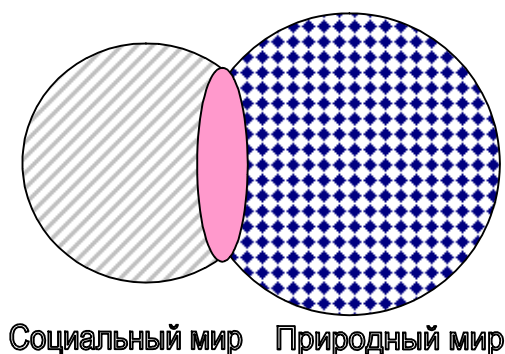

Рис.2.

Но в тех точках, которые находятся как бы в области пересечения 2-х миров, а также в особенности в области природного мира, не удастся и не удастся установить никаких координат, ибо у них нет привязки во времени и пространстве. Они как бы свободно парят, равнодушно взирая на попытки людей их определить. Как только человек переходит из области чисто социальной в перекрестную или область сугубо природного мира, вероятность что-либо понять падает достаточно низко, хотя и не до нуля. Поэтому общество (любое) основано на традициях. Только принимая какие-то устои, можно надстраивать общественное здание дальше. Но в моменты контакта не с искусственной реальностью, а с природным миром человек все чаще и чаще понимает, что мало знает о нем.

Разные учения описывают одно и то же событие, явление разными словами. Причем часто *теория* подстраивается под *реальные* события, описывая словами реальность *так*, как выгодно данной теории. Но суть от этого не меняется. Это - только модель. Плохая или хорошая - не важно. Это форма,

отражающая всеобщее содержание или часть его в зависимости от масштаба выдвигаемой концепции.

Нечасто, но рождаются люди, задающие вопросы, на которые не находится ответа в стандартизированном знании их современников. Назовем таких людей *творцами*. Силами этих людей и происходит выход за пределы сформированного мира, осязаемой реальности - человечество выходит на новый виток своего развития.

Находясь только в орбите традиционных представлений о мире, человек не движет знание вперед, а только дополняет своеобразную библиотеку современных ему знаний. По меткому замечанию Пола Фейерабенда, часто великие открытия совершаются дилетантами. Это и понятно. Войди они в существующую систему координат науки или философии, они бы ничего не сделали, повторяя только лишь предшественников, систематизируя полученные знания.

Детство и детский возраст поэтизируются творческими людьми. Дети верят в то, во что хотят верить, а не в то, во что им предписано. Их разум свободен от авторитетов. Это состояние и нужно воспроизвести человеку, чтобы стать по-настоящему свободным. Дети не боятся экспериментировать и абсолютно свободны в творческом самовыражении, если и не по форме, принятой в социуме (согласно эстетическим нормам), то по содержанию. Во взрослом возрасте у человека есть преимущество в том, что он может выбирать направление движения. Дети - стихийные творцы. Но творцы. Мудрость приходит с опытом. Но преклонный возраст еще не признак человеческой мудрости. Еще Ф.Бэкон замечал: «Нельзя преклоняться перед авторами, если думаешь превзойти их; а те же люди, которые что-то исправляют, но мало продвигают вперед науку, не достигают ни в чем совершенства» [4, с.5].

Каждый человек волен распоряжаться своей жизнью, чтобы сотворить свой мир, а вместо этого многие прожигают жизнь в вихре удовольствий, далеких от вдохновенного творчества. Рутинка убивает жизнь. И дело тут не только в пресловутом разнообразии, бегстве от обыденности. Интуитивно человек всегда ощущает нехватку свободы для разбега, для акта воли, воплощенного в выходе за грань жизни, отраженной в культуре и запечатленной на века в многочисленных томах.

Л.Фейербах в работе «Вопрос о бессмертии с точки зрения антропологии» пишет: «То, что живет, должно жить, должно радоваться своей жизни. Радость жизни есть беспрепятственное выражение жизненной силы».

Человек - принципиально иная форма жизни, нежели растения и животные. Законы живой природы в полной мере к нему неприменимы. Природа человека не только биологична, но и в еще большей мере социальна. Ибо длительный период духовной эволюции человечество прошло в рамках социальной организации. Здесь речь идет об эволюции каждого отдельного человека, разделяющего в той или иной степени социальные интенции своей эпохи.

Почему жена Геринга убила своих детей? Почему многие матери фактически приносят детей в жертву ради собственного благополучия и выживания?

И почему есть примеры материнства, которые сродни самопожертвованию аскета, когда мать отдает всю себя детям без остатка? Можно ли говорить о пресловутом «материнском инстинкте»? Ведь если это биология, то такой инстинкт должен быть у всех.

Но дело в том, что человек – надбиологическое существо.

Человек принимает решения, руководствуясь свободной волей и выбирая между эгоизмом или альтруизмом.

Человека определяют не заложенные задатки, качества и прочее, а только его выбор в жизни. Людей нельзя сравнивать, ибо все они уникальны. Никакая мораль, никакие законы, никакие правила не могут помочь человеку найти выход из определенной ситуации. Согласно экзистенциальной философии, человек есть всего лишь проект, который реализуется в процессе жизни, изначально у человека нет сущности. Эти положения находят замечательное обоснование в работе Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» [3, с.328-331]. Философ замечает: «Никакая всеобщая мораль вам не укажет, что нужно делать» [3, с.330]. Пример, приведенный в работе, и вовсе уникален. Речь идет о молодом человеке, живущем во Франции периода нацистской оккупации. Перед ним стоит выбор: или влиться в движение сопротивления, или остаться с матерью. Если молодой человек решит прибегнуть к какой-либо из этических систем прошлого или воспользоваться, к примеру, категорическим императивом Канта, то в любом случае выполнить требование - рассматривать человека как цель, а не как средство - не удастся. Ведь кто-то все равно будет «средством»: или мать, или участники движения сопротивления. Все решит *выбор*, который сделает молодой человек.

Каждый творческий человек должен пройти свой путь в обретении мудрости от начала и до конца *сам*. Этот путь мудрости не заключается просто в усвоении мыслей предшественников. К ним всегда можно обратиться (но только, если возникнет потребность в этом). Это путь вдохновенной и уникальной, неповторимой личности, путь творца.

Интуитивно человек ощущает, что все «приедается». А «приедается» чаще всего то, что противно самой человеческой природе. Человек-творец чувствует тревогу наподобие «экзистенциальной тоски». Быт не затягивает человека вопреки бытующему же мнению. Это человек позволяет ему опутать себя. Попав в такие условия, он ощущает неловкость и сомнение, одолевающий груз проблем. Под действием всех этих разрушающих сил человек теряет ориентацию в своем собственном мире, но не в мире культуры. Там он «прикован» жестко и крепко. Дезориентация в пространстве и во времени дополняется грузом противоречий, сваливающихся на его голову каждый день. Находясь в таком «лабиринте», человек спотыкаясь идет по нему, часто не замечая сигнальных огней судьбы, думая только о выживании. Но и из этого «лабиринта» выбраться можно.

Как разные мнения и взгляды имеют право на существование?

Очень просто. Человек сам выбирает то мнение, те взгляды, которых он будет придерживаться. Так, первое мнение состоит в необходимости усвоить

весь опыт предшественников и только тогда идти дальше, второе - в необходимости пройти весь путь от начала и до конца самому.

Выбор первого пути рождает патриархов и авторитетов существующей парадигмы. Выбор второго – бунтарей, революционеров, которым претит размеренная жизнь, рутина повседневного однообразного труда, штампованные операции изо дня в день, и, главное, они все время рвутся за грань реальности видимого и открытого мира. Великий И. Ньютон называл себя мальчиком, сидящим на берегу океана непознанного, тайн и загадок мира. Но он всю свою жизнь форсировал этот океан, возвращаясь обогащенным новыми открытиями. Это путь вдохновенного творца, осознающего загадочность мира и бесконечность пути к истине, но стремящегося совершить прорыв как можно дальше по этому пути.

Можно всегда различить, что сотворено вдохновенно, а что додумано на базе прозрения (как цепочка вагонов, которая без активного начала, например тепловоза, далеко не уедет).

Есть точка зрения, что человек уже совершенен, что он не меняется. Но обратим внимание на взросление ребенка. Разве это не процесс совершенствования? Из ребенка (который, как замечали экзистенциалисты, еще не человек – это проект) вырастает личность, неповторимое существо, чтобы ни говорили обличители человеческих пороков.

Человек может усваивать уже имеющиеся у человечества опыт и знания, их систематизировать, архивировать и, если нужно, использовать, извлекая из архива-подсознания, куда уходит все, что вытесняется из сознательной памяти. Сознание человека есть обложка книги его жизни, подсознание – ее содержимое.

Однако таким образом человек ничего нового не создает. Как школьник решает задачу, используя тот материал, который ему сообщили на уроке, так и ученые могут составлять свои теории и философские системы, используя тот материал, что они усвоили обучаясь. Это стало воплощением мысли от Экклезиаста, что нет ничего нового под Луной. Под этим знаком человечество прошагало много веков, лишь изредка получая вбросы нового от наиболее открытых и творческих людей. Но таких людей, конечно, немного.

Возрождение дало великие образцы того, как человек действительно может стать творческой личностью. Но груз традиций на тот момент оказался сильнее.

Что значит *творить*? Ромен Роллан сказал: «Творить значит убивать смерть». Это верно не только в символическом плане. Человек-творец оттого бессмертен, что продолжает жить в тех идеях, которые он привнес в мир. *Это его идеи – и никого другого. Это его дух, его гений, его сущность, его мир.*

По меткому замечанию Р.У. Эмерсона, «...наша жизнь могла бы быть гораздо проще и легче, нежели мы ее делаем...наш мир мог бы быть гораздо счастливее теперешнего...можно было обойтись без побоищ, без судорог отчаяния, скрежета зубов, ломания яростных рук...многие бедствия устраиваются собственно нами» [5, с. 153].

Многие предпочитают искать легкие пути в жизни. Но идя по протоптаным тропам, невозможно обрести счастье в жизни. Задача человека как раз в том, чтобы протоптать свою тропку. Пусть она будет небольшой. *Но она будет.*

Да, человек создает свой мир.

В процессе *творческого* познания он не просто усваивает и комбинирует предшествующий опыт. Человек творит свою жизнь, всю реальность сообразно своему взгляду. Все его мысли, чувства, идеи и многое другое, как результаты творческой активности, представляют его мир.

Ф. Ницше, громогласно заявивший в том числе и о гибели религии, создавал своего сверхчеловека. «Человек есть нечто, что должно превзойти» [2, с.9]. Можно предположить, что великий философ имел в виду идеал Личности-творца. Интуитивно ощущая необходимость перемен в человеке, Ницше высказал это, но его тогда не поняли до конца. Его идеи просто стали модным веянием. Ведь у любой теории часто появляется большое количество адептов, способных дискредитировать ее посредством либо безмерного поклонения, доходящего порой до абсурда (хотя чаще всего глубинная сущность теории остается сокрытой от взоров фанатичных сторонников), либо полного отрицания.

В процессе эволюции, в том числе и духовной, человечество накапливало свои знания о мире. Как правило, общепринятыми становились взгляды наиболее активных творческих людей. Однако вместе с эволюцией человека эволюционируют и социум, и природная реальность. Поэтому на каждом новом витке развития общество просто обязано обновлять своеобразную библиотеку знаний и опыта. Сделать это лучше всего способны *творцы*, коих в обществе немного. Ведь немногие способны преодолеть сковывающие разум социальные схемы, заложенные в сознание часто с самого детства. Многие люди, живущие в обществе, неспособны творить, как не способна летать птица, лишенная хотя бы одного крыла. Разум большинства людей скован предрассудками, принятыми безапелляционно, как данность.

Однако, отказываясь от груза традиций, от старого, важно помнить, что нужно не выплеснуть с водой и ребенка. Важно также отличать простую, пусть и буйную фантазию и игру мысли от творчества. Ведь подчас простое двусмысленное изменение формы объявляется как открытие. Формализм элементарен, примитивен, но удобен.

В творчестве важно затронуть глубинную, содержательную сторону явления. Часто творческой задачей (ввиду ограниченности пространства человеческой жизни) может стать отыскание новой, доселе неизвестной грани уже известного явления.

Очень важным аспектом творчества является ответственность человека за сотворенное, за то, как отзовется сказанное слово. Слепая вера многих людей, которая, без сомнения, их не украшает, в те или иные результаты творчества как панацею от всех их бед часто оборачивается трагедией. Ибо плоды чьего-то творчества должны быть пропущены через сито своего миропонимания, осознаны до конца, их нельзя принимать в чистом виде.

Часто человек становится заложником откровений, пришедших другому. Не стоит внимать совету, данному «на основании личного опыта», даже если

этот совет дает седой мыслитель. Может быть, он мудр, но мудрость его – проекция его жизни, это клад его души. Ни один человек не может и не должен избавлять себя от подобных поисков.

Возможно, что для знакомства с «иными мирами» человек изучает работы, творческие результаты других людей. Но сам смысл его жизни – это его уникальный и неповторимый мир. У каждого творческого человека может и *должна* быть своя, выстраданная им истина и свой взгляд на мир. Так, М.К. Мамардашвили отмечал: «Представим себе, что мир был бы завершен и к тому же существовала бы некая великая теория, объясняющая нам, что такое любовь, что такое мысль, что такое причина и т.д. Ведь ясно, что если бы это было так, то было бы совершенно лишним переживать, например, чувство любви. Но мы все-таки любим. Несмотря на то, что, казалось бы, все давно известно, все пережито, все испытано! Зачем же еще мои чувства, если все это уже было и было миллионы раз? Зачем?! Но перевернем вопрос: значит, мир не устроен как законченная целостность? И я в своем чувстве уникален, неповторим. Мое чувство не выводится из других чувств. В противном случае не было бы ни моей любви, ни всех этих переживаний – они были бы заменимы предшествующими знаниями о любви. Мои переживания могли бы быть только идиотическими. Действительность была бы тогда, как говорил Шекспир, сказкой, полной ярости и шума, рассказываемой идиотом. Значит, мир устроен как нечто, находящееся в постоянном становлении, в нем всегда найдется мне место, если я действительно готов начать все сначала» [1, с.20-21].

Помимо создания чего-то *качественно* нового, в ценностном отношении творчество – это *всегда созидательная работа*..

Каждый человек в мире ценен по-своему. Ценен не какими-то заслугами, а уже самим фактом своего существования. В связи с этим задача, стоящая перед *каждым* человеком, являющимся потенциальным творцом от рождения, - найти свой путь, идти по нему, отразить его в своем творчестве, чтобы другие люди, входящие в жизнь, могли, вдохновляясь этим примером, строить свой собственный путь, свою жизнь.

Стадии эволюции личности-творца в онтогенезе и духовном развитии:

- *Мифологический уровень:* начало сознательной жизни.
- *Физический уровень:* элементарное удовлетворение потребностей.
- *Ментальный уровень:* жизнь в соответствии с общественными стереотипами.
- *Идеократический уровень:* подчинение себя и своей жизни какой-то идее (религиозной или светской).
- *Метафизический уровень:* построение абстрактной, застывшей картины окружающей реальности и жизнь в соответствии с ней.
- *Диалектический уровень:* развертывание в динамике картины жизни.

• *Творческий уровень*: восприятие подвижной картины жизни как естественной и свободная ориентация самого себя в потоке жизни с осознанием ответственности за каждый сделанный шаг.

Личности-творцы всегда имели свою специфическую культуру, то есть, по Б. Малиновскому, свой «способ быть человеком», акцентированно, подчеркнуто выделенный из бесконечной совокупности «способов». Для всех остальных общество определяет социальную канву жизни, и человек, движущийся по иерархическим ступеням социальной структуры, должен это принимать.

Однако важно помнить, что общие социальные ценности и идеалы отнюдь не предполагают безусловного принятия. «Мудрецу не нужны законы города», как говорил еще Демокрит.

Не стоит, наверное, бросаться в крайности: упрощать или усложнять жизнь.

Жизнь не проста и не сложна. Она такая, какая есть. В ней много белых пятен. И человек, даже самый творческий, не в состоянии один создать в сознании объективный образ реальности. Часто жизнь оказывается шире и богаче любых теорий и моделей, призванных обеспечить тот необходимый минимум понимания, который позволяет человеку жить на планете Земля.

И все же человек-творец может и должен обрести в своей жизни гармонию и счастье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – М., 1992.
2. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. – М.; Харьков, 2001.
3. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М., 1990.
4. Фрэнсис Бэкон. – Минск, 1998.
5. Эмерсон, Р.У. Нравственная философия / Р.У. Эмерсон. – Минск; М., 2000.

С. А. СТЕПАНИЩЕВ

АНТРОПОЛОГИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ЭММАНЮЭЛЯ ЛЕВИНАСА. ОПЫТ ПЕРВОГО ПРИБЛИЖЕНИЯ

*Другой – враг, друг, мой учитель,
мой ученик – неотвратимо
смотрит мне в глаза.
Эмманюэль Левинас*

1. Феномен Левинаса

В одной из глав¹ книги «Трудная свобода»² наш автор размышляет над (имевшим успех как у апостола Павла, так и у всех современных Левинасу мыслителей) вторым псалмом библейской книги «Тегилим»³. Комментируя комментарий, содержащийся в талмудическом трактате «Брахот»⁴, Левинас задается вопросом о природе трепета и приходит к выводу, что «трепет – не просто страх, и даже не тревога⁵ – это любимое детище современных мыслителей. Трепет – это когда основания мира колеблются, когда самотождественность вещей, идей и существ вдруг резко нарушается; когда А больше не есть А, и В больше не есть В; когда г-н В – больше не г-н В, а изменник и похотливый змей, выжидающий, чтобы г-н К стал уже не г-ном К. Трепет – это когда купленная вами газета покупает вас; когда услышанное вами слово не означает ни того, что оно означает, ни того, что отвергает; когда разоблачающая себя ложь лжет в самом саморазоблачении, а отрицание отрицания не становится утверждением». Путь Левинаса⁶, как мог бы выразиться какой-нибудь биограф, проходит через «философию как строгую науку»⁷ и «назад, к самим вещам»⁸, от трансцендентального субъекта, Dasein и нейтральной тотальности выражаемого бытия – к Другому⁹ (ставящему само «мое» существование под вопрос¹⁰) и Бесконечному, от метафизики – к этике¹¹, от феноменологии, экзистенциализма и аналитики Dasein фундаментальной онтологии – к иудаизму, от абсолютной твердости феноменологической интуиции – к трепету, от (и из) «здания»¹² – в «пустыню»¹³. Мысль Левинаса не репатрируется (эвакуируется), как то могло бы показаться неискушенному и поверхностному читателю, с «мрачных улиц» феноменологической редукции в «иллюминационные кварталы» еврейского Откровения, усеянные следами Другого. Нет. Маршрут путешествия Левинаса другой. Как верно заметил в «Насилии и метафизике» Деррида, Левинас, полемизируя с Гуссерлем, становится на позиции Хайдеггера и наоборот и в результате отправляет их обоих за кулисы, как замеченных в осуществлении заговора Тожественного. Но инструментарий, выработанный Гуссерлем, Хайдеггером и экзистенциалистами, он забирает с собой¹⁴. Левинас, «неактуально»¹⁵ исследуя творчество своих учителей, открывает, «раскупоривает» то, что Деррида назовет потом «спящими смыслами»¹⁶. Мышление Левинаса непоследовательно, но в то же время не систематически непоследовательно. Не доверяя экстазу и сакральному, Левинас провозглашает этику (по ту сторону всякой возможной нормативной этики¹⁷ и нормы вообще) единственно возможной «оптикой». Он не отказался от теоретического мышления, он его «приручил». Жак Деррида охарактеризовал философию Эмманюэля Левинаса как «мысль, которая хочет, без какой-либо филологии, а только единственно из верности самому опыту, его непосредственной, но одновременно сокрытой наготы, освободиться от греческого господства Тожественного и Единого (других имен для света бытия и феномена) как от гнета, не подобного ничему в мире, гнета онтологического или трансцендентального, однако являющегося одновременно началом и алиби всякого угнетения, существующего в мире». Эмманюэль Левинас, как сказала

о нем Анна Ямпольская, всю свою жизнь занимался тем, что пытался найти место Безмерному в мире мер.

Данная статья посвящена творческому исследованию философии Эмманюэля Левинаса в ее связях с Гуссерлем, Хайдеггером, Деррида и еврейской религиозной традицией.

2. Биография Левинаса

Эмманюэль Левинас родился в Ковно в 1906 г. В 1916 – 1920 гг. жил в Харькове, в 1920-1923 гг. - во вновь образованном литовском государстве. Переехал во Францию в 1923 г., поступил на философский факультет в Страсбурге, где познакомился с Морисом Бланшо, ставшим его другом на многие годы; учился у Гуссерля и Хайдеггера в Германии в 1928-1929 гг. В 1930 г. опубликовал первую во Франции книгу о Гуссерле «Теория интуиции в феноменологии Гуссерля». В том же году принял французское гражданство. В 1939 г. призван на военную службу. С 1940 по 1945 гг. был в плену в концентрационном лагере для офицеров в Германии, после освобождения дал клятву никогда не ступать ногой на немецкую землю. Вся его семья, оставшаяся в Литве, погибла в Катастрофе. С 1957 г. Левинас участвовал в работе Семинара франкоязычной еврейской интеллигенции, в рамках которого ежегодно читал лекции по проблеме толкования Талмуда. В 1961 г. он опубликовал «Тотальность и Бесконечное», работу, которая по праву считается одним из основных философских текстов прошедшего века¹⁸. Немалый резонанс в философских и религиозных кругах вызвала дискуссия о сущности диалога, развернувшаяся в первой половине 60-х гг. между Левинасом и Бубером. Началась она после опубликования Левинасом статьи «Мартин Бубер и теория познания» (1963), завершавшейся критическими замечаниями в адрес Бубера. Это вызвало соответствующую реакцию со стороны последнего в качестве комментария, помещенного в той же книге. В ответ на комментарий Левинас в марте 1963 г. направил Буберу письмо, в котором разъяснил свою точку зрения. Годом позже дискуссия между ними обрела новую форму. Американский философ М.Ф.Фридман предложил высказаться относительно концепций Бубера и Левинаса другим мыслителям, результатом чего явился сборник «Философские вопросы» (1964) (который нам, к сожалению, не доступен). В 1961 Левинас стал профессором университета в Пуатье. В 1967 г. назначен на должность профессора университета в Нанторе, а с 1973 по 1976 гг., до отставки и назначения почетным профессором, был профессором в Сорбонне. В 1967 г. Жак Деррида опубликовал книгу «Письмо и различие», содержащую в качестве одной из глав эссе «Насилие и метафизика», посвященную детальному разбору всех опубликованных к этому моменту работ Левинаса. Это эссе, которое Левинас в 1992 г. назвал «убийством под наркозом», привлекло к Левинасу внимание не только франко-, но также и англоязычного мира, положив начало его широкой известности. Однако истинное признание начало приходить к Левинасу лишь в конце 80-х гг.

Умер Эмманюэль Левинас в Париже в 1995 г.

В настоящее время создается Международный научно-исследовательский центр по изучению наследия Левинаса в университете Северной Каролины в Шарлотте (США). Одна из задач Центра – оказание содействия в осмыслении и понимании философии Левинаса. В Центре будут находиться публикации Левинаса, книги, диссертации, статьи, а также аудио- и видеозаписи о нем и его творчестве. Центр будет заниматься распространением информации о готовящихся к публикации трудах и предстоящих конференциях по философии Левинаса.

3. Левинас и Гуссерль

Феноменология Эдмунда Гуссерля сыграла, может быть, важнейшую роль в формировании собственной философии Левинаса. Левинас был тем, кто открыл Гуссерля франкоязычному читателю¹⁹. При всей сложности собственных отношений с феноменологической традицией Левинас никогда не отрекался от Гуссерля²⁰. Философия Левинаса, ее метод всегда оставались феноменологическими. Еще в «Теории интуиции в феноменологии Гуссерля» он пишет: «Мы имеем дело не с кодексом законченных предложений, из которого остается лишь черпать готовые формулы, но с живой и развивающейся мыслью, в которую нужно погрузиться и в ней философствовать»²¹.

Денатурализация сознания. Сознание как «сейчас»

Левинас принимает предпринятую Гуссерлем попытку «денатурализации» сознания, освобождения последнего от психологии и истории в пользу интериорности²² и незавершенности, ситуации, где все можно «отозвать». В качестве «сейчас» мыслящий субъект, по Левинасу, определяется лишь собой (в некотором смысле), ни с чем не соседствует, остается вне системы. Рассматривая гуссерлевское понятие первоначального впечатления (Urimpression), Левинас приходит к парадоксальному выводу, что «...в конечном итоге любой анализ допредикативной пассивности утверждается в качестве активности субъекта»²³.

Свет. Приостановка. Отступление. Интериорность

В связи с гуссерлевским *erosche* в философии Левинаса возникает «свет», являющийся событием «приостановки»²⁴. «Свет» – значит всегда оставаться внешним по отношению к объектам и истории²⁵. «Свет» у Левинаса определяет «я» (ситуацию «я» самого по себе) и способность последнего к бесконечному «отступлению». Благодаря измерению интериорности, по Левинасу, бытие избегает концептуализации и сопротивляется тотализации. Позднее он скажет, что Другой – это «независимость этики по отношению к истории»²⁶.

Отделение

Отсюда проистекает понятие «отделение». «Отделение, отвержение нейтральных и безличных начал, исторжение из тотальности, истечение бытия, отделение бытия от самого себя; «обморок бытия», его впадение в человечность; отделение самотождественного происходит в виде внутренней жизни, психики».

Наслаждение. Сознание. Субъективность

Фундаментальный феномен отделения, по Левинасу, - наслаждение²⁷. «Наслаждение, - пишет Левинас, - это не психологическое состояние, одно из многих, не эмоциональная тональность, как говорит эмпирическая психология; оно – дрожь, мое внутреннее содрогание. Наслаждаться, отвлекаясь от всякой полезности, даже терпя поражение, наслаждаться без видимой причины, ни на что не ссылаясь, только теряя, - вот что значит быть человеком». В контексте еврейской традиции для него это – освобождение от идолов и утверждение в вечности²⁸. Вырваться из *ilua*, порвать с прошлым²⁹, по Левинасу, - значит быть сознанием³⁰, говорить, «так как существование сознания порождает субъективность, является субъектом существования»³¹. У Гуссерля сознание, исходящее из самого себя и конституирующее бытие, некоторым образом само уже конституировано этим бытием, точнее, *Lebenswelt*-ом, миром непосредственных, «тактильно», на гинетическом уровне, схватываемых очевидностей³². Нечто подобное мы находим у Левинаса. Независимое сознание, считает он, исходит из «здесь»-позиции. Но! Это «здесь» является связью, связью с основой, с тем местом, с которым во сне (являющемся противоположностью бессонницы анонимного существования) сознание полностью (!) сливается³³.

Бодрствование

Между *ilua* и сознанием возникает, высвобождается некоторая территория (которую прорывает, являясь ее частью, сознание). Левинас называет ее «бодрствованием»³⁴. Событие сознания, считает Левинас, состоит в том, чтобы быть (вовлеченным), оставляя себе выход³⁵, «удаляясь в те расселины бытия, где находятся эпикурейские боги, и, таким образом, избегать обреченности анонимного существования»³⁶.

Лик Другого

В отличие от эгологической традиции Гуссерля сознание у Левинаса не является суверенной инстанцией, оно, в лучшем случае, попадает «в заложники» (и, таким образом, освобождается) к Лику³⁷ отсутствующего³⁸ Другого³⁹. Лик, не соотнесенный с Системой, существующий сам по себе, «значение без контекста» – это, говорит Левинас, и есть трансцендирование. Лик (само проявление которого уже есть речь) говорит. Лик - живое присутствие лица в философии Левинаса (вопреки современной онтологии) - связан с истиной, он является тем, кто ее приносит. Лик приносит с собой понятие истины, которое не является раскрытием безличной Нейтральности, но есть выражение⁴⁰. Присутствие Лица, по Левинасу, - это «безоговорочный приказ, повеление, которым полагается конец принадлежности сознания самому себе». Лик проблематизирует сознание, ставит его под вопрос. «В этом опыте Другого, – утверждал Деррида, – логика непротиворечивости, все то, что Левинас понимает под «формальной логикой», становится спорным». Благодаря человеческому лицу открывается Божественное. Богоявление лица в качестве лица есть взгляд Другого⁴¹, умоляющий и в то же время

требовательный, «который потому только и требует, что умоляет, лишенный всего, поскольку имеет право на все». Ведь Другой как Другой, говорит Левинас, «... есть не просто alter ego. Он является тем, чем я не являюсь»⁴². На Лик не смотрят, с ним обмениваются взглядами. В «Насилии и метафизике» Деррида пишет: «Лик – это не просто лицо, внешность... Это не просто, как утверждает происхождение слова, то, что *видимо*, видимо, так как обнажено. Это также то, что видит. Не столько то, что видит вещи - теоретическое отношение - но то, что обменивается взглядом. Лицо есть лик только *внутри* ситуации лицом к лицу».

Проблематизация. Нравственное сознание

Левинас отказывается от «обоснования»⁴³ в пользу проблематизации⁴⁴ и «нравственного сознания», которое есть «привилегированность Другого по отношению к Я»⁴⁵, которое не есть разновидность сознания, но «спазм, «система» сознания». «Нравственное сознание» же, этика-по-ту-сторону-этики – это в некотором смысле проблематизация себя самого. Анна Ямпольская в статье «Безмерность в мире мер» пишет, что этика у Левинаса «...по сути дела, предстает как аскетика, как постоянное скрупулезное испытывание себя и своего Тожественного - своего «места обитания», житейского и философского, - этой невозможной возможностью присутствия Другого, святостью другой личности, святостью, которая превосходит весь мир»⁴⁶. «...Для меня маловажным, - писал Левинас, - представляется то, кем другой является по отношению ко мне - это его дело; для меня он прежде всего тот, за кого я несу ответственность»⁴⁷.

Понятие интенциональности. Этическое измерение

Для раннего Левинаса интенциональность – не просто стремление и основное свойство сознания находиться вне себя⁴⁸, быть сознанием чего-то⁴⁹. Левинас соглашается с Гуссерлем в том, что сознание и есть интенциональность. Но у Левинаса интенциональность, т.е. само сознание, выходя из сугубо теоретической плоскости, превращается в нравственность⁵⁰, а метафизика – в этику⁵¹. Левинас радикализует понятие интенциональности, теперь это не просто сознание отличного «от меня», это движение к Другому как прорыв в бытии, это иное, чем бытие, это отделение от нейтрального⁵², это «скандал» в бытии⁵³. И даже такая интенциональность не удовлетворяет его. В «Тотальности и бесконечном», описывая эротические отношения, он еще говорит об «интенциональности особого рода», интенциональности поиска и ласки. Но уже в «Следе Другого» он пишет: «Другой несет в себе избыток, не сводимый к интенциональности».

Основные аргументы Левинаса против интенциональности таковы:

1. Интенциональность – это репрезентация, т.е. воспроизведение, делающее присутствующим то, что в опыте является отсутствующим.
2. В отношении к Другому сознание направлено на принципиально его превосходящее⁵⁴. Следовательно, говорит Левинас, инициатива – «в руках» Другого. Но Левинас, вслед за Гуссерлем и Сартром, рассматривает интенциональность как инициативу и волю «я», как телеологию.

Следовательно, говорит Левинас, даже интенциональность – это насилие над Другим.

3. Интенциональность дает иллюзию объективного познания (Другого), превращает Другого в теоретический объект. Однако, говорит Левинас, значение приходит от Другого как превосходящего, к которому мы относимся как к Учителю.

Тут автор позволил бы себе не то чтобы не согласиться, но несколько поправить Левинаса. Сам он в «Открывая бытие вместе с Гуссерлем и Хайдеггером» разбирал «Картезианские медитации» Гуссерля. А там Гуссерль ясно показывает всю широту (и в некотором смысле нерепрезентативность) понятия интенциональности и то, что Другой не сводится ни к представлению, ни к репрессирующей воле субъекта интенционального акта. В параграфе 20 он пишет: «В самом широком смысле любое *cogito* в качестве сознания является значением той вещи, на которую оно направлено, но это значение ежесекундно *превосходит* (выделено автором) то, что в это самое мгновение дано как эксплицитно направленное. Оно превосходит его, т.е. обладает прибавкой, выходящей за его пределы».

Левинас, не отказываясь от теоретической установки, оспаривает у Гуссерля ее первичность по отношению ко всем другим модусам человеческого существования, выдвигая на первое место этическое отношение⁵⁵, ответственность, когда «моя ответственность всегда превышает ответственность других».

Бесконечное

Развивая (и преодолевая) гуссерлевское понимание интенциональности, Левинас приходит к идее несоразмерного мышлению его мышлению Бесконечного (противоположного Тотальности). Левинас считает, что всякое сознание (будучи интенциональностью) заранее предполагает идею бесконечности, или «нетождественности по преимуществу», т.е. Другого, или Встречи⁵⁶. «Иметь идею бесконечного, - пишет Левинас, - значит принимать Другого за пределами возможностей». Идея Бесконечного – это способ бытия⁵⁷, бесконечное осуществление бесконечного. Бесконечное, говорит Левинас, не может сперва быть, а потом осуществлять себя, поэтому «бесконечное осуществление бесконечности производится как обнаружение и внедрение в «я» идеи бесконечного»⁵⁸. Идея бесконечности рождается, по Левинасу, тогда, когда отдельное бытие, взятое в его самоидентичности, самотождественное «я» содержит в себе то, чего не может ни содержать в себе, ни получать извне из-за одной лишь самоидентичности. Эти невозможные требования и реализует субъективность (которая есть интенциональность), она содержит то, что невозможно содержать. А содержать более того, что возможно, согласно Левинасу, «означает в любой момент взрывать рамки мыслимого содержания, преступать барьеры имманентности».

Желание. Доброта. Справедливость. «Нужда, утопающая в роскоши»

Бесконечное – не есть объект познания, оно, по Левинасу, - желаемое, то, что вызывает Желание⁵⁹ (раскрывающееся как доброта и справедливость⁶⁰),

к чему можно приблизиться с помощью мышления, в каждое мгновение мыслящего более того, что оно мыслит⁶¹. Желание же – это, по Левинасу, идея бесконечности. Желание в понимании Левинаса парадоксальным образом заключается в том, чтобы мыслить более того, что помыслено, сохраняя в то же время помысленное в его безмерности по отношению к помыслившей его мысли. Желание невозможно удовлетворить, утолить. И не потому, что оно вызвано не знающим утоления голодом, а потому, что оно вообще не вызывает к насыщению. Желание ненасытно⁶². Желание, говорит Левинас, - это «несчастье счастливого, нужда, утопающая в роскоши». Говоря о Желании, Левинас ссылается на Платона⁶³. Отделение и Бесконечность связаны у Левинаса с каббалистической⁶⁴ идеей цымцум⁶⁵. Он пишет: «Бесконечное проявляется, противостоя вторжению тотальности туда, где происходит сжатие, оставляющее место отделившемуся бытию. Таким образом вырисовываются отношения, пролагающие себе путь за пределы бытия».

Высь

Гуссерль (в частности, отправляясь от анализа человеческой моторики) приходит к выводу о переходности (в прямом и переносном смысле) глагола «быть»⁶⁶. Проводя схожие процедуры (и в N-й раз радикализуя Гуссерля), Левинас приходит к анализу вертикали и одному из сложнейших и парадоксальнейших понятий собственной философии - понятию Выси⁶⁷ (на которую равняется бытие)⁶⁸, которая переживается уже на уровне человеческого тела⁶⁹. «Высота, - говорит Левинас, - на которой находится Другой, – это как бы первое искривление бытия, как факт привилегий другого».

4. Хайдеггер. Фундаментальная онтология

Философия Мартина Хайдеггера оказала на Левинаса несколько меньшее влияние, чем труды Гуссерля. Но тем не менее следует указать на несколько, по мнению автора, важных пересечений философий Хайдеггера и Левинаса, и в первую очередь на те, что связаны с трансценденцией (важной для понимания генезиса понятия интенциональности в философии Левинаса).

Метафизика. «Здесь» сознания и Да бытия

Хайдеггеровской фундаментальной онтологии Левинас противопоставляет реализующую себя в этических отношениях метафизику. Метафизика, по Левинасу, - это движение, идущее от привычного «у себя», в котором мы живем, к чуждому «вне себя», к «там». Задачи метафизики и онтологии, по Левинасу, радикально различны. Задача метафизики, говорит Левинас, не в реализации девиза «Познай самого себя», не в том, чтобы обращаться к тому, чем является «для себя» в лоне «я», и не в поисках прочной основы для радикального постижения бытия (а как раз этим озабочена хайдеггеровская онтология)⁷⁰. Метафизика Левинаса – это этика (по ту сторону всякой этики). Левинас радикализует Хайдеггера (как и Гуссерля)⁷¹. Говоря о сознании и его «здесь», Левинас подчеркивает радикальную разницу между своим и хайдеггеровским подходами. «Здесь» сознания – это не Да бытия⁷². По Левинасу, это – сам факт того, что сознание

является истоком, что оно исходит из самого себя, что оно – существующее. «Здесь» сознания у Левинаса – это исходная точка последнего.

Июа

Для Левинаса, как и для Хайдеггера, «ужас» – это прикосновение, но не «ничто», а *ilüa*⁷³. *Июа* – это иное, больше, чем хайдеггеровский ужас⁷⁴. Если хайдеггеровский ужас – это «страх не быть», то *ilüa* – это «страх быть». Вот что пишет Левинас об *ilüa*: «Мы противопоставляем ужас ночи, «молчание и ужас потемок» хайдеггеровскому страху, страх быть – страху не быть. Тогда как страх у Хайдеггера, осуществляющий «бытие к смерти», некоторым образом схвачен и понят, ужас «безысходной» ночи – без ответа – это беспощадное существование... Завтра, содержащееся в бесконечности сегодня. Ужас бессмертия, вечность драмы существования, необходимость навсегда взять на себя ее бремя. Когда в последней главе «Творческой эволюции» Бергсон показывает, что идея небытия соответствует понятию «вычеркнутого бытия», он, кажется, предполагает ситуацию, аналогичную той, что ведет нас к понятию безличного наличия». От *ilüa* отделяются, наслаждаясь, будучи беззаботными, незаинтересованными по отношению к существованию⁷⁵.

5. Левинас и Деррида. «Насилие и метафизика»

В прощальной речи, произнесенной в память о Левинасе утром 27 декабря 1995 г., Деррида сказал: «Очень долго я боялся того момента, когда мне придется сказать «Прощай» Эмманюэлю Левинасу. Я знал, что мой голос будет дрожать при этом, и вот сейчас я скажу громко, здесь, рядом с ним, близко-близко от него, это слово «Прощай», знаменующее начало его восхождения к Богу, которое, в некоторой степени, я перенял от него, и о смысле и значении которого он учил меня размышлять и высказываться. В размышлениях о том, что Эммануэль Левинас написал о слове «Прощай», которое я вот-вот произнесу, я надеюсь почерпнуть силу для того, чтобы говорить в этот момент. Я хотел бы делать это и в отношении этих простых слов, столь же искренних и безоружных, как мое горе...».

Деррида был тем человеком, благодаря которому к Левинасу пришла известность. В 1964 г. он пишет эссе «Насилие и метафизика», посвященное Левинасу. Сам Левинас позже назовет его «убийством под наркозом». Деррида испытал сильное влияние Левинаса. От Левинаса он берет понятие следа Другого, например. В то же самое время сам Левинас прислушивался к яростной критике «отца деконструкции», этим, в частности, определился интерес Левинаса к проблемам языка.

В «Насилии и метафизике» Деррида, критикуя Левинаса и обвиняя последнего в непонимании философии Гуссерля, становится на позиции «отца феноменологии». Осуждая критику Левинасом гуссерлевской аналогической аппрезентации (с помощью которой Гуссерль предлагает мыслить Другого), Деррида пишет: «Необходимость прибегнуть к аналогизирующей аппрезентации, никоим образом не означая аналогизирующей и ассимилирующей (уподобляющей) редукции иного к тождественному,

подтверждает и сохраняет отделенность, непреодолимую необходимость (не)предметного посредничества. Если я иду к другому не путем аналогизирующей аппрезентации, если я приближаюсь к нему непосредственно и исходно, в молчании и через причастие его собственным переживаниям, то другой перестает быть другим...».

След Другого

Творчески интерпретируя проведенный Гуссерлем анализ сознания времени, Левинас приходит к понятию следа Другого. Язык как средство коммуникации опосредован и означен временем, он, как и все в реальности феноменологов, темпорализуется, временится. Время, разделяющее знак и обозначаемое, само *течение* времени (в процессе применения знака в системе других знаков, т.е. в языке) трансформирует знак в «след». Слово теряет непосредственную связь с обозначаемым, с референтом, со своим «происхождением», с причиной, его вызвавшей. Таким образом, знак обозначает не столько предмет, сколько его отсутствие («отсутствие присутствия») и собственное «принципиальное отличие» от самого себя.

Свои размышления о следах Другого, оставляемых в культуре, Левинас обнаружил в лекциях 1961, 1962 и 1963 гг. в Философском колледже и опубликовал в сентябре 1963 г. А книга «О грамматологии», в которой Деррида уделяет значительное место понятию следа, выходит в 1967 г. Вот что пишет о следе Деррида: «След — это ничто, он не есть нечто сущее, он ведет нас за пределы вопроса «что это такое?» и делает его в известной мере возможным»⁷⁶. Под этими словами подписался бы и Левинас. Но Деррида радикализует Левинаса, идет дальше. Если по Левинасу след — это след Другого, хоть и отсутствующего, но целиком являющегося в наготе Лица и в этом смысле присутствующего, то у Деррида след не ведет никуда, т.е. ведет к следующему следу, означающее — к новому означающему, и так бесконечно. По Деррида, у которого в отличие от Левинаса не существует абсолютного источника смысла вообще, мы никогда не догоним Другого и уж тем более не посмотрим ему в лицо. Отсутствие трансцендентального обозначаемого (бытия), потрясающее онто-теологию и метафизику присутствия, Деррида называет игрой или безграничностью игры.

Примечания:

¹ Левинас, Э. Каким образом возможен иудаизм / Э.Левинас // Трудная свобода. - М., 2004. Статья впервые опубликована в «L'Arche» в 1959 г.

² Книга «Трудная свобода», собравшая в себя статьи, написанные Левинасом в разные годы, впервые увидела свет в 1963 г.

³ «Служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом». «Страх и трепет» Кьеркегора — отсюда.

⁴ Комментатор, говоря об Иерусалимском Талмуде, цитировал тот самый стих таким образом: «Служите Богу в страхе, и среди всеобщего трепета вы — радуйтесь».

⁵ Хайдеггеровская.

⁶ Говоря о Левинасе, автор не считает себя вправе разделять-разлучать-различать его жизненный путь с его собственной философией (точно то же говорил Левинас о Гуссерле), тем

более после того этического измерения (присутствовавшего и в ранних его трудах), которое она получает после Катастрофы.

⁷ Программная статья Гуссерля.

⁸ Провозглашенный Эдмундом Гуссерлем «слоган» феноменологического движения.

⁹ «Другой, противостоящий мне, не включен в тотальность выражаемого бытия. Он тот, кому я выражаю то, что выражаю».

¹⁰ «Отношение с Другим ставит меня под вопрос, освобождает меня от меня самого и не перестает опустошать, раскрывая во мне все новые возможности».

¹¹ «На место онтологии – хайдеггеровского понимания бытия существующего – встает, как первостепенное, - отношение существующего к существующему. Но это отношение не сводится к связи между субъектом и объектом; оно есть близость, отношение с Другим».

¹² См. размышления Хайдеггера об архитектоничности европейской мысли.

¹³ Существует известный мидраш о том, почему Откровение даровано в пустыне. На эту же тему писали братья Боярины.

¹⁴ В интервью, данном в 1982 г., Эмманюэль Левинас, размышляя о начале своего философского пути, заметил, что для него суть гуссерлевской философии заключалась в первую очередь в том, что в ней ему открылся «конкретный смысл самой возможности философской работы, которая, с одной стороны, не приводит к погружению в систему догм и, с другой стороны, не руководствуется хаотическими интуициями».

¹⁵ «Разумеется, «неактуальный» может быть эвфемизмом для «просроченного»: ничто не застраховано от истечения срока давности, даже то, что не допускает никаких сроков. Но то неактуальное, в котором находят себе место – или на которое направлены – исследования данной работы, не тождественно безразличному невниманию к доминирующим мнениям нашей эпохи, которые отстаиваются с таким блеском и мастерством. Здесь неактуальное означает не столько игнорирование или отрицание актуального, сколько его *иное...*» (Левинас, Э. Гуманизм другого человека / Э.Левинас // Трудная свобода. - М., 2004. - С. 592).

¹⁶ Жак Деррида, резюмируя в 1997 г. философский путь Левинаса, говорит о приостановке или *эпохе* самой феноменологии.

¹⁷ В «Предисловии к ТБ» он говорит: «Этика ... рождается не для того, чтобы приготовить теоретическое упражнение мысли, которая монополизировала бы трансцендентность. Традиционная оппозиция между теорией и практикой стирается, если исходить из метафизической трансцендентности, в которой выстраивается отношение с абсолютно иным или с истиной, отношение, царским путем которого является этика».

¹⁸ Морис Бланшо писал: «Не следует отчаиваться в философии. Этой книгой ... мы призваны стать ответственными за то, чем философия является по своей сути, принимая, во всем сиянии и бесконечной требовательности, которые ей присущи, именно идею Иного, то есть отношение с другим. Здесь философия как бы начинается сначала, здесь прыжок, который нам самим и ей предложено совершить».

¹⁹ В 1930 г. он пишет подробнейший труд «Теория интуиции в феноменологии Гуссерля», фактически являющийся учебником по феноменологии.

²⁰ В «Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером» он писал о Гуссерле (в кн. «Трудная свобода», с. 274): «Этот человек, строгий на вид, но приветливый, внешне безукоризненный, но не думающий о внешнем виде, отстраненный, но не высокомерный и как бы слегка неуверенный в своей уверенности, усиливал впечатление от своего творчества – строгого и с тем открытого, смелого и постоянно обновляющегося, как перманентная революция, следующего формам, которые могли бы быть в то время не столь классическими, менее дидактическими, языку, который мог бы быть более драматическим и менее монотонным. Творчества, чьи истинно новые акценты сможет уловить лишь тонкий, тренированный слух, непременно пребывающий начеку».

²¹ Левинас, Э. Теория интуиции в феноменологии Гуссерля / Э.Левинас // Трудная свобода. - М., 2004. - С.11.

²² Вот что пишет Левинас: «Интериторность – учреждает порядок, отличный от исторического времени, в котором образуется тотальность, порядок, где всегда остается возможным то, что исторически уже более не возможно»; «Интериторность – это отказ превращаться в полную пассивность, фигурируя лишь в чужих бухгалтерских подсчетах».

²³ Левинас, Э. Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером / Э.Левинас // Трудная свобода. - М., 2004. - С. 270.

²⁴ «...Состоящей в том, чтобы не компрометировать себя объектами, с которыми связан, или историей, которую осуществляешь...».

²⁵ Которая, говорит Левинас, есть история историографов, то есть выживших.

²⁶ Этику же Левинас определяет как «постановку под вопрос моей спонтанности присутствием Другого».

²⁷ Но отделение - это не только наслаждение, но и слезы (состояние, похожее, как автору кажется, по крайней мере по эмоциональной окраске, на то, что Гроф называет «третьей базовой перинатальной матрицей»): «Истечение бытия, его отделение от самого себя. Быть может, слезы – именно это?» (Левинас, Э. Гуманизм другого человека / Э.Левинас // Трудная свобода. - М., 2004. - С. 594).

²⁸ Плюс это – феноменологическое обоснование «избрания-отделения».

²⁹ «"Я" может порвать с прошлым, следовательно, "я" может говорить» (Эмманюэль Левинас. «Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером»).

³⁰ «Сознание мыслящего субъекта как раз и есть прерывание бессонницы анонимного бытия, возможность «приостановить», перестать служить щитом, укрыться в себе, уйдя из бытия» (Эмманюэль Левинас).

³¹ Тут мы видим абсолютное сознание Гуссерля, которое может быть в ситуации и без мира.

³² За эту (кажущуюся) неопределенность, которую представители феноменологической социологии и символического интеракционизма назовут «двойной фактичностью», часто упрекали Гуссерля.

³³ Испытавший сильное влияние Гуссерля, Виктор Франкл как-то сказал: «Влияние обстоятельств на человека опосредовано отношением человека к обстоятельствам».

³⁴ «Между *il y a* и сознанием возникает состояние бодрствования, в котором сознание участвует, утверждаясь в качестве такового в силу одного лишь участия в нем. Сознание – часть бодрствования, то есть сознание уже прорвало бодрствование, это – пограничная ситуация».

³⁵ Сартровская идея.

³⁶ Это похоже на «ускользание» и организацию (машинами желания) социального пространства либидо (у Делеза и Гваттари, например). На сайте «Философия без цензуры» недавно опубликована статья г-на Онфре, в которой последний, рассуждая о способах (микро)сопротивления (микро)фашизму (по Фуко и Делезу), предлагает заменить идею Государства Платона идеей сада Эпикура. То же самое, но намного раньше, сделал во «Всемирном Театре-Театре-Видео» и проекте «Сад» Борис Юхананов.

³⁷ «Лик настойчиво взывает ко мне. Я не могу остаться глухим к его зову, не могу забыть о нем, не могу перестать быть ответственным за его нищету. Здесь сознание утрачивает свое первенство».

³⁸ «Отсутствующий является истиной жизни», - пишет Левинас. Он говорит, что о существовании Другого (и Бога) мы знаем лишь по опыту его радикального отсутствия.

³⁹ Для Гуссерля, наоборот, восприятие другого человека возможно только в аналогизирующей аппрезентации, которую он выделял в отдельный вид опыта, «некий специфический трансцендирующий опыт». Все «Пятое размышление» посвящено тому, как мы можем воспринимать другого человека — другое Я — в его психофизическом единстве, а также в его чуждости. Для Гуссерля Другой есть исходный пункт опыта чужого. Только встречая другого человека, другое Я, мы впервые понимаем, что такое чужое вообще.

⁴⁰ Левинас замечательно определяет «я». «Я» – это тот, который выражает Другому то, что выражает.

⁴¹ Который, как говорит Левинас, критикуя гуссерлевскую аналогическую аппрезентацию, «...есть не просто *alter ego*. Он является тем, чем я не являюсь».

⁴² Это один из главных аргументов Левинаса против аналогической аппрезентации.

⁴³ Особенно после «дела Хайдеггера».

⁴⁴ «Суть разума не в том, чтобы обеспечить человеку обоснование, а в том, чтобы ставить его под вопрос и склонять к справедливости».

⁴⁵ Для Левинаса абсолютно неприемлемым является то, что пишет в «Картезианских медитациях» о Другом Гуссерль: «...я апперцепирую Другого не просто как дубликат себя самого, ... я апперцепирую Другого как обладающего такими модусами явлений, которые я *сам имел бы как им равные*, если бы переместился Туда и был бы Там».

⁴⁶ <http://iampolsk.narod.ru/LevinasPage.html>

⁴⁷ Примечательно, что собственную концепцию ответственности Левинас разрабатывает под влиянием творчества Достоевского. Левинас не мыслил себя вне русской культуры, культуры Пушкина, Толстого и Достоевского. Всю жизнь дома с детьми и сестрой Левинас говорил исключительно по-русски (но это тема для отдельного исследования).

⁴⁸ Как ее определяет Сартр.

⁴⁹ Как ее определяет сам Гуссерль.

⁵⁰ «Единственность Я в том, что никто не может ответственность вместо него. Выявить в Я подобную направленность – значит отождествить Я и нравственность».

⁵¹ Тут автор склонен видеть радикализацию хайдеггеровской аналитики Dasein. Каким образом Хайдеггер преодолевает противоречие между онтологией и антропологией? Он специально подчеркивал, что занимается не человеком (чего не заметили или не захотели заметить экзистенциалисты), а бытием, но поскольку единственным бытием, раскрывающимся самому себе, является Dasein, человек, то мы занимаемся человеком. Таким образом, у Хайдеггера онтология отождествляется с антропологией (или, точнее, таким образом преодолевается их различие). Левинас идет дальше и отождествляет метафизику с этикой.

⁵² «Человеческое – движение к Другому как прорыв человеческого в бытии, иное, чем бытие, как отделение от нейтрального и безличного бытия».

⁵³ «Мощным законом бытия является закон инерции. Но в том же бытии возникло человеческое, значит оно смогло побороть инертность. Человеческое – это «скандал» в бытии».

⁵⁴ Подобно тому, как в «Третьем размышлении» Декарта идея бесконечного превосходит *cogito*, обнаруживающее ее в себе. Это обнаружение исключает момент инициативы со стороны Я.

⁵⁵ «Этическое отношение не вырастает из предварительного отношения познания. Это – основание, а не настройка».

⁵⁶ «Встреча является первоначальной и необходимой конъюнктурой значения языка: кто-нибудь, говорящий «я», направляется к другому человеку».

⁵⁷ Тут, по мнению автора, можно увидеть влияние Хайдеггера, когда «я – *есть* мои возможности» (где глагол «есть» - переходный).

⁵⁸ Вот как звучат эти слова в чисто этическом измерении: «...я приближаюсь к бесконечному в той мере, в какой забываю о себе ради смотрящего на меня ближнего; я приближаюсь к бесконечному, жертвуя собой».

⁵⁹ Стоит заметить, что Левинас четко разделял метафизическое Желание (которое невозможно удовлетворить, которое лишь усугубляет потребность в ...) и гегелевскую (репрессирующую и необходимую) нужду (потребность): «Желание есть стремление, вызываемое Желаемым: оно рождается от своего «объекта», оно – откровение, в то время как потребность – это пустота души, исходящая от субъекта»; «...желание отлично от нужды, от потребности, которую можно удовлетворить; желание – это «потребность в Другом», в другом человеке, который, как желаемый, не утоляет моего голода, но, питая меня, только пробуждает во мне сильнейший голод».

⁶⁰ «Целью первого пробуждения желания является Другой. Это желание абсолютно лишено эгоизма, имя его справедливость».

⁶¹ «Бесконечность бесконечного измеряет Желание, поскольку оно отмеряет посредством самой невозможности измерения».

⁶² «Метафизическое Желание парит над жизнью, и здесь нельзя говорить о насыщении».

⁶³ У которого он позаимствовал и главные категории собственной философии: Тожественное и Иное. Он пишет: «Именно Платон наряду с нуждой, удовлетворение которой означает заполнение пустоты, предвидит также устремления, которым не предшествует ни страдание, ни нужда и в которых мы угадываем очертания Желания, потребности того, кто не испытывает нехватки, чаяния того, кто полностью владеет собственным бытием, кто выходит за пределы этой полноты, кто обладает идеей Вечного».

⁶⁴ Хотя сам Левинас крайне подозрительно относился к еврейской мистике, считая ее вещью опасной.

⁶⁵ Цымцум - самоумаление Бога при творении мира. Сам Левинас не указывал на каббалистические аллюзии в собственном понимании отделения и бесконечного.

⁶⁶ Левинас называет это главным открытием экзистенциализма.

⁶⁷ «Идея бесконечного означает высоту и совершенство, трансценденцию».

⁶⁸ Традиционалисты (да и мы вместе с ними) могли бы увидеть в этом проявление сугубо традиционного мышления.

⁶⁹ «Ощущение выси зарождается благодаря метафизическому желанию. Измерение выси открывается морали. Высь переживается уже в опыте человеческого тела: не потому люди ставят себя под знак выси, что они благодаря своему телу обладают опытом вертикали. Напротив, бытие равняется на высь, и потому человеческое тело помещено в пространство, где различаются верх и низ, и где открывается небо – то небо, которое у Толстого становится для князя Андрея (без единого слова о цвете!) самой высотой. Высь побуждает человеческие общества воздвигать алтари».

Тут вспоминается фрагмент диалога спектакля «Повесть о Прямоходящем человеке» Лаборатории ангелической режиссуры Бориса Юхананова:

- Так значит: как живет мое тело, так и живет моя идея?

- Как живет моя идея, так и живет мое тело!

⁷⁰ Левинас, конечно, несмотря на всю щекотливость «дела Хайдеггера», слишком суров к автору «Бытия и времени». Конечно, легко рассмотреть «репрессивность» мысли Хайдеггера, но в то же время, если внимательно почитать последнего, придется признать, что он как раз-таки принимает сущее (даже в состоянии несокрытости, алетейи) как затворенность и несокрытость одновременно. Вот что мы читаем в «Истоке художественного творения» (Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М.Хайдеггер. - М., 1993. - С. 86): «*Сущностью истины, то есть несокрытости, правит отвергающая неприступность*. Такая отвергающая неприступность не есть какой-либо недостаток или недочет, как было бы, будь истина сплошной несокрытостью, опроставшейся от всего затворенного. Если бы истина могла стать такой, она не была бы сама собой. Сущности истины, то есть несокрытости, принадлежит отвергающая неприступность двоякого сокрытия. (...) Итак, нужно сказать, сказать с чрезмерной даже резкостью, что несокрытости как просветлению принадлежит отвергающая неприступность сокрытия». Это ли не Другой Левинаса, о присутствии которого мы узнаем только по его отсутствию, это ли не о еврейском Боге, являющем себя, скрываясь?

⁷¹ Но и освобождает дискурс последнего от «жала» Тотального.

⁷² «“Здесь” сознания – место его сна и бегства в себя – радикально отличается от Да, включенное в хайдеггеровское Dasein. Последнее уже включает в себя мир. “Здесь”, из которого исходим мы – “здесь” позиции, - предшествует всякому пониманию, любому горизонту и времени».

⁷³ «Прикосновение ilya – это ужас».

Пуа (фр.) – «имеется», безличное существование.

⁷⁴ «Чистое небытие хайдеггеровского страха не составляет ilya».

⁷⁵ Интересно, что Евгений Всеволодович Головин в «Приближении к Снежной Королеве» говорит об алхимии, что это не что иное, как легкомысленная «игнорация “лучшего из возможных миров”».

⁷⁶ «О грамматиологии».

С.Н. ЧУВИН

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭКОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ТЕХНОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Экотехнологическая трансформация человека – это изменение биосоциальной природы человека и его интеграция с техникой и техносферой в целом под воздействием ряда факторов, и в первую очередь наукотехники [8, с.45].

В данной статье проанализированы некоторые изменения в образе жизни, психологии, поведении, общении людей, произошедшие в современном обществе за последние 50-60 лет его развития.

Цепь политических, экономических, культурных перемен в XX веке привели к возможности беспрепятственного перемещения людей, товаров, технологий, природных и интеллектуальных ресурсов, услуг, информации по всему миру, несмотря на государственные границы. Особое место занимает глобализирующийся процесс урбанизации, ведущий к формированию в различных регионах мира унифицированной городской среды. В экономической, культурной, бытовой сферах жизни мегаполисы разных стран становятся похожими друг на друга. Идет универсализация науки и образования, социальных связей и ценностей. Одним словом, в развитых странах идёт становление единого образа жизни. Но хочется отметить, что если раньше человек и природа успевали адаптироваться к новым явлениям прогресса, то сейчас время стремительных процессов работает против нас. Как известно, научные и производственные мощности позволяют удваивать скорость компьютерных процессоров каждые полгода, и это далеко не предел. Информационная революция привела к тому, что большую часть своего времени люди вынуждены посвятить поиску и обработке нужной информации. В связи с этим Э. Фромм говорил: «Человек чувствует себя ещё ничтожнее, когда ему противостоит не только система предприятий, но и целый, почти самоуправляющийся мир компонентов, думающих быстрее, а нередко и правильнее его» [7, с.9]. Что же нужно «удваивать», «утраивать»... «удесятерять» людям, чтобы угнаться за НТП, собственным детищем, который информацию и технику из средств деятельности человека превратил в среду его обитания? А может быть, стоит подробнее проанализировать прошлое и попытаться понять, когда же наука и вслед за ней техника «вышли из-под

контроля», став саморазвивающейся системой, воздействующей на человечество и отдельного человеческого индивида?

Еще сравнительно недавно – всего полвека назад – наука и техника функционировали вместе с процессами, которые развивались в сфере производства, не затрагивая коренным образом общественные основы жизнедеятельности людей. Несмотря на отдельные блестящие достижения естествознания, научные исследования в глазах многих оставались занятием, важности которого можно было отдавать должное, но которое нельзя было в широких масштабах включать в сферу деловых интересов. Соответственно и деятельность ученых продолжала восприниматься традиционно: лишь как непонятный широким кругам труд одиночек, занятых созерцанием явлений природы. Но скоро стало очевидным, что даже самые абстрактные разделы науки имеют тесную связь не только с техникой, но и с социально-экономической жизнью, политикой (атомное оружие, например, является серьёзным «политическим» аргументом). Однако невиданное ранее непосредственное влияние науки и онаученной техники на дела людей обнаруживается, разумеется, не только в том, что вследствие её военного применения открытым оказался вопрос жизни или смерти человечества. Непосредственно характер этого влияния дает о себе знать, как оказывается, и в сфере созидания, в повседневной жизни населения. Какие это будет иметь последствия для самого человека и общества, в котором мы живем, и какие острейшие человеческие проблемы возникают в связи с этим сегодня? Если попытаться коротко ответить на поставленные вопросы и определить тем самым главную социальную проблему, то ответ может звучать так: чем выше уровень развития производительных сил, техники, технологии, производства, а заодно и всей человеческой деятельности, тем выше должна быть степень развития общественного организма и самого человека в его взаимодействии с окружающими людьми, природой и т.д.

В условиях, когда наука и техника дают человечеству в целом и каждому из нас в отдельности такую силу и власть над природой, о которых прежние поколения и не мечтали, одно из противоречий НТП состоит в том, что он высвобождает человеку время для отдыха, облегчает труд, но незаметно приучает нас к прагматизму и делает излишне расчётливыми, рациональными. А нравственность не всегда требует мотивации. Техника, окружая нас, изменяется быстро, а человек прогрессирует медленнее. Первый руководитель Римского клуба А. Печчеи в своей известной книге «Человеческие качества» указывал на то, что человек в индустриальную эпоху сам должен изменяться быстро, чтобы соответствовать изменившемуся миру. Но такие взаимоизменения человека и земного мира могут оказаться бесконечными, и тогда не останется ничего ни от нынешнего мира, ни от нынешнего биосферного человека.

Интересно в связи с этим и замечание В.А. Кутырева, который справедливо отмечает, что «если новая, марксистская философия ставила

вопрос не только об объяснении, но и изменении мира, то сейчас речь идёт уже о сохранении мира как мира человека» [4, с.205].

Интенсификация производства, а вместе с тем и жизни человека создаёт некий духовный вакуум. Появляется дефицит искусства – человек чувствует нехватку красоты, нравственности, и люди сами пытаются как-то уравновесить недостающую духовность доступными им средствами.

Ещё большей трудностью на этом пути сегодня становится наше чрезмерное преклонение перед возможностями науки, робость, слепое восхищение успехами и силой новейшей техники. Параллельно с созданием искусственного интеллекта идёт непроизвольное объединение человека и компьютера, особенно в плане замены последним реальной жизни. В.А.Кутырев замечает следующее: «Есть достаточно много людей, для кого информационно-компьютерное бытие важнее традиционного, ибо основную часть времени они взаимодействуют с экраном, не нуждаясь в предметных прототипах. Потребности собственного тела – досадная помеха, препятствующая им окончательно слиться с океаном информации, чтобы свободно купаться в его волнах (сетях)» [4, с.138]. Как знать, может быть именно человек, вернее его разум, помещённый в компьютер, и поможет в создании пресловутого искусственного интеллекта. Человек хочет превратить себя в киборга, слиться с машиной, чтобы улучшить свои физические и интеллектуальные показатели (практические опыты в этом направлении ведёт, например, Кевин Уорвик, пытаясь срастить человеческое тело и микросхемы). Но действительно ли необходим этот решительный шаг, оправдан ли он? Время покажет. Пока что от чрезмерного наполнения быта машинами страдает человеческая психика, меняется отношение людей к своей деятельности. Налицо следующая тенденция: человек придумывает всё новые и новые машины, чтобы возложить на них те действия, в выполнении которых он сам не очень преуспел, ибо машина осуществляет их гораздо быстрее или лучше. Действительно, уже сегодня роботы-хирурги намного точнее людей подгоняют протезы суставов при операциях – так пусть они этим и занимаются. Автопилоты без ошибок водят самолеты и корабли по трассам – пусть они и делают эту работу. А завтра мы пошлем киберразведчиков на окраины Солнечной системы, станем поручать им самые опасные задания. А сами тем временем займемся решением тех проблем, которые машинам не осилить. Но опять-таки решать их будем с помощью машин. Вспомните, на каких условиях Гарри Каспаров согласился вести дальнейшее соревнование с «Deer Blue»? Чемпион мира по шахматам среди людей пользовался подсказками своего компьютера, чтобы не терять времени и сил на анализ тех комбинаций, которые по силам просчитать и машине. Сам же человек берет на себя те задачи, в решении которых машина еще уступает ему. За ним остаётся право решающего голоса, решения, которое компьютер сделать не сможет. «Поскольку машины берут на себя рутинные операции, а ускорение меняет окружающую обстановку, всё большая часть энергии общества (и его организаций) должна быть направлена на решение нестандартных проблем», –

так считал ещё в начале 70-х гг. прошлого века американский футуролог Тоффлер, и с ним можно согласиться: прогноз-утверждение оказался верен [6, с.163].

Также Тоффлер писал: «Многое из того, что сейчас поражает нас своей непостижимостью, предстало бы иным, если бы мы по-новому взглянули на то, как перемены набирают скорость, из-за которой реальность иногда кажется калейдоскопом. Ибо убыстрение перемен не просто ударяет по промышленности или странам. Это конкретная сила, которая глубоко проникает в нашу частную жизнь, заставляет нас играть новые роли и ставит нас перед лицом опасности новой и сильно подрывающей душевное равновесие психологической болезни. Эту новую болезнь можно назвать «шок будущего», и знание её причин и симптомов помогает объяснить многое, что в противном случае не поддаётся рациональному анализу» [6, с.22]. Действительно, можно сказать, что человечество подверглось подобным изменениям оттого, что перестало выполнять «предписания» матери-природы. В результате научного прогресса, принявшего непредсказуемый характер, перемены, происходящие вокруг нас, напоминают снежный обвал.

Взять хотя бы то огромное количество информации, что обрушивается на человека ежедневно. Войти в XXI век образованным человеком можно, только хорошо владея информационными технологиями. Ведь деятельность людей во все большей степени зависит от их информированности, способности эффективно использовать информацию. Бурное развитие компьютерной техники послужило толчком к развитию общества, построенного на использовании различной информации и получившего название информационного. Возрастание объема информации стало особенно заметно в середине XX века. Она хлынула на человека, не давая ему возможности воспринять всё в полной мере. В ежедневно появляющемся новом потоке знаний ориентироваться становится все труднее, а порой и невозможно, как невозможно идти в противоположные стороны. Тоффлер в своей книге «Шок будущего» приводит рассуждения учёного Д.Г. Миллера, который специализируется на исследовании душевного здоровья. Вот что тот говорит: «Механизм человеческого поведения ломается под действием перегрузки информацией... но уже сейчас, не понимая её потенциального влияния, мы увеличиваем скорости изменений в обществе. Мы давим на людей, заставляя их адаптироваться к новым ритмам жизни... мы побуждаем их обрабатывать информацию с гораздо большей скоростью. Поэтому можно не сомневаться, что мы подвергаем их перевозбуждению сознания» [6, с.386].

Современные исследования подтверждают это. Человек «потерялся» в потоке информации, характер которой во многом отнюдь не гуманистический и которая предъявляет людям требования, порой несовместимые с их нравственными убеждениями. Засилье рекламы (этой «корыстной» информации) и всепроницающая сила СМИ, которые тиражируют её по всему миру, урбанистический фактор «скученности» населения порождают очень неприятное явление под названием «потребительская психология».

Начинается всё с желания быть «таким, как все», а заканчивается, по сути дела, частичным выпадением человека из созидательной жизни и включением его в жизнь потребительскую. Это провоцирует всё более разрастающийся кризис духовности, о котором говорят сейчас многие передовые люди нашего времени. Вслед за необратимыми изменениями в физической природе человека происходит деградация его социальных, умственных, т.е. собственно человеческих качеств – способности к пониманию прекрасного, способности сострадать, – утрата высоких идеалов. В.А.Кутырев осмысливает эту тенденцию на примере явления, которое называет экономизмом: «Капиталистическая общественно-экономическая формация переросла в формацию, истиной функционирования и идеологией которой является экономизм. Экономизм – это когда через призму рентабельности рассматривается практически всё, что существует... экономизм – социально институционализированный эгоизм. В результате духовность вытесняется на периферию жизни, в филантропию, а от обозначающих её слов остаются пустые оболочки» [5, с.61].

Вообще, непомерная нагрузка на окружающую среду вызвана, пожалуй, двумя основными причинами: во-первых, взрывообразным ростом численности населения во многих регионах планеты, а во-вторых, появлением гипертрофированной потребительской психологии. Если в начале XX века не существовало даже понятия «телевидение», то в наши дни большинство людей считают жизнь без телевизора ненормальной. Если в 60-х гг. даже горожане часто ходили пешком или пользовались общественным транспортом, то в конце 90-х гг. очень многие люди уже имели личные автомобили. Постоянно растущее производство товаров (многие из которых не являются столь уж необходимыми для жизни людей) ускоряет истощение ресурсов и увеличивает загрязнение окружающей среды. Кажется, что это можно остановить, воззвав к здравому смыслу человечества (притом, что в мире в целом наблюдается подъём экологического сознания). Однако, как пишет И. Валлерстайн, «многие люди хотят располагать как большим числом деревьев на планете, так и большим количеством материальных благ для себя лично, и в их сознании эти стремления попросту разделяются» [1, с.109]. Даже многочисленные производственно-технологические изыски, призванные снизить нагрузку на биосферу, не снимают необходимости разумного самоограничения. Речь, безусловно, не идёт о том, чтобы «возвратиться в пещеры». Необходимо понять, что человеку действительно нужно, а что – нет. Однако на пути разумного самоограничения есть существенные препятствия.

Первое из них – стереотипы потребления: «Многие это носят, а я что – хуже?» или «По телевизору очень хвалили этот товар» и т. д. Переломить их гораздо труднее, чем сделать самое выдающееся открытие.

Второе препятствие – интересы производителей, прилагающих все усилия, чтобы увеличить потребление своей продукции вне зависимости от того, нужна ли она кому-либо на самом деле. В странах с рыночной экономикой уже давно возник порочный круг: для удовлетворения

возрастающего спроса на какой-либо товар создаются новые компании, которые с целью увеличения прибыли искусственно поощряют спрос (например, интенсивно рекламируя свой товар). Расширенный спрос порождает расширение предложения и т. д. К тому же, как отмечает И. Валлерстайн, «причиной деградации окружающей среды оказалась потребность предпринимателей скрывать издержки и недостаток стимулов к принятию экологически целесообразных решений» [1, с.116].

И, наконец, третье препятствие – неустойчивость оптимальных стратегий развития. Так, для снижения потребления ресурсов и уменьшения загрязнения окружающей среды оптимальная стратегия всех государств, групп людей и отдельных личностей – полное прекращение производства и использования вооружений. Однако если какое-либо государство начнёт следовать оптимальной стратегии, оно окажется в проигрыше, поскольку будет неминуемо подмято своими вооружёнными соседями.

Поэтому стратегия, связанная с отказом от вооружений, неустойчива, и ни одно государство ей в полном объёме не следует. Переход к оптимальным стратегиям – величайшая проблема человеческого общества, решение которой пока не найдено.

В принципе, ослабить давление человечества на природу может помочь наука, но рассчитывать на неё одну – бесполезно. Учёные и инженеры способны разработать новые методы очистки выбросов, но не способны заставить предприятия устанавливать очистные сооружения – это забота юристов. Недостаточно создать безопасные технологии – необходимо добыть огромные средства на их внедрение. Это задача политиков и экономистов. Наука может помочь разработать безопасную стратегию, но никогда не убедит людей ей следовать, пока они не захотят этого сами.

Может быть, пока рано бить тревогу, называя всё это поступательным движением или необходимыми жертвами во имя прогресса, но никак нельзя назвать сложившуюся ситуацию прогрессирующей. Люди становятся безличными, они органичны лишь для товарно-производственных отношений. Ещё Э. Фромм обращал внимание на то, что в индустриальном обществе человеку противостоит колоссальная организационная система – государство и промышленность, которые полностью превращают его в объект, происходит «овещнение» человека. Сходные мысли высказывает и Ф.Г. Юнгер. Он пишет, что «стремление целиком подчинить человека требованиям технической рациональности, утилитарному функционализму, который ничего не оставляет вне сферы своего влияния, постепенно подавляет духовное противостояние человека, его волю к сопротивлению... всё инстинктивное, тёмное в человеке, его смутные волевые порывы и путаница мыслей не побеждаются, а только умножаются» [9, с.198].

Между людьми отмечается уже не общение, а коммуникация в рамках искусственного общества, искусственной среды. В.А. Кутырев очень удачно описывает подобную систему: «Основная масса людей живёт в урбанистических комплексах, и наиболее прогрессивная часть человечества с

естественным, помимо своего тела, не сталкивается вовсе... часть и целое, элемент и система, организм и биоценоз взаимообусловлены, и искусственное окружение не может не трансформировать человека в соответствующее себе состояние как в телесном, так и в духовном плане» [4, с.138].

Вообще, само межличностное человеческое общение претерпевает сейчас некоторые изменения – как положительные, так и, к сожалению, отрицательные. Появление Интернета, электронной почты, доступной мобильной связи позволяет людям расширить круг знакомств, оперативно связаться с нужным человеком, получить необходимую информацию. Интернет-конференции (форумы) дают возможность общаться одновременно многим, зачастую даже незнакомым людям, что ускоряет принятие решений, открывает возможность получить консультацию практически по любому вопросу, «не выходя из дома». Оперативность и широта охвата современных средств связи может заставить усомниться в существовании такого параметра, как расстояние: можно находиться на разных континентах и общаться в реальном времени, видя своего собеседника на экране монитора. Всё это налагает на человеческое поведение некий оттенок космополитичности, делая индивида с мобильным телефоном в руке своеобразным «гражданином мира». Но есть и обратная сторона данного процесса.

Общаясь с кем-то «дистанционно», человек не видит его реакцию: он просто держит в руке телефонную трубку, откуда слышен голос собеседника. А как мы знаем, информация, содержащаяся в словах, ещё не составляет всей информации, получаемой при разговоре. Живое, непосредственное общение позволяет наблюдать за собеседником, устанавливать не только голосовой, но и визуальный контакт, оценивать его душевное состояние, готовность к разговору и т.д. Автор, конечно же, не собирается утверждать, что общение по телефону абсолютно лишено сопереживания и особенной человеческой теплоты. Но, общаясь таким образом, мы, по сути дела, говорим с машиной и только потом с человеком. Личная встреча заменяется несколькими минутами разговора или отсылкой SMS – текстового сообщения. Мы привыкаем быть «на связи», предпочитая иметь между собой и миром посредника – мобильный телефон. Подобная стратегия довольно прагматична: человек вынужден говорить коротко и ясно (поскольку за услуги оператора связи нужно платить), передавать только необходимую информацию, оставляя крайне мало времени на эмоции. Довольно распространённым явлением стали школьники, не могущие расстаться с любимым «мобильником» (компьютером) даже на короткое время (при этом не стоит забывать о дискуссиях среди врачей о возможном вреде излучений, создаваемых мобильным телефоном). Они устраивают настоящие истерики, когда родители пытаются ограничить их «диалог» с этими устройствами (подобные заметки можно часто встретить в прессе). Это, конечно же, скорее исключение, чем правило, но, согласимся, есть разница между людьми, один из которых с самого детства привык исключительно к общению, опосредованному машинами, а другой – к живому разговору.

К тому же, раз уж была упомянута семья, необходимо несколько слов сказать о том, чем чревата для этой важнейшей ячейки общества глобальная информатизация и технологизация. Изменение требований к образовательному уровню работника, вернее, изменение самой структуры занятости населения приводит к тому, что женщина хочет работать наравне с мужчиной, поскольку есть все условия для построения её собственной карьеры. Причём зачастую домохозяйка идёт работать не только потому, что в семье не хватает средств. Она испытывает потребность в уважении, чувстве собственной значимости, наконец, желание быть в курсе всех событий. И нередко случается так, что дети вынуждены расти «между» двумя родителями, каждый из которых занят собственным профессиональным ростом.

Анализируя как раз подобные факты, Ю.В. Васильчук пишет, что «на смену семье как коллективной личности... приходит семейный коллектив индивидуализированных личностей» [2, с.62].

Эти и многие другие факторы социально-психологической трансформации человека указывают на то, что людям пора обратить повышенное внимание на стратегию собственного поведения. Можно без преувеличения сказать, что человек находится сейчас в очень сложном положении: он вынужден выбирать между Природой, от которой произошёл, и Техникой (Техносферой), к которой стремится всем своим существом. А может быть, выбор уже сделан, и не только развитие совместно с искусственным миром, но и сам искусственный мир, приходящий на смену биосферному, не остановить. Очень сложно дискутировать по этому вопросу, применяя лишь категории «хорошо»-«плохо», но никогда не стоит забывать о том, что человек является хозяином своей истории и должен оставаться Человеком, если не хочет присутствовать при закате своей цивилизации. Вот почему необходимо сделать решительный поворот к сохранению биосферы Земли и биосферного человека, гармонии в нём «био» и «социо», устранив все отрицательные моменты биологической и социально-психологической трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн. – М., 2003.
2. Васильчук, Ю.В. Фактор интеллекта в социальном развитии человека / Ю.В. Васильчук // Общественные науки и современность. – 2005. – №1.
3. Кутырев, В.А. Пост-пред-гипер-контр-модернизм: концы и начала / В.А. Кутырев // Вопросы философии. – 1998. – №5.
4. Кутырев, В.А. Духовность, экономизм и «после»: драма взаимодействия / В.А. Кутырев // Вопросы философии. – 2001. – №8.
5. Тоффлер, Э. Шок будущего: [пер. с англ.] / Э. Тоффлер. – М., 2002.
6. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 1990.
7. Чувин, С.Н. Экотехнологическая трансформация человека в техногенном обществе / С.Н. Чувин // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. – Брянск, 2003. – Вып. 1.

8. Юнгер, Ф.Г. Совершенство техники / Ф.Г. Юнгер // Совершенство техники. Машина и собственность. – СПб., 2002.

С.Н. ЧУВИН

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТЕХНОГЕННОМ МИРЕ

В данной статье нас будет интересовать биологическая составляющая экотехнологической трансформации человека, а конкретнее – наиболее заметные и негативные изменения, произошедшие в некоторых системах человеческого организма в новых для него техносферных условиях развития.

Зависимость человека от новой «природы», техносферы, созданной им самим, – технико-машинная зависимость и зависимость от искусственного предметного и электромагнитного мира – явилась основой для начала процессов глобальных изменений в человеческом теле. Человек совсем еще не приспособился к той новой действительности, которая стала нарастающе складываться с XVII века под воздействием промышленных, а затем и научно-технических революций. Неподготовленность к такому переходу обусловлена скоростью, с которой он происходит. Раньше человек и природа успевали адаптироваться к новым явлениям прогресса; сейчас же время стремительных процессов работает против нас. А.В. Толстоухов отмечает в связи с этим, что «хотя человек и в предшествующие эпохи испытывал страх перед опасностями, исходящими от чуждого ему мира, тем не менее тогда эти опасности... были ощутимы его органами чувств. Теперь же... несколько десятков безобидных веществ, находящихся в ПДК, вступая в химические реакции с другими веществами... нередко порождают такие типы ядов, отравляющие биосферу, которые не обладают ни цветом, ни запахом, ни вкусом, но которые способны вызывать неизлечимые патологии и даже распад генома человека» [10, с.57].

Анализ существующих тенденций глобального общественного развития позволяет, например, Э.С. Демиденко сделать следующие выводы: «*Во-первых*, идёт быстрая и нарастающая деградация биосферного человека по мере его перехода в техносферные условия жизнедеятельности... *во-вторых*, осуществляется нарастающая интеграция человека с техносферой на самых разных уровнях... *в-третьих*, началось «вымывание» биосферного человека и формирование в облике современного кроманьонца человека техносферного, а по сути – биотехносоциального существа...» [2, с.81].

Даже тот факт, что средняя продолжительность жизни увеличилась, не должен настраивать нас на оптимистический лад: ведь во многом это произошло благодаря усилиям медицины. К тому же, как отмечает Э.С. Демиденко, «былые надежды на медицину пока что не оправдываются,

хотя она имеет немалые заслуги перед человечеством, особенно в области поднятия средней продолжительности жизни за счёт борьбы с инфекционными и рядом других заболеваний: с 30-35 лет в земледельческом обществе до 70-80 лет в индустриально развитом обществе» [3, с.162].

Воздействие урбанизированной среды на состояние здоровья людей во многом разрушительно: достаточно рассмотреть лишь некоторые изменения, происходящие с человеческим организмом в городе.

Так, неуклонно снижается уровень общего физического развития: этому способствуют малоподвижный образ жизни, работа, зачастую не требующая больших затрат физического труда, поездки на городском транспорте, нехватка времени на занятия спортом и пр. Это приводит к росту избыточного веса – и как следствие к сопутствующим сердечно-сосудистым заболеваниям, – негативным изменениям опорно-двигательного аппарата (артриты, искривление позвоночника и пр.) и т.п.

В условиях городской жизни могут нарушаться биологические ритмы – важнейший механизм регуляции функций биологических систем (формирующийся, как правило, под воздействием абиотических факторов). Прежде всего, это относится к так называемым циркадным ритмам: использование искусственного освещения стало новым экологическим фактором, продлившим световой день. Деление людей на «сов» и «жаворонков» совершенно не учитывается при организации учебных занятий и производства, что приводит к быстрой утомляемости, расстройствам нервной системы, стрессам и пр. Да и переходы на «летнее» и «зимнее» время в последние годы рассматриваются медиками исключительно как вредные для организма человека события. На всё это накладывается десинхроноз, возникает смещение прежних биоритмов, что вызывает болезни, связанные с нарушением фотопериодизма, у живущих в городе.

Одной из основных новых патологических черт (более подробно речь о ней пойдёт позднее) в городской среде является аллергизация населения. Причиной аллергических заболеваний (бронхиальная астма, крапивница, лекарственная аллергия и пр.) является нарушенная иммунная система человека. Ранее она находилась в равновесии с природной средой, но, столкнувшись в городской среде с рядом совершенно новых веществ (бензин, хлорамин, бытовая химия и пр.), не успела перестроиться.

Онкологическая заболеваемость – другой фактор, указывающий на неблагополучие местности, где проживают люди. Эти заболевания вызваны опухолями – избыточным патологическим разрастанием тканей, которое происходит под воздействием на организм канцерогенных веществ. Они содержатся в воздухе, загрязнённом промышленными выбросами, в табачном дыме, саже и пр. Многие канцерогенные вещества оказывают мутагенное воздействие на организм. Вообще, раковые заболевания можно рассматривать как результат разбалансировки организма, его реакцию на превышение пороговой концентрации загрязнителей воздуха, воды, т.е. рак возникает тогда, когда становится невозможна нормальная регуляция функций

организма. Вследствие этого очень ярко выражена зависимость между раковыми заболеваниями и экологической обстановкой, т.е. качеством окружающей среды, в том числе и городской (в экономически развитых странах смертность от рака стоит на втором месте после сердечно-сосудистых заболеваний).

Современное состояние человека как биологического вида можно охарактеризовать также и следующими изменениями, происходящими в последнее время в городской среде: ростом близорукости и кариеса зубов у школьников, возрастанием удельного веса хронических заболеваний, появлением «профессиональных заболеваний» и т.п.

Вот что пишет по этому поводу В.П. Рачков: «Наше здоровье стало намного более хрупким, у человека нет больше той же сопротивляемости к боли, к усталости, к лишениям, что было в предыдущие периоды развития человечества... понизилась сопротивляемость внутренним и внешним агрессиям, он более чувствителен к инфекциям, страдает значительным снижением способностей чувствовать, осязать, обонять, видеть, слышать. Его одолевает бессонница, тоска, клаустрофобия. Короче говоря, у нас нет больше шансов выжить, мы живём дольше, но жизнь сегодня стала беднее, и мы не имеем той жизненной силы, что наши предки. Мы вынуждены бесконечно компенсировать новые недостатки искусственными средствами, и так до бесконечности» [8, с.52].

Итак, охарактеризуем несколько подробнее некоторые из систем человеческого организма с точки зрения их изменения под воздействием неблагоприятных факторов окружающей среды.

Система генов (*генотип*, а в масштабе всего человечества - *генофонд*) – эта своеобразная «инструкция» по развитию тела человека и его физиологических особенностей – претерпела в современных условиях ряд изменений техногенного характера, на что указывает, например, В.З. Тарантул. Он пишет, что «в нашу эпоху генофонд человечества испытывает всё увеличивающуюся нагрузку в виде радиационного, химического и электромагнитного загрязнения среды обитания, что влечёт за собой увеличение количества мутаций, связанных с развитием различных патологий, в частности опухолевых заболеваний» [9, с.308].

Мутации, возникающие в генетическом коде человека, вызывают сбои в работе генов, что влечёт за собой различные дефекты в его организме. Как известно, развитие каждой клетки определяется сочетанием генов, а при вредных мутациях – определённых изменениях в последовательности нуклеотидов ДНК – возникают наследственные заболевания. Если же мы говорим о зародышевых клетках, то большая часть подобных расстройств связана с неблагоприятными воздействиями среды на организм беременной женщины. Под этими воздействиями следует понимать как прямое влияние техносферы (различные излучения, новые химические соединения, тяжёлые металлы), так и инфекционные заболевания, некоторые лекарства, стрессы и пр. Как отмечает В.И. Барабаш, «катастрофическое воздействие на генную

систему человека (и всех животных и насекомых) оказывает электронно-магнитное излучение (ЭМИ), а также инфра- и ультразвук и СВЧ-излучение – электронный смог. Его генетический эффект максимально проявляется во втором-третьем поколении. ЭМИ истощает деятельность мозга и эндокринной системы, вызывает психические расстройства и, подобно наркотикам и алкоголю, «производит дебилов» [1, с.203-206]. Однако врачи-генетики уверены, что в недалёком будущем при необходимости в организм можно будет вводить здоровые гены, которые будут работать вместо больных (уже сейчас разработаны методы такой «генотерапии» для некоторых тяжёлых наследственных болезней).

Но не наступает ли время осмыслить потенциал медицинских новаций в свете их негативного влияния на дальнейшее развитие человечества? Так ли медики правы в своём непреодолимом стремлении спасти любую жизнь? Так, сохранение жизни ослабленных новорожденных детей гуманно и в то же время частично античеловечно: ведь спасая обречённых с точки зрения эволюции людей, медицина берёт на себя огромную ответственность за генетическое здоровье будущих поколений. Где уверенность, что «снежный ком» генетических ошибок не подомнёт под себя человеческую расу? Да, определённые шаги в исправлении повреждённых генов сделаны, но до массового внедрения этих медицинских технологий и тотального геномного контроля ещё сравнительно далеко. К тому же для контроля генетического здоровья человечества необходимо создание всеобщего банка генов, из которого будет браться «чистый» материал. Также для преодоления опасности засорения генофонда нужна трансформация системы здравоохранения, с тем чтобы квалифицированная медицинская помощь и контроль стали доступны всем.

Иммунная система не только защищает организм от инфекций, но и ограждает от проникновения чужеродных веществ, продлевает молодость, губит раковые клетки. И именно на эту систему обрушился основной удар новой сферы обитания человека. Согласно Г.И. Царегородцеву, «технический прогресс вызвал к жизни массу новых факторов (новые химические вещества, различные виды радиации и т.д.), перед которыми человек как представитель биологического вида практически беззащитен. У него нет эволюционно выработанных механизмов защиты от их воздействия» [11, с.412]. Бесспорно, что поддерживаемый всё новыми и новыми сильнодействующими лекарствами и вакцинами иммунитет человека способен справиться со многими болезнетворными микроорганизмами и вирусами; медицина также владеет сейчас методикой проведения операций, когда организм не отторгает пересаженные органы, давая пациенту шанс выжить. Однако многие «новинки» современной цивилизации пришлось иммунной системе человека «не по вкусу». Атмосфера наполнилась ядовитыми выбросами предприятий и автомобильными выхлопами, наши дома – бытовой химией, синтетические полимеры вытеснили натуральные ткани и деревянную мебель...

Под напором этого нездорового изобилия иммунная система человека стала всё чаще давать сбои (например, принимать безобидную цветочную пыльцу, бок о бок с которой человек просуществовал не одно столетие, за вредное и опасное вещество), в результате которых в список болезней цивилизации попала аллергия. Однако это не так страшно, как тенденция к общему ослаблению иммунной системы. Стараниями медицины, которая стала, по сути, «аппаратом» по искусственному поддержанию иммунитета, стараниями людей, употребляющих множество не всегда нужных и полезных лекарств, иммунитет разрушается, появляются совершенно новые штаммы вирусов и инфекций, более стойкие к антибиотикам и другим лекарствам. Новые болезни (СПИД, СПИН и т.д.) уже повсюду терроризируют человечество, а проживание большинства людей в неблагоприятной урбанизированно-техносферной среде даёт мало шансов на «честную», естественную борьбу иммунитета с современными напастями.

Эндокринная система управляет всеми жизненно важными функциями организма и согласует работу отдельных клеток, органов и систем. Это своеобразный «дирижёр» человеческого тела и всех процессов, происходящих в нём. Но если применить вполне уместное в данном случае иносказание, то, столкнувшись в современном обществе вместо благодарных зрителей с шумной и невоспитанной толпой, «дирижёр» растерялся, и «оркестр» стал нещадно фальшивить.

Так, большие опасения вызывают у специалистов гормональные добавки, использующиеся при откорме животных. Не так давно, в 1980 г., во Франции прошла широкомасштабная акция по изъятию из продажи детского пюре, в котором использовалась говядина с повышенным содержанием гормонов. У мальчиков первого года жизни, которых кормили этим питанием, заметно увеличивались и округлялись грудные железы, т.е. эндокринная система начинала менять половую ориентацию. Ещё один показательный случай произошёл в Бельгии в начале 90-х гг. XX века. Там в центре внимания оказались цыплята-бройлеры, в шею которым для увеличения роста вводили мужские половые гормоны – андрогены. Люди, покупавшие дешёвые шейки, оказались в больницах с тяжёлыми гормональными расстройствами (там же впоследствии оказались и любители окорочков, в которых концентрация гормонов была ниже).

Конечно, сейчас производители строго следят за качеством своей продукции, но, согласимся, это делается во многом не ради здоровья потребителей, а из-за нежелания вновь оказаться замешанными в скандале и потерять высокие прибыли, которые позволяет получить продажа трансгенных и выращенных с использованием гормональных добавок продуктов (как растительных, так и животных). Во многих супермаркетах Запада под подобного рода товары отведены целые секции, но, как сетуют менеджеры, покупатели туда не особенно-то и стремятся – приходится плотно сотрудничать со странами «третьего мира».

Как пишет В.З. Тарантул, «развитие и внедрение новых биотехнологий сопряжено не только с выгодой, но и с риском для окружающей среды и здоровья человека. В интересах получения коммерческой выгоды транснациональные компании, контролирующие рынок новых биотехнологий, способствуют их ускоренному внедрению без достаточного учета последствий. Новые технологии внедряются быстрее, чем просчитываются их возможные последствия для окружающей среды и здоровья человека. Получение коммерческой прибыли корпорациями, контролирующими отдельные рынки, не всегда совпадает с интересами сохранения окружающей среды и здоровья населения. Поэтому внедрение новых биотехнологий (например, генетически измененных культур) означает рост потенциальной опасности» [9, с.308].

Одной из форм этой опасности в некоторых случаях является патологическое изменение общения «мужчина-женщина». Как утверждает кандидат медицинских наук С. Агарков, «если уровень гормонального обеспечения очень низкий, есть дефицит деятельности эндокринных желез, то тогда действительно возникает состояние, при котором влечение может реализовываться только в психической, а не в физической форме... в этом смысле фригидность может передаваться по наследству (наследуются заболевания эндокринного характера)» [12, с.17]. Естественно, подобный дефицит связан не только с наличием в пище «лишних» гормонов, но и с неблагоприятной в целом экологической ситуацией, влиянием внезапно выросшей техносферы.

Существенную роль в трансформации человека играют и техногенные катастрофы. Весь мир помнит, к чему привела одна из самых страшных таких катастроф ушедшего века – взрыв на ЧАЭС, последствиями которого до сих пор остаются различные нарушения в работе щитовидной железы и геноме у пострадавших.

Серьёзной опасности подвергается и *репродуктивная система* человека. Она меняется внешне, может быть, не так заметно, наука даже постоянно рапортует об успехах в области искусственного оплодотворения, изменения пола плода и устранения его дефектов до рождения. Но это всего лишь следствие (очень тревожное) того, что с репродуктивной системой не всё в порядке, раз медицина вынуждена так рьяно взяться за её всевозможные «коррекции».

Если рассматривать негативные тенденции в репродукции людей, то на первом месте, пожалуй, стоит ухудшение возможности оплодотворения: в сперме современных мужчин стремительно уменьшается количество сперматозоидов. Найденный вроде бы выход – искусственное оплодотворение – не панацея. Если при естественном зачатии в яйцеклетку проникает самый активный сперматозоид, то под окуляром микроскопа в неё вводится произвольный. Да и вообще, «ребёнок из пробирки» (мы говорим не о безвыходных ситуациях, а о нарастающей тенденции) подрывает саму биологию материнства, и, вполне возможно, в нашем техногенном будущем у

женщин исчезнут функции деторождения (останется лишь функция производства яйцеклеток).

Не стоит забывать и о клонировании, которое, по мнению многих писателей-фантастов, заменит естественное воспроизводство человека. Пока ещё об этом говорить, конечно, рано, однако медицина активно теснит «божественный промысел». Если до середины XX века развитие эмбриона и плода человека оставалось прерогативой исключительно Природы, то сейчас есть возможность выбрать и изменить пол ребёнка, что в перспективе позволяет говорить о планировании полового соотношения, а стало быть, и численности населения на Земле; не составляет проблемы подкорректировать негенетические (а в ближайшем будущем и генетические) пороки. Да что там пороки. Скоро женщина не сможет нормально произвести на свет младенца. По этому поводу Э.С. Демиденко замечает: «Если в XIX веке только 4% женщин нуждались при родах в помощи медицины, то сейчас без медицинского вмешательства не может обойтись абсолютное большинство городских женщин. По некоторым данным, во многих родильных домах индустриально развитых стран более половины рожениц вынуждены соглашаться на роды посредством кесарева сечения» [4, с.111].

Согласимся, что успехи науки в исправлении дефектов репродуктивной системы не могут не радовать, но хочется отметить, что усилия нужно прилагать к изучению и устранению факторов, плодящих эти «ошибки» (подобное высказывание справедливо для всех систем человеческого организма). Никакие вмешательства не помогут плоду в утробе матери, которая ежедневно находится в загазованной атмосфере города, употребляет зачастую ненужные лекарства, подвергается воздействию различных излучений, не говоря уже про возможные вредные привычки – курение, употребление наркотиков, алкоголя, - которые если и не убивают плод, то наносят непоправимый вред его здоровью. А ведь это сегодняшняя реальность, и «убежать» из города в чистую сельскую местность могут немногие (вероятно, что скоро это вообще невозможно будет сделать).

Генетическая, репродуктивная, иммунная и эндокринная системы, несомненно, делают в соответствии с вековыми генетическими программами всё возможное для того, чтобы человек биологически оставался человеком. Но они, подорванные неожиданными и глобальными изменениями среды обитания людей, нуждаются в помощи, причём направленной не на их переделку и приспособление к всё более ухудшающимся экологическим условиям, а на разумную регуляцию жизни человека как существа, появившегося и развивающегося на биофундаменте.

Сенсорная система также подвергается деградации, сталкиваясь с изменениями в образе деятельности и жизни человека и негативными факторами воздействия техногенной среды. Естественно, здесь автор имеет в виду городские условия жизни: в сельской местности подобных изменений наблюдается значительно меньше. Можно сказать, что люди в основном страдают от своих профессий (рабочий в шумном цеху скорее расстанется с

острым слухом, а работающий за компьютером – с хорошим зрением) и образа жизни, особенно промышленно-городского, т.е. ежедневного пребывания в цветозвуковой какофонии города, его загрязнённой небiosферными химическими веществами среде. Особенно сильно от этого страдают органы зрения и обоняния: ведь на них обрушивается смесь из выхлопных газов, различных испарений, красок, растворителей и т.д.

Крайне сложная ситуация складывается с молодым поколением: компьютерные игры буквально заставляют ребёнка проводить перед экраном монитора порой по 6-8 часов в сутки (а не по 2-3 часа с десятиминутными перерывами, как это рекомендуют врачи), а плодящиеся как грибы различные компьютерные клубы становятся не самой лучшей альтернативой спортивным секциям или просто прогулкам (разрушительное влияние игр на психику детей также общеизвестно). В довершение ко всему популярно среди подростков времяпровождение на дискотеках, где поп-музыка (реже – музыка других направлений) со своими явно лишними звуковыми децибелами в относительно небольшом пространстве может привести к повреждению барабанных перепонки, более того, к изменениям в коре головного мозга.

К данной проблеме, безусловно, можно подойти и с другой стороны. Так ли нужны человеку «сверхчувства», которые сохранились в дикой природе у животных? Мы ведь уже давно не нуждаемся в чутком слухе и остром обонянии, чтобы добыть себе еду и обеспечить безопасность. Естественно, по сравнению с нашими первобытными предками сенсорная система современного человека сделала шаг назад, став своеобразным «рудиментом», но кое в чём современный человек значительно превзошел даже животных. Сверхчувствительный микрофон направленного действия может донести до нас звук с расстояния километра, бинокли и телескопы существенно приближают предметы; слуховые аппараты, очки, контактные линзы, всевозможные операции - мощные силы под названием «Медицина», «Наука», «Техника» – делают сенсорную систему нынешних людей гораздо совершеннее. Однако представим себе человечество за пределами техносферы, медицинских центров и т.п. Крайне печальная картина... Разрушая свои органы чувств техногенным образом жизни, люди не задумываются о последствиях для всего человечества. Большинство из них настолько загипнотизированы возможностями медицины, что им кажется – «компенсация» совершенной техникой их спасёт, будут восстановлены все повреждённые функции. Они забывают: ни одна машина не сможет передать запах полевых цветов, ни один слуховой аппарат или видеокамера не воспроизведут всю гамму звуков и образов, если генетически поражён либо деградировал слуховой или зрительный нерв. Нередко думают и даже пишут в газетах, что в скором времени люди смогут полностью заменить свою природную сенсорную систему искусственной. Но только вот как же назвать то существо, которое заменило свои природой данные системы на нечто искусственное? В.А. Кутырев по этому поводу отмечает, что «есть искусственное сердце, почки, кожа, суставы, «голубая кровь». Они пока

несовершенны, но важен ведь принцип, тенденция. Дело за тем, чтобы научиться их соединять. Это, видимо, произойдет в процессе преобразования чисто биологического человека в некое симбиозное биотехническое существо...» [7, с.23].

Нет необходимости подробно останавливаться на изменениях, произошедших в других системах организма (кровеносной, дыхательной, выделительной и пр.), можно привести лишь несколько примеров негативного техногенного воздействия на них. Как отмечает А.А. Кудряшева, «в результате загрязнения атмосферного воздуха заболеваемость людей возрастает примерно на 20 %, лёгочными болезнями среди взрослых – на 43 %, сердечно-сосудистыми – на 38 %; в городах с развитой металлургической промышленностью взрослое население в 1,5 раза чаще страдает болезнями органов пищеварения; в регионах размещения предприятий нефтехимии и оргсинтеза в 1,5 – 2 раза. А иногда и в 3 раза выше заболеваемость бронхиальной астмой, аллергией, поражениями кожи и слизистых оболочек по сравнению с относительно чистыми городами» [6, с.36].

В.А. Зубаков пишет, что «эндоэкологическое (на уровне клеточного пространства) отравление (ЭЭО) высших организмов токсинами, тяжелыми металлами и радионуклидами приводит к ответной мутации их геномов. Как для многоклеточного организма вода, воздух, почва и биота в целом представляют окружающую среду, так и для каждой клетки также имеется своя межклеточная окружающая среда внутри организма. Она представляет собой волокна и межтканевую постоянно движущуюся жидкость, в которую с недавних пор стали поступать растворенные в воде тяжелые металлы, химические токсины, а теперь и радионуклиды. Естественно, что организмы за 20-40 лет не научились выводить их из себя – для этого нужны тысячи лет эволюции. Т.е. развивается хроническое отравление – «интоксикоз» межклеточной среды» [5, с.144].

Благополучие и здоровье человека зависят от решения множества проблем. Но внимание большинства учёных пока что сосредоточено «вне» человеческой телесности, и взгляд этот пора менять, поскольку у людей осталось не так уж и много времени, чтобы сохранить неповторимую особенность своего организма, сформированного биосферой и дотехногенным обществом. Изменения в организме в настоящее время определены крупнейшими переменами в образе жизни и среде проживания человека. Поэтому необходимо создать такие условия жизнедеятельности и окружающую среду, чтобы человек, меняясь, остался человеком и не выродился бы в биотехносоциальное существо, которое не способно поддерживать свою жизнь и дееспособность без помощи сложнейшей техники и развитой медицины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабаш, В.И. ЭМИ производят дебилов / В.И. Барабаш // Жизнь и безопасность. –1997. – № 1.

2. Демиденко, Э.С. Перспективы образования в меняющемся мире / Э.С. Демиденко // Социологические исследования. – 2005. – №2.
3. Демиденко, Э.С. Экотехнологическая трансформация общества, человека и природы на пороге третьего тысячелетия / Э.С. Демиденко // Ноосферное восхождение земной жизни. – М., 2003.
4. Демиденко, Э.С. Экотехнологический Апокалипсис или «конец света» природного человека / Э.С. Демиденко // Ноосферное восхождение земной жизни. – М., 2003.
5. Зубаков, В.А. Параметры экогеософской стратегии выживания / В.А. Зубаков // Общественные науки и современность. – 2000. – №5.
6. Кудряшева, А.А. Преступления XX века против здоровья человека / А.А. Кудряшева. – М., 1997.
7. Кутырев, В.А. Познать нельзя помиловать! / В.А. Кутырев // Человек. – 1993. – №1.
8. Рачков, В.П. Техника и её роль в судьбах человечества / В.П. Рачков. – Свердловск, 1991.
9. Тарантул, В.З. Геном человека: Энциклопедия, написанная четырьмя буквами / В.З. Тарантул. – М., 2003.
10. Толстоухов, А.В. Глобальный социальный контекст и контуры эко-будущего / А.В. Толстоухов // Вопросы философии. – 2003. – №8.
11. Царегородцев, Г.И. Социально-гигиенические проблемы научно-технического прогресса. – Диалектика в науках о природе и человеке / Г.И. Царегородцев. – М., 1983. Т.4.
12. Спид-инфо. – 1993. – №1.

А.А. СВИДЕРСКИЙ

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На пути в новое тысячелетие человечество столкнулось с глобальной экологической проблемой, которая явилась отправной точкой развития современной цивилизации. Если в случае локальных экологических проблем было возможно мигрировать в более благополучные районы, изменять тип хозяйства, совершенствуя средства и способы взаимодействия со средой, то глобализация данных проблем потребовала иных способов ответа на «вызов среды», а именно значительных изменений социокультурного плана.

Экологизация ценностно-нормативных систем взаимодействия общества и природы, по мнению автора, представляется ведущей тенденцией современной культуры и, как подчеркивает Л.П. Дубинина, «является отражением глубинной тенденции развития человеческой практики и познания на пути освоения объективной реальности...» [8, с.177]. Сущность этого процесса выражается в приведении ценностей и норм, регулирующих материально-преобразовательную деятельность человека, в соответствие с экологическими принципами гармоничного взаимодействия общества и природы. С содержательной стороны, по словам

О.Н. Яницкого, экологизация культуры «есть двуединый процесс, с одной стороны, превращения особых правил общения с природой во всеобъемлющие нормы культуры, а с другой – распространения всеобщих культурных и этических норм на сферу человеческих взаимоотношений с природой» [30, с.195]. Таким образом, это крайне сложный процесс, требующий синхронных изменений в структуре мировой культуры, вызванный потребностью в поиске универсальных ценностей, что является важным симптомом кризиса человеческого бытия во всемирном масштабе [24, с.52-61].

Задача представляется грандиозной и непростой для решения; как отмечает А.Д. Урсул, «...для того чтобы сохранить себя и биосферу планеты, человечеству предстоит изменить свою экодемографическую стратегию и заставить работать депопуляционные механизмы. Вместо дальнейшей экстенсивной природопреобразовательной экспансии необходимо встать на путь адаптации к земной биосфере...» [27, с.134-135]. Следовательно, чтобы произошли эти революционные изменения в характере взаимодействия общества и природы, необходимы столь же значительные перемены в системе ценностей и норм. По мнению Г.П. Олдак, «...наиболее трудным решением является отказ от той системы ценностей, которая составляет первооснову нашей современной цивилизации» [20, с.164].

В содержательном смысле экологизация современной культуры и деятельности означает в первую очередь формирование экологических ценностей и норм, а также обособление в структуре человеческой деятельности специфической ее формы – экологической деятельности. Таким образом, экологическая деятельность имеет не только внешние материальные стороны [8, с.162-177], но и внутренние, находящиеся в области ее мотивов, целей. В этой деятельности реализуются соответствующие ценности и нормы, в общем виде – определенная экологическая программа культуры.

Необходимо конкретизировать сферу экологической деятельности. По мнению автора, она не тождественна исторически конкретному типу материальной деятельности, которая закономерно имеет определенный экологический эффект (положительный или отрицательный). Так как не вся материальная деятельность соответствует экологической целесообразности, реализует экологические ценности и нормы. Многие стороны и виды материальной деятельности людей несут заведомо разрушительные, деструктивные последствия для природы и самого человека.

Таким образом, экологическая деятельность должна быть направлена на поддержание и воспроизводство биологических систем, сохранение природного разнообразия. «Экодеятельность, - отмечает А.Д. Урсул, - весьма емкое понятие, охватывающее все содержание ныне существующих и планируемых мероприятий и действий по преодолению экологических трудностей, кризисов и всех видов социальной деятельности, которые, так или

иначе, касаются экологической проблемы» [28, с.41]. Кроме того, в структуру экологической деятельности можно ввести также деятельность духовную, связанную с организацией и проведением экологической социализации, направленной на формирование экологического сознания, интериоризацию экологических ценностей и норм.

Сущность экологической деятельности в философской литературе не имеет однозначного толкования, существующие позиции в общем виде соответствуют преобразовательной и созерцательной парадигмам человеческой практики. Большинство отечественных философов рассматривают экологическую деятельность в контексте технологического, качественного повышения ее эффективности – как экономической, так и экологической. Причем последняя понимается по-разному: как постоянное «совершенствование экологической, термодинамической и биогеохимической структуры биосферы» [15, с.148] или как «ориентированность на достижение максимально полезных экологических результатов при наименьших затратах человеческого труда» [28, с.37].

Подобные позиции исходят из утверждения: ведущей тенденцией социобиологической эволюции является постоянное расширение и совершенствование материально-преобразовательной стратегии человека, - что в данном случае выражает сущностные характеристики его деятельности. Кроме того, нередко утверждается, что человек необходимо должен вмешиваться в биосферные процессы, чтобы улучшать их, исправлять ошибки естественного течения природных процессов, которые часто могут становиться причиной локальных экологических кризисов, приводящих к многочисленным человеческим жертвам.

Так, Ю.В. Олейников отмечает: «Само существование и развитие общества становятся невозможными без искусственного поддержания и дальнейшего улучшения окружающей природы, придания ей новых свойств и качеств, благоприятствующих производственным и общесоциальным процессам» [21, с.285]. Единственным ограничением здесь может стать лишь недостаточность возможностей общества в поддержании жизнеспособности природы искусственными средствами [23, с.16]. Большинство представителей социоприродного подхода наряду с преобразованием не отрицают и адаптивные качества деятельности, но отдают безусловный приоритет первому.

В качестве критики подобного подхода необходимо упомянуть, что экологическая эффективность чаще всего представляет собой латентное свойство материально-преобразовательной деятельности, проявляет себя через достаточно большой промежуток времени, в результате чего приоритет отдается экономической эффективности и целесообразности¹ [2, с.256-258]. Поэтому современное производство пока развивается на

¹ В отечественной философской литературе существует мнение о том, что экономическую и экологическую эффективность и целесообразность материально-преобразовательной деятельности можно сочетать при условии максимальной рационализации последней.

противоречии двух факторов: экономического и экологического, - но по мере нарастания экологических противоречий экологичность станет ведущим критерием любой материальной деятельности человека, в том числе будет всецело определять ее сугубо экономические результаты. По мнению Ю.В. Олейникова, «...дальнейшее развитие социума невозможно без экологического производства – целенаправленного производства и воспроизводства людьми биогенных условий, необходимых для их нормальной жизнедеятельности» [22, с.94].

Ряд современных философов, воспроизводя классический пессимизм философии XX века и анализируя негативные последствия технизации среды, крушение сциентистских идеологем, приходят к выводу, что основой экодеятельности должна стать созерцательность, которая свойственна многим традиционным культурам. Именно в созерцательности им видится успешное решение этими культурами проблем взаимодействия общества и природы, особенно зримое в регионах традиционной восточной культуры. «Непосредственно деятельному отношению к миру противостоит экологическое, в котором созерцательность как бы вновь заявляет о своей необходимости и неистребимости» [13, с.124].

Необходимость сознательного ограничения преобразовательной активности человека объясняется тем, что только сама природа обладает способностью к самовоспроизводству и самовосстановлению. Невозможно определить точно минимальный уровень обратимых воздействий [12, с.32], неизвестно, как проявится то или иное изменение естественной среды через длительный промежуток времени. Искусственные биоценозы, агроценозы, даже с учетом использования современных природозащитных технологий являются гораздо менее стабильными, нежели естественные биоценозы. А.В. Кацура отмечает, что «сложно устроенные и отрегулированные за миллионы лет эволюции биоценозы по своей устойчивости намного превосходят более примитивные агроценозы, созданные руками человека» [9, с.143].

Исторический опыт взаимодействия общества со средой показывает, что активное вмешательство в естественно-природные системы с целью их наилучшего развития, с точки зрения человека, практически всегда имело для них негативный эффект, который выражался в нарушении существующих естественных связей природных объектов, а в дальнейшем в гибели и исчезновении целых природных сообществ.

Тем не менее нельзя противопоставлять эти тенденции человеческой практики. «Противопоставление природоохранения и природопользования как альтернативных способов человеческой деятельности, - отмечает, например, Н.Н. Киселев, - приводит к тому, что происходит абсолютизация одного и пренебрежение другим» [10, с.31]. Большинство авторов не отрицают необходимость того и другого, но нерешенным остается вопрос о гармоничном сочетании охраны и преобразования в контексте нарастания экологической угрозы. Попытки ограничивать решение экологической проблемы преимущественно методами одной стратегии действительно

приводят к отрицанию значимости другой, которая, становясь факультативным способом взаимодействия с природой, полностью затеняется первой.

Решение проблемы становится достаточно очевидным в том случае, если учитывать, что эти две стратегии материальной деятельности необходимо сочетаются в целостной конкретно-исторической практике взаимодействия с природой. Отказ от преобразовательной активности, несоответствующий природе человека, как и продуцирование безответственного и безграничного вмешательства в природные процессы, сами по себе крайне разрушительны. Причем разрушают прежде всего самого человека и тот мир культуры, который он создает.

Таким образом, становится весьма актуальным детальное рассмотрение соотношения природоохранной и природопреобразующей деятельности в структуре человеческой практики. Как отмечает Р. Аллен, основной трудностью на пути охраны природы является «убеждение в том, что охрана природы – это узко специализированная деятельность, а не процесс, пронизывающий в обществе все сферы деятельности» [1, с.33]. По мнению автора, основу экологической деятельности должны составлять две эти стратегии, гармонично взаимосвязанные. В связи с тем, что преобразовательный аспект наиболее выражен в материальной деятельности, она не может протекать без изменения определенных природных явлений и процессов. Человеку придется отказаться от самого себя, от всего культурного опыта в случае принятия исключительно адаптивных моделей поведения, например таких, которые характеризуют отношения в животном мире.

Следовательно, преобразовательный аспект деятельности человека является ее атрибутом. Посредством преобразования человек не только получает у природы необходимое для поддержания собственной жизни, удовлетворения потребностей, но и созидает свой жизненный мир и самого себя, проявляет творчество и свободу. Но преобразование – это не только созидание, но и разрушение естественно-природных связей, а следовательно, биологической среды существования человека и самого человека как природного существа. Это противоречие преобразовательной деятельности подводит нас к проблеме экологизации деятельности, которая, очевидно, должна проявиться в ограничении преобразовательной мощи человека.

Экологическая деятельность – это деятельность, отвечающая динамическим свойствам и тенденциям развития среды, в которой она происходит, прежде всего в том, что преобразование необходимо ограничено требованиями биоценозных сообществ, в сохранении их многообразия и развитии. Экологическая деятельность направлена на то, чтобы две системы – общество и природа – стали более устойчивыми, а это предполагает увеличение внутреннего разнообразия каждой из них [25, с.140-141]. «Одним из фундаментальных выводов биоэкологической теории явилось установление противоречия между стратегиями природы и человека: если первая стремится к усложнению и поддержанию структурно-таксономического многообразия

экосистем, то второй – к разрушению природного разнообразия в целях получения максимальной продукции...» [11, с.344]. Необходимо использовать накопившийся за всю историю человечества потенциал культурного разнообразия, который в конечном итоге позволит сохранить и восстановить разнообразие естественно-природное.

Таким образом, экологическая деятельность – это деятельность, интегрирующая все сферы материальной и духовной деятельности человека, направленная на поступательное снижение природоразрушительного воздействия преобразования. Экологизация деятельности проявляется в том, что производство, преобразование связываются напрямую с охраной природы. Логичным является то, что экологизация материально-преобразовательной деятельности должна сопровождаться соответствующими изменениями в системе ценностей и норм, которые непосредственно определяют ее течение и органично входят в структуру деятельности.

Актуальными становятся вопросы о том, как должны измениться наши цели, наше отношение к деятельности, ее структурным элементам и самому деятелю. Экологизация ценностей и норм должна, по-видимому, проявляться в значительных изменениях той системы ценностей, которая свойственна индустриальной, инновационной культуре, приведшей современную цивилизацию на грань гибели. Экологизация культуры предполагает наделение природы новым ценностным содержанием, а значит, повышение значимости природного во всех сферах общественной жизни, в жизни человека, культуре. Современная действительность настоятельно требует природосообразности культуры и человека, а значит, признания природы как самоцели в человеческой деятельности [3, с.91], что противоречит парадигме современной культуры [7, с.223; 14, с.5-42]. «Природа как бы требует от нас – если мы хотим сохранить культуру и собственное свое существование – приспособления нашей культуры к ее, природы, особенностям, тенденциям ее существования и развития; она требует от нас естественной, органичной культуры» [29, с.68]. «Возврат к природе, – как отмечает Н.А. Бердяев, – есть вечный мотив в истории культуры, в нем чувствуется страх гибели культуры, победа техники в культуре...» [4, с.149]. Органичность, природосообразность современной культуры, по мнению автора, достигается путем утверждения в ней экологических ценностей и норм.

Экологические проблемы современности, в некотором смысле усилившие зависимость человека от природы, актуализировавшие отход от преобразовательной стратегии, как считает автор, явились важным условием формирования экологической культуры. «Необходимой предпосылкой к процветанию человечества является осознание им себя не только субъектом, но и объектом природы» [19, с.121]. Этот факт в корне меняет отношение к природе, как к несовершенной, пассивной, бесчувственной субстанции. Возникает возможность понимания природы не только как объекта - носителя ценностей, но и как полноправного субъекта ценностных отношений, так как природа не только создает то многообразие

форм и явлений, которые оценивает человек, но и является бесконечным потенциалом духовной жизни. «Природа и есть главное средство преодоления разрыва материальной и духовной культур» [6, с.77], который лежит в основе современной системы ценностей, где материальное всегда несравненно ниже духовного.

Человек есть динамичное единство биологического, природного и социального, духовного; аксиологический разрыв этого единства разрушителен и для первого, и для второго, об этом свидетельствуют многочисленные примеры в истории мировой культуры. Таким образом, важнейшим условием экологизации современной культуры является принятие принципиального равенства природы и общества, между которыми находится деятельный субъект – человек.

Тем не менее признание самоценности природы не соответствует действительным отношениям, так как, по сути, разрывает естественные ценностные связи между людьми, которые собственно и творят ценности как свой мир, существующий ради них. Природа независимо от человека не имеет ценности, но и человек не может быть независимым от природы. Природа является ценностью лишь вместе с человеком, обществом, а не помимо них. Поэтому стремление сохранить природные сообщества в первозданном виде, т.е. без человека, как предлагает А.С. Мамзин [16, с.10], заранее обречено на неудачу. Спасение природы ради ее самой (без человека) невозможно, так как не соответствует принципам и тенденциям развития культуры. Подобные призывы, даже облеченные религиозным смыслом, не вызовут соответствующих изменений в процессе взаимодействия общества и природы. Противопоставление природы и общества негативно сказывается прежде всего на человеке. «Для тех, кто стремится к триумфу разума в космическом масштабе (космисты), равно как и для тех, кто идеализирует природу, реальные живые люди «как они есть» - лишь помеха на пути к желанной мировой гармонии», – делает замечание Д.Р. Винер [5, с.89].

Таким образом, признание ценности природы отдельно от человека не соответствует сущности экологизации культуры, ибо не рассматривает ценность самого творца культуры и ценностей – человека, не учитывает того, что «субъектом отношений в системе «человек – среда обитания» выступает, в конечном счете, только сам человек, представляя в них и собственно себя, и окружающую среду, изменения которой (в том числе со стороны природного и социального компонентов) есть фактор изменения и самого человека» [26, с.184]. Вне оценивающего субъекта природа не обладает самостоятельной ценностью. Экологизация культуры направлена прежде всего на человека, признание ценности его целостного, социально-биологического бытия, снятие различных форм отчуждения личности. Только на этой основе возможно принятие его единства с природным окружением, развитие ценностного отношения к нему и соответственно ответственной материальной практики, экологической деятельности.

Признание ценности природной основы человека будет способствовать формированию ценностного отношения к природе как к «своему иному»,

интимно и чувственно близкому, разрушение которого есть разрушение самого себя. Признание ценности природы есть и признание ее целостности, в которую включен человек, это определение ее абсолютной внеисторической позитивности, значимости без локализации во времени и пространстве. В этих условиях возможно принятие того, что дальнейшее развитие человечества может состояться только совместно с дальнейшим развитием природы. По утверждению Н.Н. Моисеева, в этом состоит принцип современного антропоцентризма [18, с.33].

Природа как ценность есть, прежде всего, универсальный посредник в отношениях между людьми, связывающий их единым происхождением, событием. Этот путь формирования ценностного отношения к природе следует понимать как утверждение естественных, неотчужденных связей с ней, а соответственно становление на этой основе органичной, естественной культуры. В соответствии с этим формирование гармоничного человека предполагает существенное изменение ценностного отношения к естеству. Так, «его трепет перед природой (восприятие ее как истинной, хорошей, прекрасной и т.д.) однажды будет понят как определенное самопринятие или самопереживание, как способ быть самим собой и полностью дееспособным, способ быть в своем доме, некоторая биологическая аутентичность» [17, с.319]. Путь преодоления отчуждения современного человека от природы вне и внутри себя является единственно возможным способом решения глобальной экологической проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллен, Р. Как спасти Землю / Р. Аллен. – М.: Мысль, 1983.
2. Араб-Оглы, Э.А. Демографические и экологические прогнозы / Э.А. Араб-Оглы. – М.: Статистика, 1978.
3. Ахиезер, А.С. Общественное и биологическое в социальной экологии / А.С. Ахиезер // Горизонты экологического знания. – М., 1986.
4. Бердяев, Н.А. Человек и машина / Н.А. Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – №2.
5. Винер, Д.Р. Экологическая идеология без мифов / Д.Р. Винер // Вопросы философии. – 1995. – №5.
6. Выжлецов, Г.П. Аксиология культуры / Г.П. Выжлецов. – СПб., 1996.
7. Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М., 2003.
8. Дубинина, Л.П. Проблема интеграции и экологизации человеческой деятельности / Л.П. Дубинина // Человек. Философские аспекты сознания и деятельности. – Минск, 1989.
9. Кацура, А.В. Фундаментальное знание и законы экологии / А.В. Кацура // Человек и природа. – М., 1980.
10. Киселев, Н.Н. Мировоззрение и экология / Н.Н. Киселев. – Киев, 1990.
11. Круть, И.В. Введение в общую теорию Земли / И.В. Круть. – М., 1978.
12. Курашов, В.И. Экология и эсхатология / В.И. Курашов // Вопросы философии. – 1995. – №3.
13. Кутырев, В.А. Естественное и искусственное: борьба миров / В.А. Кутырев. – Н. Новгород, 1994.

14. Лисеев, И.К. Современная биология и формирование новых регуляторов культуры. Философский анализ / И.К. Лисеев. – М., 1995.
15. Лось, В.П. Человек и природа / В.П. Лось. – М., 1978.
16. Мамзин, А.С. Философские аспекты природы человека и его взаимодействия с окружающей средой / А.С. Мамзин // Человек и природа. – М., 1980.
17. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – М., 1999.
18. Моисеев, Н.Н. Историческое развитие и экологическое образование / Н.Н. Моисеев. – М., 1995.
19. Новик, И.Б. Экологическая проблема в свете отношения объекта и субъекта / И.Б. Новик, К.Д. Кузьмин // Человек и природа. – М., 1980.
20. Олдак, П.Г. Колокол тревоги: Пределы бесконтрольности и судьбы цивилизации / П.Г. Олдак. – М., 1990.
21. Олейников, Ю.В. Некоторые особенности воздействия общества на природную среду в условиях НТР / Ю.В. Олейников // Философские проблемы глобальной экологии. – М., 1983.
22. Олейников, Ю.В. Природный фактор социально-исторического процесса / Ю.В. Олейников // Философия и общество. – 2003. – №3.
23. Петухов, В.В. Природа и культура / В.В. Петухов. – М., 1996.
24. Соколова, Р. Общечеловеческие ценности: к нетрадиционному пониманию / Р. Соколова // Свободная мысль. – 1994. – № 1.
25. Сухомлинова, В. Система «общество» и «природа»: разнообразие, устойчивость, развитие / В. Сухомлинова // Общественные науки и современность. – 1994. – №4.
26. Урбанизация в условиях капитализма. Социально-экономические противоречия и экологические последствия. – Л., 1988.
27. Урсул, А. На пути к экобезопасному устойчивому развитию цивилизации / А. Урсул // Общественные науки и современность. – 1994. – №4.
28. Урсул, А.Д. О понятии «экологическая деятельность» / А.Д. Урсул // Философские науки. – 1986. – №1.
29. Чавчавадзе, Н.З. Культура и ценности / Н.З. Чавчавадзе. – Тбилиси, 1984.
30. Яницкий, О.Н. Экологические перспективы города / О.Н. Яницкий. – М., 1987.

Н.Л. КОСТИНА

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РЕШЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Во всем мире к началу XXI столетия произошли глубокие изменения в общественном развитии и земной жизни. К основным из них можно отнести процессы бурного развития информационных технологий, накопление огромного количества научной и иной полезной информации, приведшее к возникновению так называемого «информационного взрыва», и, наконец,

переход человечества от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу. На современном этапе развития общества процессы коммуникативно-информационной революции и информатизации затрагивают все без исключения области человеческой деятельности.

Одним из ключевых вопросов конца XX – начала XXI веков является возрастающая роль информационно-коммуникационных технологий, образования, знаний, информации в развитии общества. Все чаще в научных журналах и СМИ говорится о наступлении информационной эры, о том, что новые «способы информации» превалируют, что мы живем в «электронном обществе» и подходим к «виртуальной экономике», движущей силой которой стала информация, что мы уже существуем в условиях «глобальной информационной экономики», что происходит очередной этап технологической и мирной социальной революции – становление информационного общества как составной части постиндустриального, однако до настоящего времени не разработано общей теории информационных технологий как целостной системы взаимосвязанных приемов, методов и средств обработки информации, не определены основные понятия информационных технологий [3, с. 4].

В 60-70-е гг. XX века многие социологи обратили внимание на то, что экономика и общественная жизнь все больше и больше начинают формироваться под воздействием электроники, особенно компьютеров и коммуникаций, в то время как сам производственный процесс уже не является решающим фактором дальнейших социальных перемен. В эти же годы стала утверждаться и позиция, согласно которой *знания (ранее в марксистской теории – труд) способны заменить труд и обеспечить создание и самовозрастание стоимости*. Таким образом, постепенно вырисовывается уточняющая постиндустриализм теория информационного общества, которая получает в конце XX века общее признание социологов и многих других ученых в мире.

Понятие «информационное общество» появилось во второй половине 1960-х гг. Термин «информационное общество» впервые появился в Японии в 1966 г. Он стал основным в докладе специальной группы по научным, техническим и экономическим исследованиям, созданной японским правительством для выработки перспектив развития экономики страны. Специалисты, предложившие этот термин, разъяснили, что он характеризует общество, в котором в изобилии циркулирует высокая по качеству информация, а также есть все необходимые средства для ее хранения, распределения и использования. Информация легко и быстро распространяется по требованиям заинтересованных людей и организаций и выдается им в привычной для них форме. Стоимость пользования информационными услугами настолько невысока, что они доступны каждому.

Набирающая силу информационная революция быстро меняет мир, предоставляя человечеству принципиально новые решения и возможности во многих сферах. Но вместе с очевидными благами, которые она уже дала людям и которых даст еще больше в скором будущем, эта революция несет с

собой и принципиально новые проблемы и противоречия. Среди них – информационное неравенство стран и регионов, проблема правового регулирования сети Интернет, электронной коммерции и налогообложения в этой области, вопросы интеллектуальной собственности, проблема обеспечения безопасности и конфиденциальности информации, соблюдение свободы слова, вопросы цензуры в глобальных компьютерных сетях и др. [6, с.128].

Под воздействием развития информационных технологий, кибернетики и микропроцессорной техники коренным образом начинают изменяться взаимоотношения между государствами. Информационные технологии дают колоссальное преимущество в экономическом развитии и военной технике тем странам, которые максимально используют свой интеллектуальный потенциал.

Если мы обратимся к современному миру, то США в настоящее время тратят на вооружение примерно половину всех мировых затрат и плюс к этому имеют преимущества перед другими государствами в области электронизации вооружений, ведения боя, информационного воздействия на противника и т.п.

Человечество оказалось в XX веке в беспрецедентной ситуации реальной опасности самоуничтожения. Результатом большой термоядерной войны может быть лишь гибель цивилизации, смерть и страдания миллиардов людей, социальная и биологическая деградация оставшихся в живых и их потомков. Не исключена гибель всего живого на поверхности суши.

Огромнейшие экономические преимущества от развития и использования информационных технологий получают Запад и Япония. Их отрыв от других стран стал настолько стремителен, что так называемое «догоняющее развитие» слабо- и среднеразвитых стран осталось в XX веке. А это усугубляет одну из острейших глобальных проблем – неравномерность экономического развития. Если в середине XIX века по среднему доходу на душу населения наиболее развитые страны превосходили слаборазвитые в 5-6 раз, то сейчас – в 70-72 раза; и этот разрыв увеличивается из года в год. Если рынок информационных технологий (ИТ) в мире составляет несколько более 1 трлн долларов, то в США - примерно половину этого. Это позволяет делать вывод о том, что формирование однополярного мира во главе с США представляет собой не только нарастающую глобальную проблему, но и нарастающую опасность для многих стран планеты.

Особое внимание к так называемым проблемам «человеческих качеств» (развития нравственных, интеллектуальных и иных задатков человека, обеспечения здорового образа жизни, нормального психического развития) стало характерной чертой глобалистики начиная со второй половины 70-х гг. Поворот к человеку, духовным основам бытия был не случаен. По сути, он выражает новое понимание глобальной проблематики. Это понимание можно назвать философско-антропологическим. Новый подход противостоит взгляду на глобальные проблемы как на следствие социального устройства, особенностей экономики и техники, а на человека – как на пассивную жертву хода мирового развития. Теперь стало ясно, что судьбы мира в конечном итоге зависят от вопросов духовного порядка.

Существует целый ряд духовных процессов, связанных с ситуацией глобального кризиса человечества: опустошение жизненного пространства, не только разрушающее внешнюю природную среду, но и убивающее в самом человеке всякое благоговение перед красотой и величием природы; бег человечества «наперегонки» с самим собой, подстегивающий гибельное для нас, все ускоряющееся развитие техники, делающий людей слепыми ко всем истинно человеческим ценностям и не оставляющий времени для подлинно человеческого дела - мышления; генетическая деградация; разрыв с традицией; унификация взглядов и потеря индивидуальности. Решение этих проблем в итоге сводится к человеческим качествам и путям их усовершенствования. Ибо только через развитие человеческих качеств и способностей можно добиться гуманного изменения земной цивилизации, сориентированной сейчас пока что на материальные ценности, и использовать ее огромный потенциал на благо всего населения, а не отдельных богатых и «элитных» личностей.

Принципы «нового гуманизма» и новой картины мира подробно рассмотрены учеными Римского клуба. В их изложении основные черты новой духовной позиции таковы: малое против большого, базис против центра, самоопределение против определения извне, естественное против искусственного, ограничение потребления против потребления, экономия против расточительности, мягкость против жесткости и т.д. Новая картина мира поставила в центр истории человека, а не безликие силы. Культурное развитие человека отстало от энергетических и технических возможностей общества. Выход видится в развитии культуры и формировании новых качеств человека, к которым относятся глобальность мышления, любовь к справедливости, отвращение к насилию [4, с.3-9].

В связи с необходимостью формирования новых человеческих качеств на передний план выходят проблемы образования. Именно в системе образования закладывается тот ресурс, который реализуется в последующей жизни человека. Следовательно, от качества образования зависит, как люди будут представлять свое место в мире, на какие ценности будут ориентироваться. От образования же зависит формирование либо перспективного взгляда на ход мирового развития, либо ориентации на сиюминутность. Между тем значение и роль образования недооцениваются. Об этом свидетельствует множество фактов: неграмотность; незначительные расходы бюджетных средств на образование; недостаточное качество образования; неполная реализация творческого потенциала человека в процессе обучения; ориентация не на перспективу, а на текущие запросы и т.д. Как отмечает в своей статье «Перспективы образования в меняющемся мире» доктор философских наук Э.С. Демиденко, сейчас, как никогда, нам нужно «реалистическое понимание развития земного мира и соответствующее выстраивание перспективной реалистической системы образования и воспитания подрастающего поколения» [2, с. 82]. Он обращает внимание на усиление прогностического характера всей системы образования, ее фундаментализацию и информатизацию на основе широкого внедрения

методов дистанционного обучения и самообразования, на изучение опыта проектирования и самовоспитания природных и социальных качеств развивающегося человека, поскольку современный техногенный мир особенно сильно разрушает телесность человека, его вековые природные свойства и нравственность [2, с. 82-85]. И действительно, без соответствующих человеческих качеств невозможно ни применение экологически чистых технологий, ни установление справедливого экономического порядка, ни разумная формулировка задач человечества.

Информационная картина мира обращена и в будущее, так как указывает возможную перспективу дальнейшего развития материи через общение с внеземными цивилизациями. Достижения науки и техники XX века, например в области ракетно-космической техники, информационных и нанотехнологий, ЭВМ, являются предпосылкой для реализации такого общения. Оно откроет новые перспективы для дальнейшего познания материи. Благодаря успехам космонавтики научный эксперимент уже выходит в космос, что способствует преодолению естественнонаучного геоцентризма и выявлению закономерностей, не тождественных земным. Становится принципиально возможной и преобразующая деятельность людей вне Земли с использованием киборгов и иной «разумной техники».

Не менее грозной является многоликая экологическая опасность: прогрессирующее отравление среды обитания средствами интенсификации сельскохозяйственного производства и отходами химических, энергетических, металлургических производств, транспорта и быта, уничтожение лесов, истощение природных ресурсов, необратимое нарушение равновесия в живой и неживой природе и – как апогей всего – нарушение генофонда человека и других живых существ. Мы, возможно, уже вступили на путь, ведущий к экологической гибели.

В связи с этим использование новых информационных технологий, микропроцессорной техники и т.п. может в корне изменить ситуацию в области неблагоприятного развития планеты Земля. В своей книге «Фактор четыре» Э. Вайцеккер, Э. Ловинс, Л. Ловинс предлагают некоторые новые решения старых проблем, подстерегающих человечество на пути устойчивого развития. Речь идет о том, что новые технологии, включая и информационные, могут во много раз (по крайней мере в четыре раза) сократить расходы материалов и повысить эффективность. Они обращают внимание на то, что телекоммуникационные магистрали могут сыграть важную роль «в гармонизации экологических проблем и в процветании общества» [1, с. 167]. Вместе с тем практика показывает: пока что при современных рыночных отношениях это остается благим пожеланием. Современные ИТ если и не сказываются в такой степени, как промышленные технологии, на экологической ситуации в природе, то в области экологии человека они способствуют разрушению природного здоровья *homo sapiens*. Так, за последние 10 лет число онкологических заболеваний головного мозга у пользователей сотовых телефонов возросло на 77% в сравнении с контрольной группой (исследования проведены в Англии).

«Грядущая информационная цивилизация должна стать и экологической, причем именно на основе массовой информатизации возможно решение экологических проблем, без создания баз данных и знаний экологической информации, – утверждает А.Д.Урсул, – без полного развития экологической гласности нельзя будет перейти к планетарному управлению экоразвитием... Близкая угроза экокатастрофы с особой остротой ставит вопрос об ускорении информатизации общества» [5, с.34].

В связи с этим возникает острая необходимость интенсификации информационных процессов, основными составляющими которой, как показало изучение хода общественного развития в системно-кибернетическом плане, являются:

- неуклонное возрастание скорости передачи сообщений;
- увеличение объема передаваемой информации;
- ускорение обработки информации;
- все более полное использование обратных связей;
- увеличение объема добываемой новой информации и ускорение ее внедрения;
- наглядное отображение информации в процессах управления;
- рост технической оснащенности управленческого труда.

Информационный подход к проблеме ускорения развития человеческого общества объективно выводит на измерение, оценку времени циркуляции информации в механизме управления, причем последний выступает своего рода объединяющим «императивом» при исследовании поставленной проблемы.

Перед человечеством стоит задача повышения устойчивости развития, сохранения биосферы и биосферной жизни с использованием для этого созданных и создаваемых информационных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайцзеккер, Э. Фактор четыре / Э. Вайцзеккер, Э. Ловинс, Л. Ловинс. – М.: Academia, 2000.
2. Демиденко, Э.С. Перспективы образования в меняющемся мире / Э.С.Демиденко // Социологические исследования. – 2005. - №2.
3. Информационные технологии (для экономиста): учеб. пособие / под общ. ред. А.К. Волкова. – М., 2001.
4. Колин, К. Информационная глобализация общества и гуманитарная революция / К. Колин // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2002. – №8.
5. Урсул, А.Д. На пути к информационно-экологическому обществу / А.Д. Урсул // Философские науки. – 1991. – №5.
6. Урсул, А.Д. Проблема информации в современной науке / А.Д. Урсул. – М., 1975.

НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК КОМПЛЕКСНАЯ И ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ПРОБЛЕМА

Вопрос о научной рациональности обсуждается достаточно широко в философии и науке, получая неоднозначные трактовки.

А.Мотыцка, например, пишет, что это понятие «вредно», провоцирует философов на размышления и поиски, ведущие в тупики и методологические капканы [13]. И.Т.Касавин называет рациональность «чем-то необозначимым», текучим, чему мы безуспешно пытаемся навязать готовые формы [3]. «Скандалом в философии» называет данную проблему В.Н.Порус [5, с.87].

Так в чем же суть широко применяемой в философии категории «научная рациональность»? Что же это за «волнующая загадка», тревожащая умы философов?

Обсуждение статуса рациональности, ее роли и значения в системе сознания и человеческой жизнедеятельности является в настоящее время одной из наиболее актуальных проблем. И это неудивительно, ведь речь идет об осмыслении значимости «рационального начала» и в современной жизни людей, и в их научной и другой исследовательской деятельности. Несмотря на то, что поиск рационального уходит своими корнями в древность, до сих пор не найдены ответы на многие вопросы, связанные со значимостью рациональных решений как в жизни, так и в науке. В определенном смысле можно сказать, что рациональность и рациональные решения широкого круга людей и даже ученых находятся «на перепутье» [7, с.3-6].

Что, собственно, мы вкладываем в понятие «рациональность»? Каковы условия и нормы подлинно рациональной ориентации людей в мире? Каковы возможности рациональности в ориентации творческой деятельности, в выработке ее ориентиров, ценностей, смыслов? Что вообще считать проблемой, связанной с понятиями как «рациональность», так и «научная рациональность»?

Это, безусловно, не все вопросы, волнующие философов и ученых. Но уже и они вызывают тревогу, которая заметно возрастает с каждым витком развития земной цивилизации. По мнению автора, это связано, прежде всего, с особенностями развития современной цивилизации, со всеми ее сложностями и противоречиями (противоречивость целей и ценностей современной эпохи, прогресс науки и техники, с одной стороны, и нависшая угроза гибели биосферы и человечества - с другой).

На этом фоне мы наблюдаем эффект, который иногда называют «само-разрушением» современного мышления. «Что же случилось с человеческим разумом, этим главным ориентиром деятельности человека в мире, если распалась не только связь времен, но и все другие связи, которые мы привыкли считать надежными?» - задается вопросом Н.С. Автономова [1].

Да, для рационалистического мировоззрения наступили трудные времена. И теперь проблема рациональности осмысливается человеком как

реальная смысловая проблема ориентации в мире. Эту проблему каждый пытается решить на свой лад, нередко теряя общую почву, уходя в свои символы. Найти подходящие средства для рационального истолкования новых жизненных процессов - очень нелегкая задача.

Итак, на сегодняшний день сомнения в идеалах рациональности усилились, а споры вокруг проблемы стали более острыми. Разрешить эти споры, по мнению ряда философов, призвана наука - «последний бастион, сопротивляющийся демифологизирующей работе человеческой критики» [11, с.111].

И такое обращение к науке не удивительно. Ведь считается, что наука представляет собой высший тип рациональности, рассудочно-логического мышления. Именно это заставляет сформулировать проблему научной рациональности как самостоятельную проблему. Заметим, что ранее такой проблеме, по существу, не было места. Не употреблялся и сам термин «научная рациональность», так как в нем не было потребности: ведь в контексте концепции знания вообще и научного знания в частности его достаточно прозрачное содержание подразумевалось само собой (логический позитивизм). Но после того как пришлось признать сложный, многослойный характер научного знания, обусловленного философско-мировоззренческими факторами, со всей резкостью встал вопрос: что же все-таки делает или должно делать науку формой рационального познания, поддерживая ее рациональность при всех воздействиях внешних социокультурных и психологических детерминаций?

Оказалось, что содержание понятия «научная рациональность» далеко не самоочевидно. Его уяснение требует самого серьезного рефлексивного анализа, опирающегося на историю науки и культуры в целом [10, с.3-5].

Необходимо выделить и коротко рассмотреть ключевые направления в интересующей нас проблеме. По мнению автора, это определение критериев и оснований научной рациональности; ее норм и идеалов относительно различных эпох; моделей научной рациональности. Достаточно проблематичной является также специфика проявления принципов научной рациональности в гуманитарном знании. В то же время следует поставить вопрос: существует ли некий инвариант научной рациональности и если существует, то в чем он состоит?

В исследовании критериев научной рациональности можно выделить две основные позиции, к которым неизбежно приходят ученые. С одной стороны, это абсолютизм, выражающийся в «демаркационизме», философско-методологической концепции, согласно которой существуют однозначно определяемые критерии, с помощью которых, в свою очередь, можно четко отделить рациональную науку от нерациональных и иррациональных сфер мышления и деятельности, а с другой – релятивизм, убеждение в том, что нет и не может быть абсолютных критериев рациональности, а потому в дело годится любой из них, если вообще имеет смысл заниматься этим делом.

Попытка практического применения абсолютных критериев рациональности к истории науки привела к выводу об иррациональности самой науки, а идея демаркации потерпела неудачу [5, с.89-90].

Основная линия критики абсолютизации научной рациональности как определенной ценностной позиции в современной культуре связана с известным образом науки, который с некоторой степенью условности можно назвать позитивистским. Этот образ науки предполагает отрыв научной рациональности от гуманистических основ культуры, нравственных и эстетических начал, человека с его реальными проблемами и заботами. Отсюда вытекает следующий вопрос: включает ли понятие научной рациональности в свое содержание нравственные, социальные и прочие ценности, а не только эпистемические (истинность, логичность, доказательность и пр.) и деятельностные (целесообразность, эффективность, экономичность) критерии?

На современном уровне развития науки и ее рациональности (научная постнекласика) хорошо видно, что следует дать положительный ответ на данный вопрос. В самом деле, нормы рациональности вырабатываются научной практикой, они обусловлены всем ходом развития науки и научного познания. В этом их объективность. Научное сообщество принимает те или иные нормы рациональности не произвольно, хотя такое принятие, безусловно, включает элемент субъективности. Какие именно нормы определяют для данного ученого, данного научного коллектива рациональность их деятельности и ее результаты - это зависит от системы факторов: объективного содержания этой деятельности, логики предмета, предшествующего опыта, общего уровня развития науки и ее материально-технической базы, социально-психологической атмосферы в этом научном сообществе, влияния иных сфер культуры.

Так как невозможно подробно осветить в данной статье все аспекты только что сказанного, следует обратить внимание на наиболее существенные из них.

Как уже отмечалось, проблема научной рациональности является очень противоречивой. С этим, в частности, столкнулись в своих исследованиях неопозитивисты. И их попытки разрешить многочисленные противоречия составляют целую эпоху в философии науки. Можно сказать, что противоречия научной рациональности уже заложены в самой проблеме. Ведь спор «идет внутри самого разума, столкнувшегося со сложностью физической и социальной реальности, которая требует, чтобы он изошрился свои средства, усомнился в своих очевидностях, сделал более разнообразными свои подходы» [12, с.3].

Но не только теоретические рассуждения о разуме, понятии «рациональность», ее критериях и принципах свидетельствуют о противоречивой природе данной проблемы. Эту противоречивость мы можем видеть и ощущать в нашей действительности.

Так, достижения науки, техники и технологии, являющиеся основанием научной рационализации общества, подтверждают тот факт, что биосферная и даже социальная формы жизни на Земле поставлены на край гибели под воздействием негативных, не контролируемых человечеством последствий НТР. По убеждению В.С. Степина, утверждение научной рациональности,

следование ее принципам и принципам науки – это необходимое условие технико-технологического и социального прогресса данной цивилизации [8, с.3]. Но автор замечает, что следование принципам научной рациональности привело к проблемам глобального масштаба, среди которых: 1) проблема выживания в ядерный век; 2) опасность вырождения биосферы и угроза человеческому существованию; 3) дегуманизация социальных связей людей. Ответственность за нарастающие глобальные проблемы возложена на науку.

Но простым загрязнением природной среды и исчерпанием природных ресурсов созидательные и разрушительные тенденции научной рациональности не ограничиваются. Противоречия вызваны самой сущностью эволюции биосферы и биочеловека. Это подчеркивает в своей работе Е.А.Дергачева [2, с.157-158]. Она отмечает, что в достижениях научной рациональности (бурное развитие промышленности, создание генетически модифицированных продуктов, медицинских препаратов и т.п.), как правило, просчитывается экономико-научная эффективность проектов, а побочные и долгосрочные последствия упускаются из виду. Такая биокреативная направленность научных исследований грозит в будущем биодеструкцией экологической ниши человечества и самого *homo sapiens*.

Гуманные по своей целевой сущности процессы, осуществляемые в обществе на основе научной рациональности (например, исследования генома человека, создание индивидуальных генных портретов для лечения любых болезней), оказываются антигуманными во многих смежных, неучитываемых областях. Одним из подтверждений этого факта являются предположения Ф.Фукуямы, который поднимает проблему изменения сущности человека под воздействием генетических модификаций. Автор подчеркивает, что гуманные биотехнологические манипуляции с целью генетического улучшения биологии человека на самом деле порождают далеко не гуманные последствия. Ф.Фукуяма предостерегает, что «постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие «общечеловеческого», потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» [9, с.308].

Разработки современных научных исследований, например моделирование экспериментов, все в большей степени базируются на использовании технических средств и компьютерных технологий. Происходит постепенное перекладывание интеллектуальных и творческих функций человека на технические системы. По мнению многих ученых (К.Дрекслер, М.Кузнецов, Й.Массуда, А.Ракитов, М.Хайдеггер и др.), это может привести в будущем к существенной замене разума человека машинным, не признающим гуманных, эмоционально-интуитивных решений. Так, А.И.Ракитов приходит к выводу о наступлении эпохи начальной «киборгизации», где появятся новые жизнеспособные существа - прокиборги, наделенные сверхмощным интеллектом и гигантской работоспособностью [6, с.220-221]. Но будет ли им присуща

гуманоидная рациональность, т.е. сочетание рационального и иррационально-эмоционального? На этот вопрос автор ответить однозначно не может. Да и вряд ли кто-нибудь на сегодняшний день гарантирует создание такого искусственного интеллекта, который обладал бы гибкостью, здравым смыслом, опорой на социальный опыт людей, характерными для человеческого мышления.

Итак, воздействие научной рациональности на социоприродное развитие приводит к противоречивым последствиям. Прежде всего, это противоречия между ценностными и целевыми, гуманными и антигуманными, созидательными и разрушительными последствиями. С одной стороны, развитие науки как базиса культуры задает динамику и инициирует социальный прогресс техногенного общества, наука способствует коренному, качественному улучшению условий жизнедеятельности. С осознанием полезности результатов науки, признанием экономической эффективности научных исследований, которые применяются для модернизации существующих и создания новых технологий, научная рациональность становится мощным ускорителем непрерывной технико-технологической и экономической рационализации общества. А с другой стороны, это происходит за счет беспощадной эксплуатации и разрушения социоприродной среды.

С каждым витком развития науки человек все больше и больше социально возвышается над природой, отдаляется от нее, строит новую научно-технологическую реальность жизни. В ходе научной рационализации рушатся и бывшая природно-социальная целостность, и ценностные основания культуры. Создавая на основе рациональности техносреду как защиту от неблагоприятных условий биоприроды, мы тем самым разрушаем биологические параметры существования в естественных биосферных условиях живых организмов, включая и человека. Все это порождает экологический кризис. Так, В.А.Кутырев обращает внимание на то, что естественный (природный) мир в конечном счете будет подавлен и поглощен искусственным, техническим, внеприродным, к которому человек не успевает приспособляться и в котором ему (человеку) уже нет места. В искусственном мире, как подчеркивает В.А.Кутырев, «в условиях сложного нелинейного взаимодействия рациональные по отдельности решения способны превращаться в иррациональные, не зависящие от человека» [4, с.20-21]. Он также отмечает, что современная наука опирается на функционально-техническую рациональность и не учитывает духовность социума: «...нам нужно мировоззрение не научное, а гуманистическое, и широкое распространение эволюционного подхода в познании вовсе не означает необходимость его автоматического распространения на всю культуру» [4, с.72].

В построении гуманистического идеала науки прослеживаются прогрессивные тенденции. С середины XX века наука становится непосредственной производительной силой общества и важнейшим фактором социо-

природного развития, а также происходит осознание важности ценностно-целевого построения научных систем. И немаловажная роль в утверждении ценностей научного мировоззрения принадлежит философии, которая, исходя из гуманизма не только социального, но и биосферного развития, фиксирует совокупные перспективы земной жизни и вносит определенные коррективы в ее направленность.

Нынешний социокультурный прогресс человечества, реализуемый через научную рациональность, трансформированную современной рыночной экономикой и человеческим эгоизмом, порождает пока антигуманные, анти-биосферные тенденции. Но в то же время устранить негативные последствия развития науки можно только с помощью науки. Поэтому научная рациональность призвана выполнять прогностическую роль и предполагает научную разработку новых технологий.

Но тогда возникает еще одно противоречие! С одной стороны, независимость науки от результатов внедрения научных достижений, т.е. ее индифферентность, а с другой – ответственность науки за свои разработки.

Естественно, что только ученые могут предвидеть положительные и отрицательные последствия своей деятельности, хотя это не является очевидным для длительного исторического отрезка времени. Поэтому функционирование науки становится опасным без социальной ответственности ученых, без сознательного и всестороннего регулирования научной деятельности.

Нетрудно увидеть, что для разных целей или в разные периоды времени научное сообщество выбирает различные модели рациональности. Вообще говоря, модели рациональности строятся с разными задачами. Они могут не совпадать, частично перекрывать друг друга, дополнять, раскрывать природу научной разумности в разных аспектах, ракурсах. Вопрос о том, какая из этих моделей представляет «подлинную» рациональность, вряд ли правомерен. Чтобы избежать абсолютизации какой-либо частной модели и не искать некую «сверхрациональность», можно использовать, как утверждает В.Н.Порус, системно-моделирующий подход к проблеме научной рациональности [5, с.87]. Автор приходит к следующему выводу: вопрос о том, рациональна ли та или другая модель научной рациональности, решается тем, выполняет или не выполняет данная модель свою функцию. Основной функцией моделей научной рациональности является построение теоретического образа науки и научного познания.

Таким образом, следует говорить не о критериях рациональности, а о степени адекватности образа науки и научной деятельности, доминирующей на данном историческом этапе, картине общекультурного процесса.

Подводя итоги, можно сказать, что на сегодняшний день существуют лишь самые первые, достаточно упрощенные модели рациональности научного познания. Поэтому недопустимо ограничивать именно ими возможности моделирования научной рациональности.

Эти возможности еще далеко не раскрыты. Философией науки накоплен достаточный опыт построения простейших (эпистемических, деятельностных) моделей научной рациональности, применимых для решения относительно несложных задач. Однако почти нет опыта системного применения таких моделей. Делаются лишь первые попытки социально-психологического, социологического моделирования, построения «многомерных» моделей, при котором рациональность науки рассматривается как комплексная, междисциплинарная проблема.

На глубинном философско-мировоззренческом уровне суть проблемы научной рациональности составляет поиск осознанной гармонизации человека и бытия, «вписывания» человека в окружающий мир. Поэтому научная рациональность должна быть направлена на построение систематизированного образа окружающего мира, его познание и эффективную реализацию достижений науки на практике с учетом целевых, ценностных и методологических оснований соответствующей исторической эпохи. На сегодняшний день человеческий разум, воплощенный в научной рациональности, входит в противоречие с социоприродным и социобиосферным развитием. Поэтому задача развития науки состоит не только в поиске путей наиболее эффективного использования убывающих природных ресурсов, но и в сохранении биосферного мира и биосферного человека на планете Земля. И проблемы, возникающие в связи с этим, не должны уходить из «поля зрения» научной рациональности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова, Н.С. Рациональность: наука, философия, жизнь / Н.С. Автономова // Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995.
2. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности: монография / Е.А. Дергачева. – Брянск, 2005.
3. Евдокимов, В.С. Проблема рациональности в познании и деятельности / В.С. Евдокимов, Н.Х. Сатдинова // Философия науки. – 1988. – № 1.
4. Кутырев, В.А. Естественное и искусственное: борьба миров / В.А. Кутырев. – Н.Новгород, 1994.
5. Порус, В.Н. Системный смысл понятия «научная рациональность» / В.Н. Порус // Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995.
6. Ракитов, А.И. Философия компьютерной революции / А.И. Ракитов. – М., 1991.
7. Рациональность на перепутье. Кн.1 / отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 1999.
8. Степин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В.С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – №10.
9. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. – М., 2004.
10. Швырев, В.С. Рациональность как философская проблема / В.С. Швырев // Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995.
11. Baran, B. Przyczynek do krytyki biezacych badan' nad racjonalnos'cia / B. Baran // Stud. filoz. – 1980. – № 2.
12. Les aventures de la rasion.
13. Motycka, A. Ideal racjonalnjsi Szkice o filozoficznych rozdrozach nauki / A. Motycka. – Wroclaw, 1986.

А.В. ПАТРАКОВА

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КАК АТРИБУТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЫТИЯ

Одними из атрибутов бытия являются пространство и время. Все вещи существуют в пространстве. При этом само существование человека и окружающих его вещей протекает во времени.

Относясь к числу фундаментальных философских и общенаучных категорий, пространство и время отражают и выражают наиболее общее состояние бытия.

На развитие представлений о пространстве и времени большое влияние оказали достижения в области естественных наук. Однако и в обыденном представлении, и в глубинном научно-теоретическом смысле эти понятия остаются интуитивно очевидной данностью. При этом с развитием новых областей знаний категории «пространство» и «время» находят в них отражение, видоизменяясь и принимая отличные от сложившихся представлений формы (в зависимости от предмета изучения). Совершенно очевидно, что особенно мало человечество знает о времени. Еще Августин Блаженный говорил о времени: «Что же такое ... время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю нисколько не затрудняясь; но коль скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь в тупик» [5, с.110].

Наука использует время для характеристики явлений и процессов, понимая под ним в основном длительность. Однако время как индивидуализированное целостное понятие до сих пор не имеет определения и не находит выражения в отдельно обоснованной законченной теории.

В процессе развития научного познания существенно изменяются, расширяются и усложняются представления о материи и ее атрибутах. На каждом уровне структурной организации материи выявляются свои особенности в движении и взаимодействии объектов, свои специфические формы пространственной организации и хода временных процессов. В философии встает вопрос: являются ли время и пространство реальными или это чистые абстракции, существующие только в сознании? Безусловно, ответ на него лежит в определении самой материи и общем понимании бытия.

В современной научной парадигме представления о пространстве-времени основываются на постулатах теории относительности, что, в свою очередь, однозначно утверждает, по мнению автора, объективность этих феноменов и их неразрывность друг с другом. Однако это не позволяет

сформировать объективное представление о данных категориях, тем самым выражая проблему самого существования.

В последнее время все больше говорят о как бы разных «временах» и разных «пространствах»: пространство и время в физических процессах, пространство и время в биологических процессах, пространство и время в социальных процессах и т. д.

Изучением проблем времени и пространства занимались и занимаются многие ученые, работающие в разных отраслях науки. Большая заслуга в этом принадлежит Дж. Беркли, Д. Юму, Э. Маху, И. Канту, Г.В.Ф. Гегелю, А. Эйнштейну, Н.И. Лобачевскому, Б. Риману, К.Ф. Гауссу и другим выдающимся личностям. Сегодня большой интерес представляют работы Р. Нудельмана, А.М. Анисова, П.П. Гайдено, В.В. Жданова, А.П. Левича и др.

Известно, что время характеризует наличие или отсутствие бытия тех или других объектов. Было время, когда нас не было. Сейчас мы есть. Настанет время, когда нас не будет. Эту последовательность состояний (небытие-бытие-небытие) и фиксирует категория времени.

Другой стороной бытия является одновременное существование и несуществование разных объектов. Кроме того, время фиксирует относительные сроки бытия. Для одних объектов оно может быть более длительным, а для других – менее длительным. Оно позволяет фиксировать периоды в развитии того или иного объекта. Не сводясь ни к одной из характеристик процессов существования, время входит в них составной частью. Это обстоятельство затрудняет понимание времени как всеобщей формы бытия.

Понятие времени по мере развития науки эволюционировало. Современная наука связывает теснейшим образом время с пространством. Однако пространство мы видим, можем воспринимать его целиком, хотя, надо сказать, очень сложно представить бесконечное пространство, понятие о котором сегодня существует. Время же мы не видим, но чувствуем. Воспринимаем не целиком, а отдельными мгновениями или промежутками. В пространстве при желании можно перемещаться в любых направлениях. Во времени же мы не можем произвольно перемещаться. Мы не можем по желанию попасть в тот или иной момент в прошлом или будущем и вернуться обратно. Мы все непрерывно движемся в будущее, оставляя позади себя нарастающие «пласты» прошлого. Прошлое и будущее разграничивает неуловимое мгновение – настоящее. Реально это мгновение является гранью между прошлым и будущим. Это мгновение является бытием.

Таким образом, понятия времени и пространства разные, но считается, что первое формировалось у человека при помощи более доступного второго. В литературе встречаются предположения о том, что понятия «сейчас» и «скоро» появились по образу и подобию понятий «здесь» и «близко». Но это чисто психологические аналогии. Кроме того, понятия «пространство» и «время» заключают в себе наличие потенциального движения. Это уже понимали античные мыслители. Движение связывает пространство и время

друг с другом. Так, Лукреций считал, что вне движения или покоя тел время ощущаться не может, что самого по себе времени просто нет [10, с.15]:

Также и времени нет самого по себе, но предметы
Сами ведут к ощущению того, что в веках совершалось.
Что происходит теперь и что воспоследует позже.
И неизбежно признать, что никем ощущаться не может
Время само по себе, вне движения тел и покоя.

Действительно, ощущение времени нам дают сменяющие друг друга явления, одной из характеристик которых и является движение.

Вообще, необходимо заметить, что человеку присуще чувство времени. Иногда создается впечатление, что человек обладает своеобразными «внутренними часами». Именно так и считают физиологи. Однако чувство времени крайне субъективно. Так, для человека, увлеченного работой, время «бежит» быстро, тогда как для человека, который вынужден томиться в ожидании, время «тянется» долго. Здесь соединяются воедино вопросы физики, физиологии и психологии.

Если в понимании времени, как нам кажется, существуют определенные трудности, то «пространство» вроде бы не вызывает особых сложностей. Но это только на первый взгляд. К примеру, исследования А.М. Бутлерова, Е.С. Федорова и их последователей обнаружили зависимость пространственных свойств от физической природы материальных тел, обусловленность физико-химических свойств материи пространственным расположением атомов.

Факт изменчивости наших представлений о времени и пространстве используется философами-идеалистами для отрицания их объективной реальности. Они отрицают зависимость времени и пространства от материи и рассматривают их то как формы индивидуального сознания (Беркли, Юм, Мах), то как априорные формы чувственного созерцания (Кант), то как категории абсолютного духа (Гегель).

Материализм же подчеркивает объективный характер времени и пространства. В том, что время и пространство неотделимы от материи, проявляется их универсальность и всеобщность. И автор в дальнейшем будет исходить из того, что пространство и время являются основными формами существования материи. Пространство выражает порядок расположения одновременно сосуществующих объектов. Время же – последовательность существования сменяющих друг друга явлений. Кроме того, согласно материализму, человеческое познание в своем развитии дает все более глубокое и правильное представление об объективно реальных времени и пространстве.

Пространство не только находится в тесной взаимосвязи с временем, но и определяет его необратимость, так как количественно ограничивает одновременное сосуществование объектов. В свою очередь, движение как свойство материи сосуществующих объектов говорит о конечности самого пространства. Иными словами, если бы оно было бесконечно, то

необходимость во времени отсутствовала бы, но бесконечность как понятие физическое, по мнению автора, необходимо для определения только лишь ограниченности нашего познания, т.е. оно сегодня выражает невозможность осмысленно представить конечные границы бесконечно протяженного пространства. Если исходить из полной реальности такого пространства, то время становится таким же реальным и «конечно-бесконечным». Конечность его выражается в реальных рамках временных процессов, явлений и событий, а бесконечность - в возможности существования бесконечной длительности. Здесь время выступает как свойство пространства, являясь одновременно с этим и понятием абстрактным, сформированным в нашем сознании под влиянием накопившихся представлений об окружающем нас мире.

Осознание конечности нашего существования привносит в нашу жизнь временные рамки, ограничивающие и упорядочивающие тем самым пространственную заполненность. А чувство времени, присущее человеку, есть не что иное, как пространственный механизм регулирования бытия.

В истории философии проблеме пространства и времени уделялось много внимания, и сами эти понятия эволюционировали. Но каждая крупная эпоха в развитии мысли имеет некоторые общие подходы к их рассмотрению, несмотря на различия концепций у отдельных ее представителей. Философский анализ этих понятий мы находим уже в Античности, более подробно они рассматриваются и обсуждаются в науке XVII века, в связи с бурным развитием механики. В XVII и XVIII веках, как известно, была сильна тенденция сводить все законы природы к законам механики. Так, английский ученый Исаак Ньютон пошел по пути максимального абстрагирования понятий пространства и времени. Он ввел понятия «абсолютное время» и «абсолютное пространство».

«Абсолютное, истинное, математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью», - писал Ньютон [15, с.233].

Аналогичным образом он определил и абсолютное пространство: «Абсолютное пространство по самой своей сущности безотносительно к чему бы то ни было внешнему остается всегда одинаковым и неподвижным» [15, с.233]. Абсолютным пространству и времени Ньютон противопоставил чувственно наблюдаемые и фиксируемые относительные виды пространства и времени.

Из этого следует:

- Время существует само по себе. Ходу времени подчиняются все явления и тела, но сами они никакого воздействия на ход времени не оказывают. Время существует вне пространства, вне тел и явлений – оно абсолютно.

- Все моменты времени физически равноправны: время однородно. Его ход везде в мире одинаков.

- Время простирается от настоящего неограниченно в прошлое и в будущее. Его ход одинаково равномерен и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

- Время одномерно.

Пространство же существует само по себе, оно вмещает все тела, дает место всем явлениям. Но не испытывает на себе никакого воздействия со стороны тел и явлений. Все точки пространства физически равноправны - пространство, как и время, физически однородно. Свойства пространства со временем не изменяются. В отличие от времени, пространство трехмерно. Все направления в нем физически равноправны - пространство изотропно. Оно не имеет границ, во всех направлениях простирается неограниченно и описывается геометрией Евклида.

Конечно, пространство и время как всеобщие формы существования материи, не могут быть сведены к тем или иным конкретным объектам и их состояниям. Но нельзя и отрывать пространство и время от материальных объектов, как это сделал Ньютон. Чистоеместилище всех вещей, существующее само по себе, некий «ящик», в который можно «уложить» Землю, планеты, звезды, – это абсолютное пространство Ньютона. Так как оно неподвижно, то любая точка может стать точкой отсчета для определения абсолютного движения, необходимо только сверить часы с абсолютной длительностью, существующей опять же независимо и от пространства, и от любых вещей, находящихся в нем [2, с.35].

Вещи, материальные объекты, исследуемые механикой, оказались рядоположенными с пространством и временем. Все они в этой системе выступают в качестве независимых, никак не влияющих друг на друга составных элементов.

Успехи в объяснении природы и математический аппарат новой механики обеспечили идеям Ньютона о пространстве и времени долгое господство, длившееся до начала XX века. Конец XIX – начало XX веков стало временем крутой ломки представлений о мире – временем, когда была преодолена механистическая картина мира, господствовавшая в естествознании в течение двух столетий. И это связано, прежде всего, с именем А. Эйнштейна, опубликовавшего в 1905 г. в немецком журнале «Annalen der Physik» статью «К электродинамике движущихся тел», в которой изложил так называемую частную теорию относительности. По существу, это было новое представление о пространстве и времени, которое и по сей день является основой для углубления наших знаний об этих фундаментальных понятиях.

Следует заметить, в это время в философии большое внимание уделялось проблемам познания. В 20-30-х гг. в Германии, разрабатывая проблемы бытия, немецкий философ Николай Гартман снимает вопрос о первичности материального или духовного, принимая все как данное. Он вводит понятие «разрез бытия, разрез реальности», т.е. некую незримую границу, разделяющую области или слои бытия, которое, в свою очередь, подразделяет на духовное, психическое, а также живую и неживую природу [15, с.228-229]. Все эти реальности существуют во времени, однако только живая и неживая природа, лежащая ниже первого разреза, существует в пространстве.

Объективно-идеалистическая теория Гартмана, несмотря на ее последовательность и широкий охват бытия, ограничивает само понятие пространства, так как выносит духовное и психическое за его рамки.

В теории относительности Эйнштейн показал, что введенные Ньютоном абстракции абсолютного времени и абсолютного пространства должны быть оставлены и заменены другими, что характеристики времени и пространства будут по-разному выступать в неподвижных и движущихся относительно друг друга системах [17].

Реальные физические процессы происходят в едином пространстве-времени. Оно выступает как единое четырехмерное многообразие: три координаты, характеризующие пространство, и одна – время, не могут быть отделены друг от друга. В целом свойства пространства и времени определяются совокупными воздействиями одних событий на другие.

Анализ теории относительности потребовал уточнения одного из важнейших философских и физических принципов – принципа причинности. К 1916 г. Эйнштейн разработал «Общую теорию относительности», предусматривающую более сложную структуру пространства-времени, которая оказывается зависимой от распределения движения материальных масс.

Полемика о времени и пространстве в философских системах Античности, средних веков, Нового времени и современной философской мысли всякий раз имеет свою специфику.

Однако надо сказать, что уже с первых шагов греческой мысли анализ времени и пространства связан с попытками решить одну из сложнейших философских проблем – проблему континуума, или непрерывности. И сейчас время, пространство, а также движение представляют как континуум, который можно мыслить либо как совокупность некоторых неделимых элементов (моментов времени, частей пространства или «частей» движения), либо же – как бесконечно делимую величину.

В современной философской мысли есть понимание объективно-реального, действительного времени как времени, образуемого в результате последовательной смены состояний конкретных материальных вещей, явлений и процессов [9, с.51]. В свою очередь, «ряд выводов теории относительности, - как справедливо подчеркивал А.А. Егоров, - может быть рассмотрен как доказательство концепции о порождении каждым материальным объектом своего пространства-времени» [6, с.48-50]. Само существование времени обуславливается сменяемостью материальных вещей и явлений, их состояний. В этом смысле объективно-реальное время является функциональным. Здесь оно будет выступать не как всеобщая форма бытия материи, а только как функция всех без исключения материальных вещей, явлений и процессов, образуемая ими с момента их возникновения и до исчезновения.

За две с половиной тысячи лет в философии и естествознании создан целый ряд концепций, в каждой из которых время является условным, измеряемым. Кроме того, согласно современным представлениям, время обладает модусами прошлого, настоящего и будущего и течет от прошлого

через настоящее в будущее. Кстати, необходимо заметить, что подобные представления были уже в древнеегипетской мысли [7, с.153], причем прошлое считалось главной составляющей, ибо порождало собой само время.

Сейчас большое внимание уделяется факту настоящего, т.е. время рассматривается как переходящее от одного настоящего к последующему настоящему. В частности, Ю.Б.Молчанов высказывает следующую точку зрения: «...Момент настоящего времени любой материальной системы есть промежуток времени, на протяжении которого система сохраняет свою качественную определенность. Момент настоящего времени, скажем, пирамиды Хеопса, охватывает, по всей видимости, многие тысячелетия; для человека момент настоящего времени совпадает с жизнью» [12, с.155]. В свою очередь, заметим, что указанный момент, скорее всего, будет складываться из многочисленных жизненных мгновений, накопленных и абстрагированных в нашем сознании. А раз так, то сам факт формирования такого абстрагированного времени показывает его зависимость от свойств материи, в данном случае – нашего мозга. Это также может объяснить факт субъективности чувства времени, его длительности.

Признавая пространство и время феноменами объективными, А.М. Анисов [1] выделяет такие свойства времени, как: способность упорядочивать; вступление в отношение «раньше, чем» уникальных индивидуализированных событий, последовательность которых образует историю соответствующей области реальности; количественное различие лейбницаанов, обуславливающее разделение событий на прошлые, настоящие и будущие; течение времени; универсальность; необратимость; нефиксированность будущего; метамоментность структуры.

Отметим, что перечисленные свойства времени однозначно выражают феномен темпоральности среди всех других явлений. Кроме того, наличие времени обусловлено универсальной нехваткой ресурсов существования. «Один из универсальных ресурсов – объективное пространство, вместилище вещей. Однако места всем не хватает. Объектов в мире гораздо больше, чем способно вместить в себя пространство. Если на место планеты Земля будет претендовать космическое тело, соизмеримое или большей массы, при лобовом столкновении Земля перестанет актуально существовать как планета, но будет существовать в прошлом. Динозаврам нет места в настоящем – все места их возможного обитания заняты более преуспевающими видами, как это ни печально, прежние поколения людей вынуждены были уйти в прошлое, чтобы освободить место новым поколениям. И так во всем». Это, по мнению автора, в очередной раз доказывает функциональную взаимосвязь времени и пространства, зависимость времени от свойств материи, где оно является как бы свойством самого пространства.

В формировании общего взгляда на пространство и время большую роль сыграла астрономия. Изменения, которые в ней происходили в XX веке, носили поистине революционный характер. Сегодня, например, известно, что Вселенная не статична. Она постоянно расширяется. Кроме того, в ней самой происходят изменения. Мы знаем, что свет от далеких звезд к нам идет многие

миллионы, а то и миллиарды лет. Кстати, здесь прослеживается теснейшая взаимосвязь пространства и времени: расстояние измеряется в световых годах. Открытие так называемых «черных дыр» позволило вплотную приблизиться к разгадке тайны возникновения нашей Вселенной. Сама Вселенная с ее временем зародилась в какой-то момент. Стало быть, с этого момента и началось ее время. До этого его не было. Оно возникло вместе с миром. Время, как и пространство, как бы дается нам «в придачу» к миру. С момента рождения мира его время начинает течь, его пространство – существовать и расширяться.

Когда-то выдвинутая гипотеза о том, что чем массивнее тело, тем медленнее в его окрестностях течет время, сегодня уже не является гипотезой – это теория. Сейчас на практике можно подтвердить многие положения, выдвинутые Эйнштейном в начале XX века.

Представляя нашу Вселенную как некое подобие «черной дыры», заключенной в гравитационном коллапсе, мы можем предположить, что сегодняшние расширения Вселенной завтра могут обернуться ее сужением до бесконечно малой величины, где время будет иметь бесконечно малую длительность. Это будет, возможно, продолжаться, как подчеркивает Р. Нудельман, до полного исчезновения и пространства, и времени: «...свойства времени и пространства зависят от плотности вещества. Пространство искривляется возле мест с высокой плотностью (об этом писал и Лобачевский), время возле них замедляет свой ход. А там, где эта плотность становится бесконечной, «радиус кривизны» пространства и «скорость хода» должны обратиться в нуль» [13, с.36].

Но если рассматривать сегодняшний мир, то в нем в общем случае некоторые ученые выделяют две формы пространства: статическое и динамическое [4, с.134]. Динамическое пространство первично и положительно (не пусто). Оно дано до объектов, ибо для такой концепции процесс первичнее содержания; он есть их бытийное основание. Объекты суть продукты его индивидуализации, они создаются как бы из пространства, в котором они уже заложены потенциально. Динамическое пространство двигательно по преимуществу, оно есть само движение, и, будучи первичнее своих содержаний, оно есть начало активное, формирующее. Динамическое пространство реально и конкретно (сплошно). Оно реально потому, что все возможные формы (как потенциально, так и актуально) ему имманентны и нет формы, им не пропитанной, им не оформленной и от него отделившейся, ибо даже самаявершенная замкнутая форма оценивается как его продукт, как след экстенсивно-интенсивного творческого акта, являющегося основанием для бытия всего объективного. Динамическое пространство качественно, ибо принцип индивидуализации ему имманентен. Оно внемерно (или многомерно) и политропно, т.е. дано как направление. Кроме того, динамическое пространство автономно.

Статическое же пространство вторично и отрицательно (пусто). Оно только среда, в которой находятся тела, т.е. некоторая нейтральная пустота, лишенная всяких качественных определенностей. Оно есть то, где нет тела,

т.е. ничто для концепции, полагающей высшую реальность и ценность в непроницаемой трехмерной субстанциональности. Пустое пространство определяется местоположением тел, местоположение же это, а тем более и сами тела в бытии своем никак не зависят от разделяющей их среды. Статическое пространство неподвижно, не является формообразующим принципом и есть лишь остаток от формообразования. Оно ирреально, абстрактно и дискретно (прерывисто). Оно ирреально, так как трехмерные материальные объекты впитали в себя и нейтрализовали все реальное, качественное многообразие процесса и так как пустая среда – не более как мыслимое идеальное условие размещения уже данных, существующих объектов, а не реальное основание их бытия. Оно абстрактно, так как оно есть то, что остается, если мыслить объект; оно дискретно, ибо его нет там, где есть объекты, так как заполненность не есть пустота. Статическое пространство количественно, ибо нигде не обладает качеством, всюду однородно, бескачественно. Оно трехмерно (четырёхмерно) и изотропно.

Кроме того, в настоящее время в философской литературе можно встретить три значения, в которых употребляются понятия «пространство» и «время»: реальное, перцептуальное, концептуальное. А.В. Солдатов определяет их следующим образом: реальное – условия существования и смены состояний материальных объектов и явлений, объективно реальные формы существования материи; перцептуальное - условия сосуществования и смены наших ощущений и других психических актов субъекта; концептуальное – абстрактные математические структуры, которые могут моделировать реальные пространственно-временные отношения [14, с.48-49].

Во всем многообразии подходов к осмыслению пространства и времени прослеживаются две основные исторические линии: линия Платона и линия Аристотеля. Однако с появлением таких понятий, как, например, «биологическое время» и «биологическое пространство», возник целый ряд проблем, связанных с введением понятий «пространство» и «время» в структуру тех же биологических теорий и их практической хронометрией. Все это существенно усложняет понимание не только данных категорий, но и структуры бытия в целом.

Можно утверждать, что проблема пространства и времени в структуре биологических теорий далеко не разработана. Известны труды академика В.И. Вернадского, в которых он пытался определить специфику биологического времени и пространства. Так, в своей работе «Философские мысли натуралиста» он рассматривает аспекты, связанные в основном с «биологическими часами» и вестибулярным аппаратом, причем сам факт существования подобных систем у живых существ не вызывает сомнения. Остается открытым лишь вопрос о локализации и природе этих биологических процессов.

Очень важен вопрос о месте понятий времени и пространства в структуре биологических теорий. В структуре естественно-научных теорий отмечаются особые концептуальные пространства, получившие (в рамках теории) семантическую и эмпирическую интерпретацию [14, с.55]. Поэтому

необходимо установить, какое концептуальное пространство соответствует биологическому пространству и времени.

В настоящее время философами и учеными выделяются и понятия экологического пространства и экологического времени, но они, как правило, не связываются непосредственно с материальными структурами. Вопрос об основных способах ввода понятий «пространство» и «время» в структуру биологических теорий встает лишь на уровне современной теоретической биологии, представляющей собой достаточно материализованную теорию.

Формальным образом в структуру теоретической биологии при помощи эмпирической интерпретации формализма входят евклидово пространство и время нашего макромира [14, с.57-59]. Что же касается смыслового пути вхождения пространства и времени в структуру этой теории, то он связан с ее семантической интерпретацией объективной области биологической картины мира. С этим способом ассоциируется и введение в структуру биологии таких специфических видов пространства и времени, как «эндогенные биологические часы», экологическое пространство и время и т.д.

Следовательно, можно констатировать, что биологическое пространство и время обладают определенной спецификой, заключающейся в том, что смысловой способ введения этих понятий в структуру фундаментальных биологических теорий детализирует особенности биологической хронометрии.

Привычные нам сантиметр и секунда не включают то свойство времени и пространства, которое выражается в природных явлениях. Неправильный выбор единицы пространства и времени обуславливает то колебание логического закона причинности, которое мы сейчас переживаем.

Выявление имманентной метрики – проблема чрезвычайно сложная. Специфика топологии, возможно, вообще не позволит найти естественную (имманентную) меру, пригодную для измерения большого класса процессов, будь то процессы физические, биологические или геологические. Поэтому в обозримом будущем придется пользоваться нейтральной метрикой астрономического времени. Оно безлико, и его свойства делают эту метрику универсальной. Однако если ее переносить на биологические структуры, то возникают проблемы пространственного соотнесения, как подчеркивает А.П. Левич, с «собственной внутренней метрикой» [8, с.57]. В частности, это отражает наше чувство времени. Основоположник кибернетики Н. Винер (1894-1964) эту способность чувствовать время объясняет ритмами головного мозга [3, с.25]. К.Э. Циолковский связывает явление быстротечности внутренне ощущаемого времени с «несуществованием громадных промежутков небытия»: «...громадные промежутки небытия, или пребывание материи в неорганизованном («мертвом») виде, как бы не существуют. Есть же только короткие промежутки жизни. Все они сливаются в одно бесконечное целое, так как большие промежутки – без времени и поэтому могут считаться за нуль.» [11, с.126]. Эти громадные промежутки небытия воплощаются в бессознательном. Точнее, выражаясь словами З. Фрейда, «они находятся вне времени» [16, с.56].

В общем, можно сказать, что время и пространство в биологических структурах невозможно мыслить без глубокого изучения процессов, происходящих в них самих, поскольку возникающие проблемы обладают своей спецификой и не могут рассматриваться лишь с существующих позиций. Причем при их изучении необходимо учитывать и психическую деятельность организма, опираться на нее.

Свойства времени зависят от свойств материальных объектов, при этом прослеживается теснейшая взаимосвязь с пространством. Время порождает ограниченность, конечность пространства. Являясь объективными, эти категории абстрагируются в нашем сознании и приобретают субъективный оттенок. Но необходимо заметить, что они имеют и некоторые неоспоримые на сегодняшний день свойства, не зависящие от нашего понимания их. Так, «стрела времени» направлена только в будущее и не обратима в прошлое, свойства времени и пространства зависят от выбранных систем отсчета и т.д. Заметим, их свойства пока что отражаются лишь в существующей сегодня научной парадигме.

Кроме того, духовная сторона нашего бытия является столь же реальной, что и рассматриваемая нами живая и неживая природа. Поэтому и для последней будут характерны эти атрибуты. Вместе с тем эта область до сих пор остается не изученной, поэтому сегодня мы не можем составить полного представления о них, что дает нам основание продолжать исследования и тем самым пытаться внести определенный вклад в решение столь актуальных проблем пространства и времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисов, А.М. Феномен времени / А.М. Анисов // электрон. журн. «Credo». – 2000. – №6.
2. Ахундов, М.Д. Проблема прерывности пространства и времени / М.Д. Ахундов. – М., 1974.
3. Винер, Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М., 1983.
4. Габричевский, А.Г. Пространство и время / А.Г. Габричевский // Вопросы философии. – 1994. – №3.
5. Гайденок, П.П. Время и вечность: парадоксы континуума / П.П. Гайденок // Вопросы философии. – 2000. – №6.
6. Егоров, А.А. Диалектическое отношение пространства-времени к материальному движению / А.А. Егоров. – Л., 1976.
7. Жданов, В.В. Проблема времени в древнеегипетской мысли / В.В. Жданов // Вопросы философии. – 2003. – №2.
8. Левич, А.П. Субституционное время естественных систем / А.П. Левич // Вопросы философии. – 1996. – №1.
9. Лолаев, Т.П. О «механизме» течения времени / Т.П. Лолаев // Вопросы философии. – 1996. – №1.
10. Лукреций. О природе вещей / Лукреций. – М., 1946.
11. Мир философии: кн. для чтения. Ч.2. Человек. Общество. Культура. – М., 1991.
12. Молчанов, Ю.Б. Сверхсветовые скорости, принцип причинности и направление времени / Ю.Б. Молчанов // Вопросы философии. – 1998. – №8.

13. Нудельман, Р. Новейший путеводитель по времени / Р. Нудельман // Знание – сила. – 2002. – №12.
14. Солдатов, А.В. Понятия пространства и времени в структуре естественнонаучной теории / А.В. Солдатов. – Л., 1981.
15. Философия: учебник / под ред. проф. В.Н. Лавриненко. – М., 2002.
16. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия. Я и Оно / З. Фрейд. – М.; Харьков, 2003.
17. Эйнштейн, А. Сущность теории относительности / А. Эйнштейн. – М., 1955.

Р.В. НОВОЖЕЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИТУАЛ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Всякий важный поступок в жизни средневекового человека требовал особой, раз и навсегда установленной и строжайше соблюдаемой процедуры, ибо малейшее ее нарушение делало недействительным весь акт и, кроме того, ломало историческую преемственность, прерывало связь с предками и делало власть нелегитимной.

Церемония восприятия власти относится к так называемым «rites de passage», «ритуалам перехода» (от одного социального статуса к другому). Автором термина, появившегося в начале XX века, стал бельгийский ученый А. ван Геннен [8]. Ле Гофф особо подчеркивает характер коронационной церемонии как ритуала перехода, в большей степени, чем просто «inauguration». Он выявил в ней фазы, характерные для ритуала перехода: 1) фазу открепления от занимаемого ранее места в социальной структуре (separation); 2) пороговую фазу (marge); 3) фазу воссоединения (aggregation) – обретение стабильного состояния на качественно ином, более высоком уровне [1].

Отсутствие информации в источниках не позволяет точно установить, были ли у славян до образования Древнерусского государства особые ритуалы, сопровождавшие процедуру восприятия власти. Но этнографические данные говорят о том, что даже у примитивных народов существуют в той или иной форме ритуалы восприятия власти [7].

Наиболее ранним письменным свидетельством о существовании таких обрядов у русских князей является отрывок из сочинения арабского географа Ибн Русте «Дорогие ценности» (X в.): «Глава их [руссов. – Р.Н.] коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают...» [2, с.294].

Ритуал, сопровождавший принятие власти в Древней Руси, назывался «поряд посадения на отнем и деднем столе». Он появился, вероятно, в период правления Владимира Святославича. Об этом свидетельствует легенда на его монетах – «Владимир на столе». Однако летописи, вплоть до правления Владимира Мономаха включительно, ничего не говорят про обряд «посадения». Летописец ограничивается краткими упоминаниями: «И седе Олег княжа в Кыеве» либо «Нача княжити Игорь по Ользе». Но уже глагол

«седе» может косвенно свидетельствовать о предваряющем правление знаковым обряде «посажения на стол».

С начала XII века летописные сообщения становятся более развернутыми. И хотя считается легендарным факт присылки Владимиру Мономаху регалий из Византии – венца, цепи с крестом и барм [5, с.181], но именно с его сына Мстислава летописец начинает относительно подробно описывать обряд «посажения».

Исходя из скупой информации источников, можно провести историческую реконструкцию обряда «посажения на стол».

Когда в какую-нибудь область призывался князь, или наследник принимал власть, или князь-сеньор посылал князя-вассала на княжение, ему писали рядную грамоту [4, с.4]. Князь отправлялся в свой город в окружении свиты, причем ближайшими к князю были мечник и стяговник. У ворот города его торжественно встречали жители во главе с духовенством. Князь сходил с коня, снимал шапку и принимал благословение епископа. Затем процессия направлялась к городскому собору, в котором и происходило основное действо. Князь прикладывался к иконе Божьей Матери. Митрополит или епископ возлагал на князя драгоценные регалии, после чего, как видно из летописи, его торжественно возводили на престол. А затем все присутствующие кланялись ему и, возможно, целовали ему руку.

«Стол» представлял собой массивный высокий трон с подножием и длинной подушкой на сиденье, он известен по изображениям на иконах и летописным миниатюрам.

Вероятнее всего, существовал письменный регламент – «поряд», описывавший последовательность ритуальных действий в обряде «посажения»: «А Ярополка князя посадиша володимерци с радостью в городе Володимери на столе, в Святой Богородице, *весь порядок положше*» [3, с.256].

Обряд «посажения на стол» содержит все три фазы ритуала перехода: 1) князь уезжал из своего стольного города (там находился княжеский «стол»), порывая со старым политическим статусом; 2) у ворот своего нового владения он сходил с коня и снимал шапку; 3) садился на «отний и дедний» престол в инсигниях власти, получая тем самым новый политический и социальный статус.

Кроме того, в обряде «посажения» присутствует ритуализированный конфликт, который выражается в сознательном и откровенном нарушении общепринятых правил, с тем чтобы показать определенную недостижимость власти: князь *сидит* в храме, что, как светское лицо, делать не может, причем в головном уборе – шапке. Тем самым он отрывает себя от народа, мистически соединяясь с князьями-предками.

Феодальная иерархия в политике отразилась и на регалиях власти. Это выразилось в иерархии «столов». На Руси XII века выражения «высокий стол» и «малый стол» стали нарицательными: «Господине мой! З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меньшего лишен будеть» [6, с.243].

Обряд «посаждения на стол» пришел на Русь из праславянской древности. У древних славян престол правителя почитался особо, как никакая другая инсигния. После крещения Руси и с развитием политических отношений этот обряд приобретает в XII веке заимствованные в Византии черты коронации. «Посаждение на стол» фактически прекращается во второй половине XIII века, после монголо-татарского завоевания. Оно превратилось, по сути, в обряд инвеституры ханскими чиновниками русских князей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Канторович, Э. Два тела короля. Очерк политической теологии средневековья / Э. Канторович // История ментальностей. Историческая антропология.
2. Материалы по истории СССР. – Вып.1. – М.,1985.
3. Приселков, М.Д. Троицкая летопись / М.Д. Приселков. – М. – Л., 1950.
4. Сказание о венчании на царство русских царей и императоров / под. ред. П.П. Пятницкого. – М.,1896.
5. Сказание о князьях владимирских // Древняя русская литература. – М.,1980.
6. Слово Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980.
7. Фрэзер, Д. Золотая ветвь / Д.Фрэзер. – М., 2003.
8. Gennen, A. van. Les rites de passage / A. van Gennen. – Bruxelles, 1909.

А.А. ЧЕРНЯКОВ

ВЕЛИЧИЕ МЫСЛИ ФИЛОСОФА

О чём спорят философы? Такой вопрос ставят во многих элитарных книжках, кои дозволено издавать некоторым избранным. Но, прочитав всю серию, вы поймете, что обмануты в своих надеждах понять, о чем же всё-таки они говорят и спорят. То, что пишут о философии и спорят о ней, никакого сомнения не вызывает. Спорно то, что о чем-то существенном спорят, потому что в каждом частном случае чаще всего говорят ни о чем, т.е. о том, чего сами изначально не понимают, по сути, о превращении нечего в ничто.

Это то общее, что объединяет рассуждения некоего неопределенного смысла, начинающегося как будто с названия. Название почти понятно, и можно надеяться, что будет осмысленно поставлена интересующая всех проблема, решение которой даст возможность правильно поставить следующую, а может быть, и всеобщую проблему и т.п. Так развивается всякая наука, каждый вид познания. Но если автор заложил в название

логическое противоречие, ошибку, поверив в то, что он схватил за хвост жар-птицу, которая вынесет его на элитную орбиту, желание-ошибка-иллюзия будет облачаться в слова, предложения, не меняя своего исходного смысла. А все частные определения и обобщения, сделанные автором, будут интересны лишь ему самому и тому, кто близок к нему по уровню интеллектуального развития.

Философия, изучающая мышление как процесс формирования в человеке мирового разума, открывает ему любовь к мудрости в абсолютно чистом виде: чистое, прекрасное чувство истины мысли, содержащей в себе вселенную человечества как высшую ценность, являющуюся его личной интеллектуальной собственностью. Поэтому истинная философия наполнена величием мысли, она очищает душу от скверны, бесчеловечности в форме абсолютно чистой мысли, являющейся вместе с тем абсолютно чистым переживанием высшего смысла его жизни, чистой красоты и добра в глубине его собственного неповторимого «я». Поэтому философия, положившая начало научного и художественного самосознания человека, всегда обогащала все частные виды познания и все великие открытия в частных видах труда, помогая понять их как частные случаи проявления мирового разума, воплощенные в правильной постановке и правильном решении проблемы, где всемирная истина стала основой всемирного добра, справедливости и красоты исполнения неповторимого человеческого замысла, причиной его мировой славы.

Так, слава Гегеля - слава его глубокой и познающей мысли, субъективной по форме, но объективной по всемирному содержанию - всеобщим законам мира, ставшим законами его личного мышления. К сожалению, его абсолютно чистая диалектическая мысль не стала всеобщим профессиональным достоянием, обобщающим сокровища мирового разума в каждом из приписывающих себя к философскому ведомству. В личном представлении наших элитарных философов Гегель мертв, потому что их личное мышление не взяло эстафеты, оставленной Гегелем, - проблемы проблем. Гегель открыл для себя проблемы, поставленные и оставленные нерешенными всеми искателями общечеловеческой истины интеллекта, нравственности, свободы, добра, красоты. Все философы, поэты, историки, правоведы, ученые живут в мировом разуме Гегеля как союзники, и если союз науки и искусства как союз великих личностей всего мира в душе-мышлении Гегеля не совсем удался, то не по вине самого Гегеля, который делал все возможное, а по вине тех, кто делал всё, чтобы уничтожить его как титана, поднимавшего самосознание общества на уровень Человека.

В философии Гегеля жив Человек, открывший для себя собственный смысл всемирного бытия, ставший интеллектуальным собственником всего интеллектуального мироздания, обладателем мировой сокровищницы истины, добра и красоты. Правда, чтобы Гегель с философского «кладбища», существующего в душе современного философа в форме абстрактного представления, начал свое подлинное философское существование,

необходимо, чтобы этот философ сделал для себя те же мудрые открытия, что и Гегель. И прежде всего надо открыть тот союз науки и искусства, от которого увело современного философа мировое «кладбище мыслей», созданное для мирового разума в современной системе просвещения, науке, искусстве и религии.

Помните, у Уолта Уитмена: «Пусть мертвые мертвым приносят любовь и плачут у старых могил...». Уитмен, разумеется, не порицал «любовь к отеческим гробам», уважение к своим предкам; почитание родных могил – естественное чувство глубочайшей признательности, которую испытывает каждый Человек к тем, кто передал ему эстафету вечности. Уитмен видел, с какой легкостью убивают других и себя те, чьи мысли убиты уже на поверхности священного знака, символа.

Непознанная, абсолютно чистая мысль становится профессиональной убийцей человека в философии и других видах человеческой мудрости. Гегель был единственным философом, кто заметил, с какой абсолютной точностью совершил философское самоубийство великий Кант. С какой легкостью была усвоена мысль Канта о непознаваемой «вещи в себе»! Стали бесконечно и говорить, хотя то, о чем следовало сказать, предельно точно заметил именно Гегель: тут и познавать нечего, поскольку Кант образовал совершенно голую абстракцию, отвлекаясь от всех частных чувственных впечатлений и определений мысли.

Гегель предполагал в собратях по разуму наличие разума, способного понять логические противоречия рассудка, руководствующегося чисто формальной логикой, заложенной в школярское представление о научном познании. Гегель смог образовать голую, самую простую философскую абстракцию «вещь в себе», жертвой которой пал Кант. И если бы вслед за Гегелем это смогли повторить в собственном мышлении другие философы, вся наука, начиная с философии, могла бы пойти путем жизни, а не смерти, формируя профессиональных убийц мудрости во всех сферах бытия. Поэтому убийство Человека, убийство самого себя, а потом и других - такое же обычное и бесхитрое в своей самой первой и примитивной основе дело.

«Вещь в себе» - термин, который обозначил интеллектуальный предел, далее которого мысль Канта пойти не могла, она замкнулась, погибла в абсолютно конечном определении. Образуя это конечное определение сознательно, в форме голой, т.е. абсолютно чистой, абстракции, Гегель пошел дальше Канта в теоретическом осознании метода диалектики как логики и теории познания одновременно.

Конечно, можно спорить о том, насколько совершенно и точно изложен метод, удерживающий себя в чистой мысли с такой аккуратностью, какой еще не знала предшествующая культура познания. Но невозможно игнорировать личное открытие Гегеля, которое должно было бы войти в мышление всякого интеллектуала в качестве предостережения от повторения ошибки Канта – классической, прекрасной в своей чистой и честной жертвенности во имя

торжества всемирной истины, красоты, добра и справедливости самоутверждения Человека в обществе.

Голые абстракции образуют все профессиональные болтуны, которые лучше всех «расстреливают» профессионально мыслящих людей в своей профессии - поэтому так убийственно плохи учебники по философии, педагогике, теории литературы - и, возможно, во всех других науках, где мысль исключила из себя всеобщее мирового разума, мировой культуры, познания творчества. Поэтому система просвещения и стала «кладбищем» мировых проблем самопознания Человека в своей Профессии.

Человек - творец божественной красоты; Микеланджело чувствовал себя богом, вкладывая душу в мертвый мрамор. Но когда от души остается у индивида голая абстракция в слове «душа», и человек ошибается, как ребенок, который отдал душу тряпичной кукле мужского или женского пола, его спасение в том, чтобы он понял, что сделал и как далеко пошла его мысль по пути глупости, в чистое ничто. О чем тогда жалеть? Жалеть можно только погибшего в кукле человека. И Гегель спасал превратившегося в бумажную куклу деятеля культуры, спасал его любовь к мудрости, отвращая от любви к глупости, где мысль человека-профессионала не что иное, как системное превращение нечто в ничто, без надежды когда-либо понять истинный конец заблуждения или лжи, ставшей личным способом бытия, где сознание лучших намерений и желания блага самому себе - дорога в ад.

Ад и рай мудрая природа поместила в мозг человека, четко отделив любовь к мудрости от любви к глупости мгновенной наградой и мгновенным наказанием. За любовь к мудрости - все положительные переживания, начиная с элементарного удовольствия, за глупость – боль, страдания. А мировой разум - воспитатель чувств, запрещающий всё, что приносит вред жизни во всем мире, мыслящему человечеству в особенности. Человек любим нами в образе и Квазимодо, и Гуинплена; негодяй омерзителен, если очаровательная внешность сопровождается искусством «влезать в душу». К сожалению, негодяй в искусстве гораздо опасней негодяя в философии, поскольку философское негодяйство забывается быстро для всех, кроме философов, которых оно очаровывает возможностью преуспеть в еще большем негодяйстве. Торжество негодяя - лично для него нечто совершенно приятное - триумф самоутверждения, и Гегель был последним из философов, кто в логике закрывал путь лжи, открывая дорогу истине.

Если познание – то логика, а если не логика - то и не познание, не культура, не наука, не искусство. Хотите верьте, хотите нет, но движение мысли от незнания к знанию противоположно движению от знания к незнанию увенчанного дипломом академика.

Голая абстракция «вещь» - это чистое противоречие нечто-ничто, готовое повториться на поверхности всех вещей без малейшей возможности обогатиться новым содержанием всеобщего, поэтому так часто любовь к вещам непроходимо глупа во всем, что касается родовой человеческой сути, общечеловеческих ценностей, метода науки и искусства.

Гегель любил человека в системе мирового мышления, дающего ему в обществе освобождение от духовного рабства, и вся его философская система знания - единая логика спасения мировой цивилизации в душе каждого человека, где все виды умственного труда в союзе создают неисчерпаемые сокровища мирового разума, где Сократу дышится не менее легко, чем Гете. И Гегель знал, что без единства с мировой душой, открывшейся ему собственными проблемами в душах Вольтера, Дидро, Канта и всех других искателей истины, освобождающей человека вместе с обществом, сам он — ничто.

Всё и ничто в истории познания постоянно меняются местами помимо воли и сознания всех неосознающих себя в состоянии, названном просвещёнными людьми «духовным рабством». Если в слове «господин» - всё, то в слове «товарищ» - ничто и наоборот. Один обязательно жаждет иметь рабов, другой - общаться с людьми, обмениваться знаниями, материальными и духовными богатствами. И если человек начал осознавать свое чисто человеческое бытие с чистой мысли, то становление этой мысли неизбежно принимает форму, которая оказывается противоречием между движением к сущности и от нее - противоречием «нечто-ничто». И если вы, жадно желая превзойти Гегеля, утешаетесь мыслью невежд, позволивших вам проигнорировать гегелевское открытие, не включить его в структуру собственного мышления, вы вместе с дипломированными невеждами окажетесь в точке, где уже погибла мысль Канта, в «вещи в себе», а если вы и до Канта не доросли в способности критиковать теоретический и практический разум, то найдете свою мысль на вершине, которую Гегель обозначил термином «ничто». Это общая вершина философского самопознания, которую оно так и не удосужилось познать. Ее надо искать на заре прогресса, до религии.

Непознаваемость самой простой философской общечеловеческой мысли во «Введении в философию» (1989 г.) - такая же объективная реальность, как дорелигиозное рабское самосознание профессионального убийцы, у которого слово и пуля - одна и та же материалистическая линия жизни, отнимающей духовную и всякую иную жизнь без угрызений совести, согласно личному желанию, опирающемуся на лично удобные принципы, которые убийца меняет или не меняет только потому, что лично получает от этого удовольствие, потому, что хочется, нравится. И какой бы гнусной ни была личная потребность, она всегда находит опору в общественном мнении, где бесчеловечное нечто превратилось в окончательное ничто, имя которому — смерть.

Смерть впечатляет, а ничто - нет? Кукиш (русский кукиш) тоже не оставляет равнодушным, а ничто... просто слово? Вас устраивает духовная смерть, которую вы называете жизнью или массовой культурой, или каким-нибудь другим столь же определенным или неопределенным именем, но в каждом из них всеобщее человеческой мысли - духовной жизни человека - независимо от вашего самосознания завершается чаще всего превращением

нечто в ничто, перенаименованием некоего неопределенного смысла. Правда, у вас есть возможность заметить процесс перенаименования и принять его за норму профессионального бытия, успокоиться, поразиться открытием и радостно именовать и переименовывать без опасения, что кто-то назовёт вас ничтожеством или просто мертвой душой.

Разве мертвые души когда-либо понимали намеки интеллигентных людей? Шамиссо слышал Андерсен, Андерсена – Шварц, Гоголя - Чехов. Помните, один из его докторов произносит мысль, которую вспоминает один из персонажей Тенесси Уильямса: сколько среди нас мертвых, даже об этом и не подозревающих. Но пришла пора, проверить себя на человечность: вдруг окажется, что это нечто, превратившееся в ничто?

Уж очень мало времени осталось до общего ничто. Может задумаемся?

Задумаемся над скрытыми, неосознанными причинами бесчеловечности современной науки, искусства, политики и других профессий, начиная, допустим, с философии, с любви к мудрости, которая ну никак не входит в институт человека при всём горячем желании его учредителей. А вдруг они бесчеловечны? Да и что было бы, если б кто-либо заметил, что в философии глупая материальность безвозвратно покончила... с человеком?

Есть у нас философы, более или менее догадывающиеся о том, что их философское бытие можно подвести под определение «небытие», но что и здесь произошло превращение нечто в ничто, из которого есть выход в мировую культуру познания через категории «качество», «количество», «мера» и другие, органично соединяющие логику всеобщего с частными видами познания, умственный труд с физическим. Придется признать вклад Гегеля в общую интеллектуально прекрасную и добрую, абсолютно честную, истинную и справедливую человеческую собственность. Если, конечно, найдёшь в себе желание и силы, упорство, жажду вырваться из состояния всеобщей дурости и подлости всеобщего предательства человека, его права на истину, добро, красоту мирового разума, справедливо разрешающего противоречие личного эгоистического интереса и всеобщей выгоды спасения от мировой катастрофы, начиная с личной вселенной, где ты, может быть, являешься самым гнусным рабом авторитетной подлости и глупости, украшающей тебя красивыми именами по принципу, описанному поэтом Леонидом Мирошиным: «Хвалил не тех, ругал не тех, зато у всех имел успех. Его хвалили те и те, стараясь быть на высоте».

Короткое «потепление» интеллектуально-нравственного климата несколько десятилетий назад высекло в сознании названного поэта запомнившуюся мгновенно мысль: «Спроси себя, а так ли ты живешь и так ли делаешь, и то ли? Ты сам себе, наверно, не соврешь, хоть правда и кольнет до боли».

Не во всех известных нам борзописцах просыпался в лучшие периоды их бытия мудрый и наивный ребенок, не у каждого хватило силы выжить, поскольку бытие поэта измеряется не качеством поэтических мыслей, а количеством опубликованных сборников, т.е. небытием. Полиграф

Полиграфыч - вот кто подлинный хозяин банды поэтических рвачей и выжиг, выпендривающихся друг перед другом «бумажной» благосклонностью существа с «собачьим сердцем». Поэтому им не понять бесхитростного величия души в процитированных автором строчках.

Душа родилась раньше разума, осмысливающего ее бытие как личное, вмещающее вселенную. Если наука и искусство не станут союзниками в том, чтобы вернуть душу в каждый вид познания, самоосвобождение человека в труде не состоится, и бесчеловечность приведет к мировой катастрофе.

Мировой разум, постигший суть мировой души на уровне своей исторической эпохи, входит и выходит, на мгновение принимая материальную форму знака-изображения согласно объективной диалектике всеобщего, особенного и единичного (частного, отдельного, специфического), соединяя данным мгновением все отдельные души в один общий мир, одну бесконечную вселенную.

Все, превратившие нечто в ничто, объединяются мыслью по эту сторону материальной формы одним общим умением выразить бесконечно малую и простую мысль бесконечным количеством языковых знаков и изображений. Эта обесчеловеченная, самоубийственно-убийственная, подлая, лживая мысль все время удаляется от познания родовой сути человека в мышлении на все возрастающую длину строчек, страниц, нисколько не меняя своей сути повторением исходной логической ошибки, место которой в истории познания отыщет только тот, кто ищет истину честно во имя спасения человечества вместе с правами человека в человеке, ибо человек - центр вселенной, которую все виды познания, умственного и физического труда должны создать в каждом, чтобы свобода всегда была тем, чем она всегда была, есть и будет - свободой труда, а труд - личной свободой.

Неужели у каждого не хватит ума-разума найти свое место в общей, самой разумной, человеческой системе труда, чтобы принести максимум пользы себе и другим, другим и себе? Другим - первично, потому что качество твоего продукта - возможность качества и количества другого, законы системы труда определяют свободу поиска того предмета познания и творчества, который соответствует твоим личным возможностям и объективным потребностям. Открывая в себе систему культуры труда мирового уровня, ты превращаешь свой личный разум в мировой. Трагедия многих - в погоне за легкой наживой, в загубленной способности познать и суть труда, и суть человека.

Вот уж поистине, если бог захочет наказать, то прежде отнимет разум. И не спасут никакие заклинания, молитвы, священные символы. Вот вы лично верите, что бог наградил вас разумом, или знаете, что так оно и есть? В истории культуры познания слово «бог» обозначает и всё, и ничто. И вы лично не замечаете, как это происходит, не уводит ли вашу мысль лукавый, ловко меняющий таблички в мире чувственных представлений. Всё-таки все умные и честные понимали, что созданы не для подлости.

Подлость - конечное пристанище глупости, где самый хитрый и изворотливый пожинает те же конечные результаты, что и самый несообразительный.

Вся материя собственности у простого крестьянина и академика, заработавшего славу на основном экономическом законе социализма, - «на конце пальца», совершающего кольцеобразное движение вокруг себя. Чистая, голая мысль таким простым способом обобщила всю вселенную, доказав, что и тот, и другой в состоянии познать общечеловеческую истину, исключаящую возможность обкрадывания того, кто кормит академиков, оставляющих свою интеллектуальную собственность на «конце крестьянского пальца» в обмен на хлеб, мясо, молоко и прочие редкие вещи.

Гегель, как и все великие мыслители, отдает человечеству все, что сумел взять, и если я взял то, что не сумели взять все материалисты, я разве виноват? Виноват ли я, что все современные материалисты и идеалисты погрузились в слово «бытие» без надежды понять, что всеобщее и частное поменялись в их сознании местами помимо их воли и желания?

Движение во всех философских словах, употребляемых в науке, искусстве и жизни, большей частью идет в направлении, обратном познанию прекрасной и доброй родовой человеческой сущности, и противоречия «нечто – ничто», «конечное – бесконечное», «всеобщее – частное» бесконечно повторяются в форме обесчеловеченного логического противоречия, исключаящего из языкового мгновения вселенную человека, мировой разум.

Какое движение вы мыслите под понятием «движение»? Движение вещей, слов, чувственных впечатлений или в первую очередь движение мысли от явления к сущности? Отличаете развитие метода познания от движения языковых форм, повторяющих превращение бесконечного в конечное, нечто в ничто, чувственного в рациональное, объективного в субъективное, бытия в небытие, части в целое, всеобщего в единичное и т.д.? Вхождение в мир мысли чем-то напоминает известную картину Дейнеки: через мост идут твердые, плотные ряды со штыками, готовыми пронзть, пронзть, а внизу, в обратном направлении - убогие калеки, мечтающие только добраться до блаженного состояния покоя. Покоящаяся мысль – твердая воля к победе, превращенной в поражение, незаметное для личного самолюбия, украшающего себя совсем другими атрибутами.

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ПЛАНЕТАРНОГО УРОВНЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Всемирно-исторический процесс, как процесс, обладающий признаками системности, развивается в направлении усложнения своей целостности. Субъектами этого процесса являются многообразные «социальные организмы» системного характера. Разнообразие типов этих организмов зависит от многих причин, в том числе от условий и возможностей, предоставляющихся социальному организму конкретно-историческим периодом, в котором он существует, а также от уровня его внутреннего развития и зрелости. Так, на заре истории характер участников мировой истории ограничивался рамками родоплеменных отношений, а со сменой времен на исторической арене появлялись, дополняя или сменяя друг друга, моноэтнические локальные, полиэтнические региональные, монотеистические региональные и, наконец, современные цивилизации. Взаимодействия участников всемирной истории образуют ее постоянно усложняющуюся структуру.

По мнению автора, можно выделить четыре уровня усложнения взаимосвязей всемирной истории. Первый представляет собой целостность родоплеменного характера, или первичного социального организма. На этом уровне взаимосвязи всемирной истории были ограничены рамками каждой конкретной первобытной общины или ареалом обитания нескольких родовых групп. Конечно, в таких условиях исторический процесс вряд ли следует воспринимать как всемирный. Второй уровень есть целостность локальных цивилизаций, развивающихся в границах моноэтнических государственных образований. К третьему и четвертому уровням можно отнести целостность региональных цивилизаций двух типов: полиэтнического и монотеистического. Региональные цивилизации представляют собой систему интеграции ряда бывших локальных цивилизаций, одни из них играют роль доминирующего ядра, вторые выступают как субдоминанты, развитие которых определяется доминирующим ядром, а третьи являются как бы пограничной зоной, испытывающей влияние как своей, так и соседней региональной цивилизации. Возможность влиять, определять судьбы друг друга стала характерной для этого уровня. Новым уровнем целостности всемирно-исторического процесса может стать планетарная цивилизация, объединив современные крупные и средние региональные цивилизации.

Итак, всемирно-исторический процесс развивается, судя по всему, по направлению к планетарному уровню целостности. В соответствии с этим представлением автор попытается в данной статье ответить на следующие вопросы. С какими событиями связан переход к становлению нового уровня целостности всемирной истории? Каковы этапы формирования планетарной целостности мировой истории? Как изменялись структура мировой истории и характер ее участников в процессе формирования указанного уровня целостности?

В научной литературе преобладает мнение о том, что становление планетарной цивилизации неразрывно связано с зарождением и развитием капиталистических отношений, т.е. индустриальной цивилизации. Предпосылки новых отношений зарождались в эпоху Возрождения, Великих географических открытий и Реформации. Таким образом, формирование планетарного уровня целостности всемирной истории относят к концу XV- началу XVI веков. Предположим, что этапы развития капиталистического общества (первоначальное накопление капитала начала XVI - середины XIX веков, капитализм свободной конкуренции XIX века, монополистический капитализм конца XIX – первой половины XX веков, а также этап постиндустриального информационного общества второй половины XX - начала XXI веков) соответствуют этапам усложнения целостности всемирной истории. Проследим, какие качественные и количественные изменения в составе участников всемирно-исторического процесса происходили на этих этапах. Выявим основные тенденции в изменении характера взаимодействия субъектов мировой истории по мере перехода от одного этапа к другому. В зависимости от полученных результатов уточним предполагаемое начало и выделим этапы становления планетарного уровня целостности. Сделаем вывод о соответствии или несоответствии периодизации капиталистического общества этапам развития нового уровня целостности мировой истории.

Изучение вертикальных срезов структуры всемирно-исторического процесса позволяет проследить изменения, произошедшие, во-первых, в составе его участников за определенное время (появление новых или исчезновение прежних субъектов), во-вторых, в характере взаимоотношений частей мировой истории. Рассматривая такие срезы, отметим, что изменение структуры всемирной истории во времени и пространстве подчиняется таким же закономерностям, которые характерны для всех динамических системных объектов. Так, экстенсивный путь развития структуры осуществляется за счет поглощения агентов ближайшей внешней среды. Постепенно поглощенный внешний агент включается во внутреннюю структуру, приобретает и выполняет функции, необходимые системе для ее дальнейшего существования. Тем самым внешняя среда превращается во внутреннюю. Применяя это положение к развитию структуры исторического процесса, отметим, что в аналогичной ситуации первоначально происходит поглощение развившимися цивилизациями своих отстающих в развитии, а потому не способных оказывать длительное сопротивление соседей и включение их в свою внутреннюю структуру в качестве собственной периферии. В дальнейшем, после «освоения» таких «нецивилизованных окраин», подобные процессы распространяются на другие цивилизации, находящиеся в кризисном состоянии. По мнению автора, процессы укрупнения и усложнения ведущих цивилизаций за счет поглощения других регионов приводят к уменьшению общего числа субъектов мировой истории. Рассмотрим это положение более подробно.

Ранее указывалось, что начало возникновения планетарной цивилизации исследователи традиционно относят к XV-XVI векам. Однако, рассматривая происходившие в Евразии в V-VIII веках процессы, можно сделать вывод о том, что предпосылки становления планетарной цивилизации должны относиться ко времени более раннему, чем зарождение капиталистических отношений, а именно к моменту появления на исторической арене новых игроков - монотеистических цивилизаций. Активизация же этого процесса приходится на XI век и связана с завершением формирования внутренних структур каждой из цивилизаций, а главное, с переходом к освоению ими ближайших «нецивилизованных окраин».

Действительно, VI-VII века нашей эры в связи с расширением ареала распространения мировых религий (христианства - в Западной и Южной Европе, буддизма - в Тибете, Китае и Японии, ислама - в Южном и Восточном Средиземноморье, Центральной Азии) и увеличением их роли в жизни евразийских народов стали временем зарождения нового типа участников мировой истории – региональных монотеистических цивилизаций. Это такие новые цивилизации, как Западно- и Восточно-христианские, Исламская, Буддийские - Южно-Азиатская и Дальневосточная. Некоторые из них, например Западно-Христианская и Исламская цивилизации, формировались на основе тех государственных образований, что создавались германскими племенами на территориях Западной Римской империи, а арабскими племенами – на территории Сасанидской и ближневосточной периферии Византийской империй. Становление Буддийских цивилизаций протекало в ситуации сменявших друг друга процессов периодического объединения и распада единых государств Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Ускорение процессам создания Буддийских цивилизаций придало очередное образование в VI-VII веках единых централизованных государств в Тибете, Китае, Монголии и Японии. Следует подчеркнуть, что внутри каждой из пяти указанных цивилизаций шли процессы формирования внутренней структуры, ранжирования и дифференциации их частей.

Чем же отличаются монотеистические цивилизации от своих предшественниц? Прежде всего большей степенью своей устойчивости. Каждая из них не представляет собой единого государственного организма, не требует единообразия в управлении, образе жизни, единых типов «ответов» на «вызовы» среды. Ее частями являются относительно самостоятельные сложноорганизованные подсистемы, которые могут выдавать нехарактерные для остальных частей решения и при необходимости принимать на себя функции другой подсистемы в случае ее кризисного состояния. Так, падение Византийской империи не привело к распаду Восточно-христианской цивилизации, поскольку роль доминанта взяла на себя Московская Русь. В то время как кризис Римской империи привел к ее расколу, распаду Западной Римской империи и формированию в бывшей сфере ее влияния варварских королевств и в окончательном итоге социального организма нового типа - Западно-христианской цивилизации. Помимо указанных монотеистических

региональных цивилизаций в период с VII-VIII веков по начало XV века на арене мировой истории самостоятельно действовали субъекты иных уровней развития: изолированные региональные цивилизации, например Латиноамериканская, и отдельные, родоплеменные по сути, социальные организмы - племена и союзы племен степных кочевников, народов Экваториальной Африки, Океании.

Поскольку примерно до XI века формирование новых цивилизаций как системных образований находилось в стадии становления, внутренние взаимосвязи между их частями были непрочны, роль и место каждой не определены, отношения иерархии не устоялись и соответственно еще не были четко зафиксированы. Иначе говоря, структура каждой из цивилизаций только приобретала устойчивость, и все существование этих регионов определялось преимущественно необходимостью решать в первую очередь внутренние проблемы. Эти обстоятельства позволяют высказать предположение о горизонтальном характере структуры всемирно-исторического процесса с момента начала формирования региональных монотеистических цивилизаций в VII-VIII веках до начала «открытой» колониальной эпохи, приблизительно до конца XV века. Иными словами, все субъекты - «части» мировой истории находились по отношению друг к другу в равновозможных условиях. Такие условия до XI века обеспечивались приоритетом внутренних проблем, а до начала XV века - господством во внутренней жизни указанных цивилизаций аграрно-ремесленного типа хозяйства, не позволявшего какому-либо участнику мировой истории вырваться в лидеры по отношению к другим «игрокам». Вертикальные иерархические связи господства-подчинения, имеющие, допустим, вид схемы, предложенной И. Валлерстайном (доминантный центр – субдоминантная полупериферия – периферия) [1, с.184; 2, с.12], были присущи этим образованиям во внутренних отношениях между их собственными частями, но не во внешних, «международных» связях.

Первые изменения в характере структурных связей всемирно-исторического процесса относятся к XI веку. В целом формирование цивилизаций к этому времени можно считать завершенным, и на первый план в их дальнейшем развитии вышли две проблемы, характерные для цивилизаций экстенсивного типа развития. Первая проблема – решение внутренних задач за счет внешних факторов. Вторая заключалась в том, что большинство внешних факторов находились в зоне периферии других цивилизаций. Пришло время определять свое место во взаимоотношениях с другими монотеистическими цивилизациями. Первоначально это пытались сделать привычным силовым путем, проверяя устойчивость противника. Стремление решить внутренние проблемы за счет внешней среды - вот причина многих межцивилизационных конфликтов XI-XVI веков. Однако такие столкновения (будь то арабские завоевания в Центральной и Южной Азии или крестовые походы), как правило, протекали на перифериях противоборствующих цивилизаций, поэтому, независимо от итогов

конкретных столкновений, устойчивость цивилизаций в целом, их суверенность не подрывались.

Так, усилия для изменения такого вида «международной» структуры, установления вертикали подчинения и господства прилагались Европейской Западно-христианской цивилизацией, но на тот момент они остались нерезультативными. По мнению автора, активность этой цивилизации объясняется исчерпанием ею ресурсов своего экстенсивного развития, в первую очередь земельного фонда Западной Европы. Попытки восполнить его в XI-XIII веках за счет Реконкисты, освоения земель Восточной Германии, Прибалтики не только не ослабили «земельного голода» европейских феодалов, но и привели к дальнейшему продвижению Европы на Восток и Ближний Восток. Этот натиск, как известно, был остановлен в XIII веке по обоим направлениям: и Европейской Восточно-христианской, и Исламской цивилизациями.

Эти же цивилизации подвергались опасности и с другой стороны – со стороны родоплеменных организмов монгольских кочевых племен, объединенных Чингисханом и его наследниками в мощную военную силу, с помощью которой была создана оказавшаяся недолговечной региональная полиэтническая цивилизация. Временное господство этого элемента мировой истории на субперифериях и перифериях указанных монотеистических цивилизаций косвенно подтверждает справедливость предположения о равноценности всех объектов всемирно-исторического процесса на данном его этапе. В конечном счете это противостояние завершилось расчленением монгольского «субъекта» на части и включением их во внутреннюю структуру как минимум трех цивилизаций: Исламской, Европейской Восточно-христианской и Буддийской Дальневосточной. Подобное подтверждение равновесия региональных монотеистических цивилизаций, по-видимому, и способствовало сохранению горизонтального типа отношений между ними. Невозможностью продолжать экстенсивное хозяйствование объясняется переход доминантной группы Европейской Западно-христианской цивилизации к интенсивному типу развития и обусловленный этим ее будущий технический прорыв.

С началом формирования колониальной системы численность «самостоятельных» элементов мировой истории и характер связей между ними меняются. Во-первых, с конца XV до середины XVIII века территориально вышли за рамки европейского региона Европейские Западно- и Восточно-христианские цивилизации (что позволяет говорить о них как о Западно- и Восточно-христианских), поскольку члены их доминантных групп «осваивали» бывшие изолированные региональные цивилизации и родоплеменные социальные организмы обеих Америк, западного побережья Африки и Сибири. Во-вторых, «освоение» указанных территорий означало создание устойчивых вертикальных, т.е. иерархических, связей господства-подчинения с метрополией.

Устанавливавшиеся новые мировые связи со стороны метрополий Западно-христианской цивилизации носили жестокий грабительско-потребительский характер, предполагающий безоговорочное подчинение и эксплуатацию как природно-хозяйственных, так и человеческих ресурсов захваченных пространств. Нечто подобное, но в смягченном варианте, наблюдалось и в отношениях, возникавших у Московской Руси, как члена доминантной группы теперь уже Восточно-христианской цивилизации, с Поволжьем и Сибирью. Так, социальные организмы Среднего и Нижнего Поволжья (ханства и племенные образования) Европейская Восточно-христианская цивилизация вовлекла в свои внутривидовые связи еще в XVI веке, а к началу XVIII века та же участь постигла и Сибирь. Говоря о Восточно-христианской цивилизации, следует добавить, что с середины XVI века, с падением Византии под ударами османов, Московия становится единственным членом доминантной группы этой цивилизации. Сама же цивилизация сохранила свою независимость и жизнеспособность, несмотря на то, что бывшие византийские владения были включены во внутреннюю структуру Исламской цивилизации в качестве периферии. В-третьих, одним из результатов формирования колониальной системы стало то, что к концу указанного периода регионы запада Африки, обеих Америк, Сибири были включены метрополиями в свою внутреннюю структуру, т.е. в «локальные истории», и тем самым, по мнению автора, они оказались как бы исключены из структуры всемирно-исторического процесса.

Отношения же самих монотеистических региональных цивилизаций друг с другом продолжали существовать преимущественно в горизонтальной плоскости, в основном не выходя за ее пределы. Среди подобных горизонтальных взаимосвязей периодически преобладали то отношения торгово-экономического характера, то военно-политическое противостояние на периферии той или иной цивилизации или даже включение периферийных районов одной цивилизации в структуру другой. Однако никоим образом отношения между самими цивилизациями нельзя охарактеризовать как отношения господства-подчинения. Такое положение сохранялось до тех пор, пока интересы одной из цивилизаций раньше других не только не потребовали иного, но и не были обеспечены ее военно-техническим превосходством, которое, в свою очередь, обуславливалось индустриальным типом хозяйствования.

В период со второй половины XVIII по конец XIX века кардинально меняется сущность указанных связей. На этом этапе исчезает «равноправие» монотеистических цивилизаций. За указанный период доминантные группы Западно- и Восточно-христианских цивилизаций установили новые, вертикальные, взамен прежних, горизонтальных, «международные» связи между цивилизациями. Обновленные связи имеют характер господства-подчинения, поскольку все неевропейские цивилизации попали в ранг зависимых колоний, полуколоний, протекторатов и сфер влияния этих цивилизаций. Но вместе с тем изменились не только характер и качество

«международных» отношений. Новый состав периферии становится не столько объектом разграбления и источником не производящегося в метрополии продукта или сырья, как было с «нецивилизованными» регионами Америк, Африки, Океании, сколько рынком сбыта промышленных товаров самих метрополий, объектом вывоза капиталов, источником дешевой рабочей силы. Таким образом, за четыре столетия из относительно равноправных междоцивилизационных отношений торгово-экономического характера к концу XIX века вырастают отношения господства-подчинения.

Следует подчеркнуть, что в XIX веке Западно-христианская цивилизация предприняла ряд попыток перевести в одну из этих категорий Восточно-христианскую цивилизацию. Именно с такой позиции можно оценить вторжение Наполеона в Россию и Крымскую войну. Опираясь на не исчерпанный до конца за сотню лет потенциал, заложенный преобразованиями Петра I, Россия, как доминантное ядро Восточно-христианской цивилизации, в начале XIX века сумела пресечь данное стремление, а в середине века – его избежать. К тому же поражение в Крымской войне 1854-1856 гг. стимулировало Россию к ускоренному созданию индустриальной базы. Можно предположить, что тенденция включения Восточно-христианской цивилизации в структуру Западно-христианской в качестве субдоминанты или даже участника доминантной группы сохраняла свою актуальность вплоть до октября 1917 г.

Тем не менее структура мировой истории к началу XX века включала две взаимодействующие европейские цивилизации и их периферии. Внутри каждой цивилизации сохранялась, видоизменяясь, собственная структура, в которой можно выделить доминантную, субдоминантную и периферийную группы. Доминантная группа каждой состояла из экономически передовых на тот момент стран - колониальных держав. Субдоминанты были представлены как некоторыми европейскими странами, отстающими в своем экономическом и политическом развитии, так и неевропейскими регионами, а именно бывшими колониальными владениями великих держав с привитой европейской культурой, поделенными на сферы влияния между доминантами, но внешне обретшими политическую независимость от них. Периферией можно назвать ранее самостоятельные неевропейские цивилизации, превратившиеся в сферы влияния европейских доминантных центров.

Кроме того, большое значение приобретает противостояние членов доминантных центров европейских цивилизаций друг другу. Здесь можно отметить одну особенность. Приблизительно до XVI века соперничество ведущих центров одной цивилизации имело внутренний характер, т.е. конфликты не выходили за рамки собственной цивилизации: так, территория Европы служила ареной борьбы европейских государств, а Ближний и Средний Восток – исламских. Начиная же с XVI века конкуренция между членами доминантной группы одной цивилизации разворачивается первоначально в междоцивилизационном пространстве (борьба за колонии), а

затем и в пространстве других цивилизаций (борьба великих держав за сферы влияния в Исламской и Буддийских цивилизациях).

В целом указанные отношения с некоторыми изменениями были присущи мировой истории и в XX веке. На протяжении всего века структура всемирно-исторического процесса несколько раз претерпевала существенные изменения, касающиеся как характера составляющих его частей, так и отношений между ними. Мировые конфликты начала века служат подтверждением стремлений ряда стран утвердиться в доминантной группе Западно-христианской цивилизации, создав собственную, аналогичную лидерам, внутреннюю структуру. Можно предположить, что по мере включения новых объектов в свою структуру два центра должны были органично развиваться по направлению к их интеграции, занимая определенное положение в одной из трех групп. По мнению И. Валерстайна [2, с.13], должна была сложиться единая «капиталистическая миросистема», отношения в которой осуществлялись бы между странами центральной зоны капитализма, полупериферии и периферии. Однако этот естественный процесс был искусственно прерван социалистической трансформацией Восточно-христианской цивилизации. После окончания Второй мировой войны два центра мировой истории утвердились в виде капиталистического и социалистического военно-политических блоков стран, противостояние между которыми сохранялось в горизонтальной плоскости, но отношения внутри блока строились по уже известной с прежних времен схеме: доминант-субдоминант-периферия. Система двух центров, изживавшая себя еще в начале века, поскольку уже тогда мешала международному разделению труда и оптимальному использованию мировых ресурсов, в середине века превратилась в тормоз для решения основных проблем мирового развития, источник социальных, политических и экономических трудностей во многих районах мира. К тому же большинство стран Азии и Африки, освободившись от колониальной зависимости, не смогли стать самостоятельными субъектами всемирной истории, а вынуждены были по экономическим и идеологическим причинам включаться в структуру того или иного блока. В девяностые годы биполярная мировая система распалась, а новая система находится в процессе становления.

Подводя итоги, можно сказать, что зарождение предпосылок перехода всемирно-исторического процесса на уровень планетарной целостности относится к периоду завершения внутреннего структурирования монотеистических цивилизаций и началу «освоения» ими внешнего пространства из-за доступности только экстенсивных механизмов развития. К XVI веку процесс реструктуризации мирового пространства и межцивилизационных связей был полностью активизирован. С XV по XVIII век монотеистические цивилизации включали в свою внутреннюю структуру цивилизации и иные социальные организмы «устаревшего образца», сохраняя в отношениях друг с другом принцип «равенства». В XIX веке горизонтальный тип структуры субъектов мирового исторического процесса заменяется на

вертикальный: Исламская и Буддийские цивилизации были насильно включены в периферии Христианских цивилизаций. Дальнейшее развитие всемирно-исторического процесса шло в направлении создания единой капиталистической цивилизационной системы. Однако Октябрьская революция в России и последовавшие за ней события внесли свои коррективы в формирующуюся мировую систему. Существование социалистического лагеря и его противостояние капиталистическому миру искусственно затормозили формирование указанной системы в первоначальном варианте почти на столетие. С 90-х гг. XX века по настоящее время процесс интеграции цивилизаций получил новое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Завалько, Г.А. Всемирная история глазами сторонников мир-системного подхода / Г.А. Завалько // Философия и общество. –1998. – № 5.
2. Розов, Н.С. Структура социальной онтологии: по пути к синтезу макроисторических парадигм / Н.С. Розов // Вопросы философии. – 1999. – №2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобровский Антон Евгеньевич – соискатель кафедры философии Брянского государственного технического университета.

Галемина Наталья Владимировна – аспирант кафедры философии Брянского государственного университета.

Горбачев Владимир Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Брянского государственного университета, депутат Брянской областной думы, заместитель председателя Комитета Государственной думы по образованию, науке и массовой информации.

Горин Дмитрий Геннадьевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала Орловской региональной академии государственной службы.

Горячева Анна Юрьевна – аспирант кафедры философии и истории Брянского государственного технического университета.

Демиденко Эдуард Семенович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Брянского государственного университета, академик Российской экологической академии и ряда международных, действительный член Международного информационно-экологического парламента, председатель Брянского отделения Российского философского общества.

Дергачёв Константин Владимирович – кандидат технических наук, доцент кафедры информатики и программного обеспечения, декан факультета экономики и информатики Брянского государственного технического университета.

Дергачёва Елена Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедр «Экономика, организация производства и управление» и «Философия и история» Брянского государственного технического университета, ученый секретарь Брянского отделения Российского философского общества.

Жогин Андрей Михайлович – студент финансово-экономического факультета Брянского государственного университета.

Золотарев Алексей Вадимович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Брянского филиала Московского университета МВД РФ.

Костина Наталья Леонидовна – преподаватель социально-экономического института Брянского государственного университета.

Лапченко Наталья Николаевна – аспирант кафедры философии и истории Брянского государственного технического университета.

Новожеев Роман Владимирович – старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии Брянской государственной сельскохозяйственной академии.

Патракова Алла Владимировна – начальник отдела производственной и маркетинговой деятельности Брянской государственной инженерно-технологической академии, член научно-методического совета по информационным технологиям БГИТА.

Попкова Наталья Владимировна – кандидат технических наук, доцент кафедры «Философия и история» Брянского государственного технического университета, заместитель председателя Брянского отделения Российского философского общества.

Скородумов Владимир Михайлович – ассистент кафедры «Производство строительных конструкций», председатель совета молодых ученых, аспирантов и докторантов Брянской государственной инженерно-технологической академии.

Свидерский Александр Александрович – старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии Брянской государственной сельскохозяйственной академии.

Степанищев Анатолий Федорович – доктор философских наук, заведующий кафедрой «Философия и история» Брянского государственного технического университета.

Степанищев Сергей Анатольевич – студент философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Черняков Альберт Александрович – кандидат философских наук, доцент.

Чувин Сергей Николаевич – аспирант кафедры философии и истории Брянского государственного технического университета.

Шустов Александр Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и политологии Брянской государственной сельскохозяйственной академии.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д.Г. Горин</i>	
Реальное, воображаемое и символическое в институционализации обществ: к методологии хронотопического моделирования	3
<i>Н.В. Попкова</i>	
Техносферные факторы в современном общественном развитии	10
<i>Е.А. Дергачева</i>	
Становление техногенного земного мира	20
<i>Е.А. Дергачева, К.В. Дергачев</i>	
Информационно-образовательный аспект техногенной поляризации стран мира	27
<i>Н.Н. Лапченко</i>	
Информационное общество: его содержание и проблемы формирования в России	35
<i>Э.С. Демиденко</i>	
Урбанизация в современном мире	42
<i>А.М. Жогин</i>	
Урбанизация и формирование экологически безопасного города	47
<i>Н.В. Попкова</i>	
Техносфера как объект философского исследования	52
<i>А.Е. Бобровский</i>	
Формирование техносферы в процессе техногенного развития общества	65
<i>А.В. Золотарев</i>	
Уголовное наказание в свете христианской антропологии	74
<i>В.М. Скородумов</i>	
Творческая составляющая человеческой жизни	80
<i>С.А. Степанищев</i>	
Антропология феноменологической философии Эмманюэля Левинаса. Опыт первого приближения	87

<i>С.Н. Чувин</i>	
Социально-психологическое содержание экотехнологической трансформации человека в техногенном обществе	100
<i>С.Н. Чувин</i>	
Биологическая трансформация человека в техногенном мире	108
<i>А.А. Свидерский</i>	
Экологизация материально-преобразовательной деятельности	117
<i>Н.Л. Костина</i>	
Влияние информационных технологий на решение глобальных проблем современности	125
<i>А.Ю. Горячева</i>	
Научная рациональность как комплексная и противоречивая проблема	130
<i>А.В. Патракова</i>	
Пространство и время как атрибутивные характеристики бытия	137
<i>Р.В. Новожеев</i>	
Политический ритуал в Древней Руси	147
<i>А.А. Черняков</i>	
Величие мысли философа	150
<i>Н.В. Галемина</i>	
Проблема становления планетарного уровня целостности всемирно-исторического процесса	157
<i>Сведения об авторах</i>	165

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редколлегия принимает научные статьи по социально-гуманитарным наукам в формате научного сообщения объемом до 0,5 п.л. (20000 знаков).

Статьи представляются в одном печатном экземпляре с приложением электронной версии на дискете. В тексте сначала указывается фамилия автора, затем название статьи. Текст должен быть набран 14 шрифтом Times New Roman с интервалом 1,5 и концевыми сносками. Отдельным файлом должны прилагаться авторские данные с указанием домашнего и служебного адреса (в том числе телефона и e-mail), места работы, должности, ученой степени.

Все поступающие статьи рецензируются и обсуждаются на редколлегии, которая сообщает авторам о принятом решении.

Адрес редколлегии: 241035 Брянск, бульвар 50-летия Октября, д. 7, Брянский государственный технический университет, кафедра «Философия и история». Тел. (4832) 54-90-67.

Информационное письмо

***Вниманию руководителей вузов, др. учебных заведений, кафедр, библиотек;
социологов, философов, ученых, аспирантов!***

В издательстве Брянского государственного технического университета (БГТУ) совместно с другими издательствами выходят в 2006-2007 гг. новые книги, которые могут представить интерес для ученых, аспирантов, студентов и др. Их авторами являются доктора и кандидаты наук БГТУ, труды которых относятся к исследованиям в области социологии, философии науки, техники, урбанизации, техносферы, а в последние годы – к новому направлению исследований: формированию техногенного общества и земного мира, новой социоприродной, постбиосферной реальности, переходу жизни от естественных, биосферных форм к искусственным, техно-ноосферным. Все книги вписываются в программу кандидатского экзамена «История и философия науки».

Дергачева Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности: монография. – Брянск, 2005. - (12 п.л.).

В монографии к.филос.н. Е.А.Дергачевой на основе социоприродного подхода проведено исследование современного техногенного (индустриального и постиндустриального) общественного развития и его влияния на земную жизнь. Проводится методологический анализ социально-философской концепции техногенного общества и исследуется противоречивое воздействие экономической, научной и технико-технологической рациональности на природу человека и общественную систему. Намечаются пути преодоления негативных последствий техногенной рационализации и становления гуманного глобального общества, сохранения биосферы.

Демиденко Э.С. Формирование метаобщества и постбиосферного земного мира: монография. – М.-Брянск, 2006. –(10 п.л.).

В монографии известного социолога-урбаниста, д.филос.н. Э.С.Демиденко проводится анализ формирования глобального метасоциума в ходе техногенного общественного развития и перехода жизни на планете Земля от естественной, биосферной эволюции к искусственной, техно-ноосферной. На большом статистическом и социологическом материале автор показывает, как человечество разрушает и уничтожает биосферу и строит искусственный мир. Опираясь на труды

В.И.Вернадского, Э.Леруа, П.Тейяра де Шардена, Н.А.Бердяева о социализации биосферы, формировании ноосферы, земного искусственного мира, машинно-технической реальности, на техногенные тенденции современного развития, автор высказывает ряд прогнозов хода эволюции общества, человека и биосферы.

Степанищев А.Ф. Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике: монография. – Брянск, 2006. - (21 п.л.).

В монографии д.филос.н. А.Ф.Степанищева исследуется проблема содержания понятия «рациональность» в философии и науке, эволюция этого содержания в ходе классического, неклассического и постнеклассического периода развития философского и научного знания. Особый акцент сделан на роли рациональности общенаучного знания в становлении единства рациональности науки и философии на современном этапе их развития. Подчеркивается, что современная постнеклассическая философия характеризуется научно-философской рациональностью, а также рациональностью «философии коммуникативного действия», «биофилософии» и философии «постмодерна». Иначе говоря, «полиморфизм», «мультифинальность» современной философской рациональности, на которые справедливо обратили внимание постмодернисты, представляют из себя всего лишь грани формирования ее целостного, «голографического» облика.

Попкова Н.В. Философия техносферы: монография. – М.-Брянск, 2007. – (20 п.л.).

В монографии к.техн.н. Н.В.Попковой, защитившей докторскую диссертацию по философии техносферы, проанализированы структура, содержание и основные характеристики техногенной среды как совокупности технических и техногенных объектов, получающей системные качества и обладающей определенной автономностью. Проведен критический анализ различных концепций техносферы, основанных на традиционном противопоставлении человечества, техники и природы. Выявлены соответствующие этим подходам принципы, этапы становления техносферы, тенденции ее развития и программы нейтрализации ее негативных воздействий. Показано, что синтез этих традиционных подходов к исследованию техносферы невозможен: для продолжения анализа необходимы распрямление понятия техносферы и выработка новых подходов, понимающих ее не как объект, а как концепт, задающий способ описания техногенной среды.

Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Техногенное общество и земной мир: монография. – М.-Брянск, 2007. – (24 п.л.).

На основе системного социоприродного подхода и других, признанных в социальной философии, социологии и др. науках, раскрывается сущность и содержание техногенного общества, объединяющего индустриальные и постиндустриальные общественные системы. Авторы, используя значительный статистический и социологический материал, показывают, как под воздействием промышленной (XVIII в.) и научно-технической (XX в.) революций происходят коренные изменения в общественном и природном земном развитии. Естественные факторы социоприродного развития замещаются искусственными, открывающими огромные возможности роста человеческих богатств, благосостояния людей и в то же время негативной трансформации и деградации человека и земного биомира. Авторы вскрывают факторы стремительного техно-ноосферного перехода жизни, опасности такой эволюции для человека и дают рекомендации по преодолению избыточной

техносферизации земного мира и формированию гуманного развития человечества и биосферы.

Демиденко Э.С., Попкова Н.В., Шустов А.Ф. Техногенное развитие общества и жизни на Земле: учеб. пособие. – Брянск, 2007. – (23 п.л.).

Предназначено для социологов, социальных философов, экологов, ученых и специалистов в области наук о Земле, для подготовки кандид. минимума по истории и философии науки. В нем раскрываются взаимосвязи философии и социологии, концепции социально-исторического развития, основные тенденции и проблемы глобально-техногенного общественного развития, тенденции и направления научно-технической деятельности, деградации биосферы и негативной трансформации человека, основные направления борьбы за сохранение биосферной жизни и человека.

Попкова Н.В. Введение в философию техники: учеб. пособие. – Брянск, 2006. – (17 п.л.).

Рассмотрены основные этапы философского осмысления техники и систематизированы полученные на сегодняшний день результаты: определения техники, технологии, техногенной среды, их характеристики, основные этапы развития и ожидаемые тенденции. Представлены основные объяснения глобальных проблем современности и программы их нейтрализации, проанализированы их теоретическая обоснованность и применимость.

Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Глобализация: процессы и проблемы глобализирующегося техногенного развития: учеб. пособие. – Брянск, 2007. – (7 п.л.).

Излагаются новые подходы к глобальным процессам и проблемам современности. Если глобалистика сейчас концентрирует свое внимание на всех аспектах общественной глобализации, включая и экологическую проблематику, то в книге внимание сосредоточено на эволюционной социоприродной глобализации, социоприродном переходе жизни на Земле.

Демиденко Э.С. Экспериментальная учебная авторская программа. – М.-Брянск, 2006. - (3 п.л.).

Экософия рассматривается автором как философское осмысление жизни и экологической проблематики в условиях современного эволюционного социоприродного перехода жизни от биосферных ее форм к искусственным, техноноосферным. Программа предусматривает не только изучение указанных процессов, но и сохранение биосферной жизни и сформированного биосферой человека. Программа предназначена для вузов, но может быть использована в колледжах, техникумах, школах и т.п.

Сборник статей «Проблемы современного антропосоциального познания», ежегодно.

Рассматриваются актуальные темы и проблемы современной социологии, социальной философии, философии истории и т.п. Приглашаются к публикациям ученые и аспиранты.

Заказы на книги просим направлять:

по электронной почте: rector@tu-bryansk.ru

по телефону / факсу: (4832) 56-29-39

по почте, адрес: 241035, г.Брянск, бульвар 50-летия Октября, 7, Издательство БГТУ.

Информация об этих и других книгах издательства, их авторах помещена на сайте:

[http:// www.lan.tu-bryansk.ru/bstu/fo/izdat.htm](http://www.lan.tu-bryansk.ru/bstu/fo/izdat.htm)

Вопросы, предложения авторам и статьи для сборника направлять по эл. почте:
esdemidenko@yahoo.com (Демиденко Э.С.), lena_debusi@yahoo.com (Дергачева Е.А.),
popkov@tu-bryansk.ru (Попкова Н.В.)

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Вып. 4

Под общей редакцией доктора философских наук
Э.С. Демиденко

Редактор *М.Л.Щербакова*

Компьютерный набор *Е.А. Дергачёва*

Ответственный за выпуск *Е.А. Дергачёва*

Темплан 2006 г., п. 42

Подписано в печать 25.09.06. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,99. Уч.-изд. л. 9,99. Тираж 140 экз. Заказ

Брянский государственный технический университет.
241035, Брянск, бульвар 50-летия Октября, 7, БГТУ. Тел. (4832) 54-90-49.
Лаборатория оперативной полиграфии БГТУ, ул. Харьковская, 9.

Редактор М.Л.Щербакова
Компьютерный набор Е.А. Дергачёва
Ответственный за выпуск Е.А. Дергачёва

Темплан 2006 г., п.104

Подписано в печать __.09.06. Формат 60х84 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,93. Уч.-изд. л. 9,93. Тираж 140 экз. Заказ

Брянский государственный технический университет.
241035, Брянск, бульвар 50-летия Октября, 7, БГТУ. 54-90-49.
Лаборатория оперативной полиграфии БГТУ, ул. Харьковская, 9.